

Зарубежная

фантастика

Баррингтон Бейли
Столпы вечности

Баррингтон Бейли Столпы вечности

В переводе К. Сташевски

Зарубежная

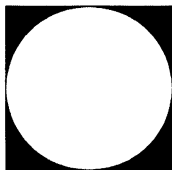
фантастика

Barry Bayley

Зарубежная

фантастика

Баррингтон Бейли
Столпы вечности

Роман

Перевод К. Сташевски

Иллюстрации Дианы Кузнецовой

Баренцбург 2017 «Пирамида»

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7 Вел)-44

Б 413

Он медленно двигался по торговой улице, отходящей от космодрома. Он был приземист и плечист. Он носил скафомод, потрепанный вид которого мог бы навести наблюдателя на мысль, что владелец — старый торгаш, махнувший рукой на свое оборудование. Наблюдатель ошибся бы: хотя кораблеводцы, вынужденные адаптироваться к разным уровням гравитации, постоянно носили скафомоды, он бы предпочел стряхнуть его с плеч, как поношенную куртку. Мускулы его были рельефными и гибкими, хотя уже и слегка заскорузлыми, ибо в юности он частенько обходился без скафомода и посетил много планет. Лицо его под ёжиком сидящих волос явно было не слишком приспособлено к передаче эмоций: безразличное, почти квадратное, местами в бородавках, выступало оно из воротника шлема. Более внимательный наблюдатель заключил бы, что лицо это маскирует страдания. И пришел бы к выводу, что человек в скафомоде изведal боль, но научился ее преодолевать. Однако едва ли на Гондоре найдутся столь пытливые зрители. В торговом порту планеты, лишенной всяких признаков собственной культуры, времени для эмоциональных изысков нет. Здесь присматриваются лишь, можно ли прогнать себе-

седника в торгах, и спрашивают только, откуда он явился и куда держит путь. Их, скорее всего, больше интересует его корабль, нежели он сам.

Его корабль. Ну что же, сказал он себе, пускай попробуют осмотреть его корабль.

Иоаким Вооз, так он называл себя. Капитан, такое обращение к себе он предпочитал; архаичное, давно вытесненное более современным *кораблеводец*. Для подобной эксцентричности имелись поводы. Он не считал себя кораблеводцем, хозяином своего корабля. Напротив.

Воздух отдавал благодным лимонным ароматом. Такие запахи были типичны для планет класса С и возникали ввиду обилия желтых солнц в этом регионе, или, точнее говоря, потому, что в ходе планетообразования в системах этих звезд извергались специфические смеси вторичных газов. Капитан Вооз вдохнул ароматный бриз на полную глубину легких. Обвел неспешным взглядом светлое небо цвета желтой серы. Ему здесь нравилось, насколько ему вообще могло где-нибудь нравиться.

Улицу обрамляли цветущие деревья. Он прибавил шагу, не обращая внимания на прохожих, и вскоре достиг окраины. Из затененных комнат постоянных дворов скучающе выглядывали юноши и девушки. До него долетали обрывки разговоров, фиксировались мозгом и пересылались на припаркованный в миле отсюда корабль, а тот выполнял моментальный перевод: *А ну вжарь мне во-от так... дикая ты... теперь в Ариадне разрыв сомкнулся... не могу войти... ты убивал уже таких, как я?*

Корабль меж тем направлял его неслышными подсказками, транслируемыми в подсознание. В комнату, имевшую форму барабана, где люди в дхоти и тогах сидели на скамьях вдоль стен. Кто-то пил, кто-то нюхал желтый порошок, кто-то общался с безгрудыми девушками в свободных платьях. Стены и потолок, лишенные орнамента, были цвета мела, за исключением охряно-красного жерла туннеля в дальней части комнаты, где переминались с ноги на ногу роботы-официанты.

В центре комнаты имелся круглый стол, где восседали пятеро. Четверо, судя по лычкам на груди, кораблеводцы. Пятый — торговец, который желал нанять кого-нибудь для грузоперевозок. Капитан Вооз остановился и стал ждать, пока его заметят. К нему метнулись взгляды, пробежали по скафомоду и лычке грузоперевозчика.

— Не присоединишься ли к нам, кораблевец? — радушно пригласил его торговец. — Чем больше участников, тем веселей игра.

Для тебя — может, и так, лениво подумал Вооз. Заняв свободный стул и мрачно, резко отозвался:

— Я доставлю груз на Харкио. Но никуда больше.

— Харкио? — торговец аж хрюкнул от удивления. Вооз нарушил неписаное правило фрахта: прямо озвучил свои намерения. Другие игроки неодобрительно покосились на него.

— Да, у меня клиенты есть в той четверти, — продолжил торговец, овладев собой. — Может, все-таки сыграешь с нами? Потом обсудим.

Вооз кивнул. Выудил из кармана небольшую колоду разрисованных карт и начал тасовать ее в привычном

успокаивающем ритуале. Присутствующие узнают эти карты и определяют в нем столпника.

Расслабившись, он лениво изучал карты. Когда-то они применялись для игр. Давно это было; в ту пору на карточную колоду еще могли положиться, а карты в ней не меняли достоинства по прихоти игрока.

Из щели в центре столика появился аналог карточной колоды: набор блестящих кубиков длиной около дюйма, чья случайность гарантировалась казино. Торговец банковал. Он взял кубик, другие последовали его примеру и спустя несколько мгновений взялись изучать проявившиеся на гранях символы.

Вооз, игнорируя происходящее, сконцентрировался на картах. Казалось, никто не имел представления, как зародилась такая привычка, но кораблеводцы, в конце концов, все люди азартные, так что это было самое логичное продолжение торгов. Кораблеводцы делали ставки, отвечавшие возможным маршрутам и тарифам перевозки груза. Торговец пытался их побить, объявляя блефом. В затруднительных случаях решение доверяли картам.

Это значило, что кораблеводцу придется провезти груз по заниженному тарифу. Или же, напротив, он вправе будет взять с торговца завышенную плату. Обыкновенно стороны приходили к разумному компромиссу.

Торговец удовлетворенно хмыкнул, изучая мигающие пастельными огоньками грани своего кубика.

— Превосходно, Родриг! После этой поездочки сможешь себе отпуск позволить. Ну, к делу. Разрыв в Ариадне, как сообщают, затянулся. Некоторое время буду

отгружать туда товары; не ровен час, снова разорвется. А теперь посмотрим... Харкио!

Он взглянул на Вооза.

— Как тебя зовут, кораблеводец?

— Я *капитан*, — произнес Вооз. — Меня зовут Иоаким Вооз.

— О! Как ты экстравагантен! А что у тебя за корабль?

— Две целых одна пятая миллиарда.

— Сойдет. Сыграем?

Родриг с кислой миной покинул стол: условия сделки выходили для него хуже первоначальных. Капитан Вооз заговорил снова.

— Я не хочу играть. Я не в настроении для игры. Я перевезу твой товар за стоимость топлива плюс восемь десятых процента амортизации.

Торговец аж просиял от радости. Кораблеводцы угрюмо покосились на Вооза. Он демпинговал по-черному, соглашаясь, по сути, ограничиться компенсацией перевозки самого себя пассажиром на собственном корабле.

— Вероятно, на этом и сойдемся... Или вы намерены перебить предложение, господа?

— Перебить? И чем же? — уныло буркнул кто-то. Кораблеводцы мрачно встали и удалились Воозу на показ.

Дождавшись, пока они исчезнут из виду, торговец глянул на Вооза с некоторой тревогой.

— Твой корабль... надежен? Я же тебя не знаю. Ты достаточно опытный пилот?

На лице Вооза возникло легчайшее подобие усмешки. Вытащив из кармана блок идентификатора, он про-

тянул его торговцу. Тот считал данные и явственно успокоился.

— Ага... да, вполне...

— Мое судно открыто для инспекции.

— Я положусь на твой опыт, добрый кораблеводец... или тебя называть капитаном? Ха! Ну что ж, курс на Харкио. У меня бозмы для Шлёсса III.

— Бозмы? — переспросил Вооз.

— Что-то не так, капитан? — встревожился торговец.

Капитан Вооз испытывал затруднения морального оттенка. Прежде он неизменно отказывался перевозить бозмов. Некоторые философы полагали их разумными существами; в таком случае участие в перевозке бозмов приравнялось к работорговле.

— Не уверен, что мне это подойдет.

— Что?! Ах да, я понимаю твои трудности. Ты ведь столпник, не так ли? Вы следуете моральному кодексу. К счастью, я скептик в том, что касается гностики. Что ж, не волнуйся, эти бозмы лишены самосознания. Если и были когда-то к нему способны, то его из них начисто выскоблило. Они все равно что трупы.

— Тогда какой от них прок?

— Ну, они пригодны для множества более простых задач, — добродушно пояснил торговец. — Главным образом их используют как детские игрушки. Тебя удовлетворит такое объяснение?

Вооз принял решение. Он твердо был намерен добраться до Харкио.

— По рукам.

— Отлично. Теперь позволь мне... гм, гм. — Торговец взялся что-то подсчитывать в своем адпланте. — Бо-

эмы весят одну целую семь восьмых миллиарда. Какова грузоподъемность твоего судна?

Вооз повторил цифру. Торговец подсчитал, сколько топливных элементов потребуется, заложил небольшой запас и внес поправку на амортизацию.

— Двести двадцать восемь целых сто восемьдесят девять тысячных псалтыря, — пробормотал он. Капитан Вооз кивнул, проделав идентичные расчеты в своем адпланте. Торговец занес условия контракта на визилист, завершив прихотливым росчерком. Оба коснулись листа лбами, записав свои телесные запахи в знак согласия с условиями сделки. Торговец извлек из поясного мешочка монеты, похожие на костяшки домино, завернул в тряпицу и протянул Воозу.

— Вот. Завтра утром мой товар готов к погрузке.

И ушел с удовлетворенным видом. Некоторое время капитан Вооз сидел за столиком один, держа в руке сложенную тряпицу с деньгами и глядя, как в открытую дверь льется ласковый солнечный свет.

Нимфа, потягивавшая напиток на скамье, внезапно поднялась, сбросила платье и начала танец. Тело ее было лишено волос и груди, талия узкая. Она напоминала девочку-подростка, увеличенную до пропорций взрослой. На Гондоре это считалось текущим стандартом красоты; впрочем, такая мода пришла сюда с других миров.

Из туннеля появился робот и вежливо положил руку на плечо нимфы. Девушка прекратила танец.

— Пожалуйста, не делайте так здесь. Это место предназначено для деловых встреч. Для танцев переместитесь в другие заведения.

Нимфа молча подхватила сброшенную одежду, презрительно оглядела зал и улетучилась.

Капитан Вооз приподнялся и подозвал робота.

— Где я могу купить топливо для корабля?

— Ближайшая станция заправки рядом, — сказал робот, повернув к нему гладкое лицо. — Вниз по улице, второй поворот направо. Сто ярдов по переулку. Владельца станции зовут Сэмсэм.

Вооз покинул зал и снова направился по улице, углубляясь в Гондору. В этом районе городская жизнь была более оживленной, веяли разные запахи, долетали причудливые звуки. Звон металла, шипение жарящейся еды, перемешанные запахи сотен наркотиков и духов. Он слышал смех, крики наслаждения, бречанье негромкой музыки. Мужчины и нимфы выбегали из дверных проемов без створок и устремлялись в погоню друг за дружкой, вздымая оранжевую пыль с голой земли.

Под блестящими тентами уличных ларьков он замечал разложенные товары: еду, сладости, наркотики, украшения, одежду, тысячи разных предметов тонкой работы. Капитан Вооз замедлил шаг. Подошел к лотку, где предлагались на продажу бозмы. Бесформенные слябы бледно-мышастого цвета были грудой навалены на подносы, так что кристаллические гребни одних почти вонзались в тела других.

Лоботомированы ли они? Капитан Вооз отвел взгляд и поспешил дальше.

Он достиг переулка и свернул туда. Тут было тише. Заправка Сэмсэма не имела ни окон, ни дисплейной

витрины и выглядела обшарпанной. Внутри царил сырой полумрак.

Владелец заправки, моргая, зашаркал ему навстречу.

— Чем могу?..

— День добрый. — Капитан Вооз показал ему идентификатор и положил на стойку монеты. — Мне нужны топливные элементы. Мне сказали, что у вас стандартные тарифы. Если это не так, я пойду куда-нибудь еще.

— О да, стандартные.

Старик перегнулся через стойку и заговорил тише.

— Если хотите, можем сторговаться по меньшей цене.

— Нет, спасибо. Я не скупщик краденого, и мне подделки без надобности. Только хорошее топливо, пожалуйста.

Владелец заправки отвернулся к стеллажам за стойкой, где виднелись ряды топливных элементов.

— Какого размера?

— Х20. Пять полных и один обрезок.

— А до какого размера вам обрезать? — Старик вынул стержни и разложил на стойке.

— Тридцать семь из сотни, — подсчитал Вооз.

— Нет-нет, меньше дюйма не буду резать, — проворчал владелец заправки. — Куда я потом этот мусор дену?

— Ну ладно, — нетерпеливо проговорил Вооз, — тогда четыре из десяти.

Старик взял еще один стержень и направился к резаку в конце стойки. Вложил в зажимы, проверил юсти-

ровку и включил аппарат. Сверкающее лезвие, взвизгнув, начало пилить желтую палку.

Вооз тем временем по очереди поднял со стойки другие стержни и осмотрел, будто прикидывая прямоту стрел. Стержни были длиной около двух футов и диаметром два дюйма. Они поблескивали на свету, точно глазурь, и казались шершавыми на ощупь.

Стержни представляли собой топливные элементы, запасавшие энергию в ходе очень дорогого процесса. Каждый элемент способен был перенести два миллиарда кораблевесовых единиц на расстояние десяти световых лет. Вооз развернул тряпицу с деньгами и отсчитал прямоугольные монеты, пока старик укладывал топливо в сумку. Дождался сдачи, поблагодарил заправщика и вышел на залитую лимонным светом улочку.

На полпути вниз по переулку корабль уведомил Вооза, что за ним хвост. Вооз взял топливные стержни под мышку. Наверняка именно они привлекли грабителей. Спустя минуту корабль доложил, что нападение неминуемо.

В следующий миг из стены соседнего дома вылетело лассо и обхватило его ноги. Секция стены сложилась, как бумажная, открывая узкий переулок. Оттуда выскочили двое мужчин, один держал лассо и затаскивал Вооза внутрь, другой переминался с ноги на ногу, вытягивая к нему руки, точно борец, ожидающий схватки.

На миг Вооз затруднился активировать свои силы и, продолжая стискивать топливные элементы, почувствовал, как его волокут в засаду. Лишь затем он уцепил-

ся за лассо свободной рукой, перехватил у рукояти и рванул на себя, сбив нападавшего с ног.

Атакующие не ожидали, что приземистый неуклюжий космолетчик в скафомоде разовьет такую прыть. Вооз перекатился, вскочил на ноги и, завершая движение, пнул человека с лассо в копчик. Удар сломал грабителя позвоночный столб.

Человек с лассо издал булькающий вой, рухнул лицом вниз и стал сучить руками, как искалеченное насекомое. Вооз рассудил, что этот тип долго не протянет, и решил заняться вторым. Развернувшись для атаки, он обнаружил, что тот целится в него из пистолета поверх парализованной туши своего напарника. Вооз увидел в его глазах ужас и почти тут же ощутил тепло: луч пистолета ударил в грудь.

Но спустя считанные микросекунды ощущение тепла исчезло. В двух милях от переулка припаркованный на космодроме корабль Вооза отреагировал на происходящее с телом. Миллиарды цифровых импульсов хлынули по узконаправленному лучу, которым корабль привязывал к себе Вооза, и занялись переналадкой систем защиты тела. Они отклонили смертоносный луч из пистолета грабителя и рассеяли его, оставив лишь тонкий сполох.

Капитан Вооз, продолжавший держать под мышкой груз топливных элементов, сделал один шаг вперед и вырвал оружие, после чего хватил прикладом о стену с такой силой, что аккумулятор пистолета вылетел наружу, и отшвырнул батарейку ногой, наблюдая, как, в панике озираясь, пятится грабитель. Переулок оканчивал-

ся тупиком и, вероятно, был проложен как раз для нужд воров.

— Мы не хотели тебя убивать, кораблеводец, — быстро взмолился грабитель. — Мы бы только забрали твои стержни.

— Лжешь. Ты стрелял на поражение.

— А ты глянь, что с моим другом!..

Заговаривать зубы Воозу было бесполезно. Он сгреб вора за воротник тоги и поставил на колени. Потом, продолжая орудовать только одной рукой, взял того за горло.

Когда Вооз принялся душить грабителя, лицо того вдруг изменилось. Ужас уступил место сонно-мечтательной хитрости; вор воззрился на Вооза.

— Ты меня убьешь?.. — задыхаясь, выдавил он.

Вооз покосился на продолжавшего стонать паралитика под ногами. Внезапно он увидел себя со стороны, и увиденное ему не понравилось. Он отпустил вора. Тот осел на землю с видом одновременно облегченным, разочарованным и нервным.

На лице же Вооза ничего не отразилось. Он задом выбрался из переулка, развернулся и пошел обратно к торговой улице.

Он вернулся на космодром. На плоской площадке, охватывающей три квадратных мили, было припарковано несколько десятков кораблей. Казалось, что в слабой дымке они едва заметно дрейфуют. Некоторые, стреловидных очертаний, и вправду были готовы стартовать в любой миг, но дизайн большинства не предусматривал постоянной готовности к отлету с парковки,

так как это повышало расход топлива и требовало специфической конструкции корпусов.

Спускались сумерки. Солнце стояло уже низко, на противоположном участке небосвода возникли первые звезды. Над головой наблюдалась обычная картина. В этой системе процессы планетообразования протекали таким образом, что планета Гондора представляла собой, по существу, огромный спутник газового гиганта. Тот бледно маячил в жизнерадостных небесах; кольца просматривались четче.

Космодром был сооружен на плато. Отсюда город и его окрестности казались масштабной моделью. Капитан Вооз замедлил шаг и взглянул туда. Интересно, почему почти на всех заселенных человеком мирах его настигало неизменное ощущение упадка и скорого конца Вселенной? Вселенной, которая изнашивается, теряет жизненные силы, вступает в теплую осень. Неужели Вселенная действительно приближается к своему концу, обреченная истаять в огне мирового разума? Или это лишь ощущение, внушаемое человеческим обществом?

Он напомнил себе, что такое впечатление и не может быть иначе как полностью субъективным, ибо продиктовано его собственными эмоциями. Подобные мысли возникали у многих, в том числе и в пору ранней юности человечества; он знал это по работам философов и историков, живших еще до возникновения машинной цивилизации — Плутарха, Лукреция, Марка Аврелия. Несомненно, им тоже доводилось (по причинам, ныне кажущимся тривиальными) мнить мир идущим к упадку, и наверняка они так же стояли на холме, как

ныне Вооз, проникаясь вездесущей, словно бы источаемой самими звездами меланхолией.

Капитан Вооз предавался таким размышлениям сразу после того, как убил одного человека и с трудом удержался от убийства второго; это кое-что говорило о складе его ума. Нельзя сказать, что он был бессердечен и безжалостен; напротив, он придерживался строго морального кодекса философов-столпников. Однако в сравнении с тем, что он познал, эта стычка попросту не имела никакого значения. Двое выступили против него, он их проучил. И это было всё.

Он ступил на ленту эскалатора и стал подниматься к люку. Пройдя на борт, он первым делом направился в машинный отсек, проверил топливные элементы, измерил их активность (ключевой для равномерной работы двигателя параметр) и взял пробу носителя специфической энергии, которая одна могла послать корабль в путешествие быстрее света. Наконец он загнал стержни в пустые индукционные трубки (при посадке там оставалось менее дюйма от каждого).

Прошел в главную каюту и приготовил себе простую трапезу из специальных блюд. Он чувствовал себя дома. Его окружали металл, процессоры, адпланты и передатчики. Он был как эмбрион в корабельной утробе. Кораблю теперь больше не нужно защищать его издалека; ушел страх удаления, разрыва узконаправленного луча. Эманации корабля регулировали работу нервной системы и органов чувств, тщательно отводили любую угрозу — и происходило это посредством постоянного излучения сигналов, пронизывающих сам воздух вокруг.

Его корабль; его трагедия, его спасение, его надежда. Корабль протягивал к нему лучи, словно нежные руки, и заботился о нем, пока он оставался в зоне покрытия. Корабль обеспечивал невероятную силу и неуязвимость ко многим видам оружия. Стоит отдалиться на десять миль, как эффективность покрытия начнет спадать, и ему сделается плохо. На расстоянии пятнадцати миль он умрет в жуткой агонии, воспроизводящей ту, какая ему хорошо помнилась.

И так же, как протягивал корабль свои лучи для поддержания процессов в его искаленном теле, мог он и шпионить ими вокруг, докладывая обо всем происходящем. Вооз устроился на низкой кушетке и, не вполне осознавая, что делает, принялся наугад шарить лучами в окрестностях — он порой прибегал к этому своеобразному развлечению, отгоняя дурные мысли. Разум его блуждал, словно во сне наяву, по улицам и домам Гондоры. Солнце село, дневные дела окончились. Город переключался на основное занятие своих жителей: бесцельные поиски наслаждений.

Лучи корабля, мягкие и необнаружимые, проникали сквозь металл и стены, через слои литопласта, краски и карбогидридных ферросплавов. Вооз почувствовал внутренность людного бара. В центре комнаты танцевали нимфы, изредка — вместе с мужчинами, которые быстро утягивались за столики и опрокидывали стаканы.

Перспектива смещалась, приближая будку в дальнем конце зала. За узким столиком, поставив перед собой кружку, расположился мужчина крепкого телосложения, с широким и невыразительным лицом, лопатообразной

челюстью, приплюснутым носом и широко расставленными глазками; его словно киянкой по переносице приложили. Рядом сидела девушка с длинными рыжими волосами, алыми губами и полными щеками. Двигалась она порывисто, жестикулировала и ёрзала; ее партнер оставался равнодушен и недвижим.

Она его поддразнивала; Вооз видел, что встретились они только этим вечером, но девушка явно предлагала себя мужчине. Тот встречал ее прохладно, чуть отстраненно, но не отвергал напрямую. Постепенно она зацепила его. Клиент скучающе глянул на девушку.

— Мне по-прежнему кажется, я тебя где-то уже встречал. Разве нет?

— Встречал?

— Гм, ну не знаю. — Он цедил слова, едва шевеля челюстью. — Может, твою сестру. У тебя сестренка была?

— Может.

— Угу, наверное, это другая была. Таких, как ты, миллионы. Я отымел не меньше сотни, во всяком случае.

Она склонилась к нему, метнула взгляд из-под длинных ресниц. Губы призывно приоткрылись.

— Ты убиваешь таких девушек, как я?

— Я много кого убивал.

Вооза потянуло в сон, он начал клевать носом. Мужчина и девушка стали танцевать, потом выпили и утонулись прочь из зоны его восприятия. Между ними повисла какая-то диковатая напряженность. Когда Вооз очнулся, то обнаружил их в привате: двое стояли друг

против друга, разделенные матрацем, словно готовые слиться для полового акта животные. Оба были наги.

Внезапно глаза девушки хищно сузились.

— Ты и вправду *убил* раньше такую, как я. Я Джоди. Помнишь меня?

Вид у мужчины был неуверенный, но мускулистое тело напряглось.

— Джоди? Но твое лицо... не такое же, как было. Не точно такое же.

Она торжествующе поглядела на него.

— Я сменила внешность. Гормональные отклонения в баке. Слишком много тиреоидов. Но я Джоди, совершенно верно, и я помню. — В ее голосе прозвучала ярость. — *Господи, как хорошо я помню!*

Она метнулась к разбросанной на полу одежде ихватила оттуда смотанный кольцами узкий предмет. Парабич. Резко выпрямилась, разметав волосы по плечам. Прерывисто задышала.

— Меня каждый раз блевать тянет. Но теперь все будет иначе. На этот раз я тебя убью!

Раскручиваясь, бич взмыл в воздух, чтобы парализовать нервы мужчины и обездвижить его к ее удовольствию. Но клиент оказался слишком проворен. Он увернулся от хлыста, затем прыгнул, ухватил ее запястье и вывернул так, что бич выпал из пальцев девушки, а свободной рукой поймал его за рукоять.

— Извини, солнышко, но я с клонами не играюсь. — Голос его был хриплым и похотливым. — Я один такой живу. Ну а *ты*, значит...

Он сжал ее горло своей ручищей и принудил опуститься на пол. Вооз дал кораблю команду переключить

луч. В своем вуайеризме он не заходил так далеко, считая сцены сексуальных убийств омерзительными.

У девушки где-то был припрятан клонированный дубликат. А в мозгу передатчик, похожий на корабельную модель Вооза, но гораздо, гораздо проще. Мгновение за мгновением скормливает устройство ее мысли и чувства спящему клону. Когда оригинал умирает, клон просыпается. Со всеми воспоминаниями, включая момент смерти. Так Джоди и воскресла.

Сексуальные убийства вошли в моду у пресыщенных искателей наслаждений этого региона; ими двигало стремление испытать во всей полноте связь между сексом и смертью, хорошо известную психологам. Говорили, что экстаз получается несравненный, ведь в нем нет ничего притворного. Оригиналы умирали *на самом деле*, навсегда. Преимущество обеспечивалось новым, пробужденным ото сна клоном.

По крайней мере, так считало большинство. Вооз не был в этом уверен. Он верил в существование чего-то, именуемого душой, и полагал его пространственно неограниченным. Возможно, душа и передается вместе с воспоминаниями. В любом случае, культ сексуальной смерти его отталкивал. Память о смерти во время полового акта вынуждала клона искать ее снова и снова; замкнутый круг извращений.

У самого Вооза клонированного тела в запасе не имелось. Он бы с радостью встретил смерть, но та бессильна была ему помочь. Прошрое, а значит, лежащая в нем агония, от этого не изменится.

Он погрузился в сон, скорчившись на кушетке. Через десять часов пробудился: приехали грузовики торговца.

Не успел он толком очухаться, как корабельные роботы сноровисто выдвинули мачтовый кран и начали спускаться по корпусу. Он последовал за ними и стал наблюдать, как автоматы переносят груз в кладовую.

Последний ящик он на пробу вскрыл. Внутри действительно оказались бозмы с уникальной планеты, известной фантастическим разнообразием кристаллов. Бозмы представляли собой наиболее продвинутую форму этого кристаллообразования. Никто не знал, что или кто они в действительности — обычные естественные кристаллы, пускай и превосходящие сложностью адпланты, или эволюционировавшая форма жизни, разумная, но неподвижная. Подобрав нужные параметры модема, с бозмами удавалось общаться, однако ответы с равным успехом можно было приписать простой обработке вносимой пользователем информации.

В любом случае, бозмов с успехом применяли для систем управления. Кибернетическое устройство с бозмом внутри почти не отличалось от живого человека, и такие модели, даже основательно выхолощенные, снижали популярность в индустрии игрушек. Адплантам же, произведенным промышленностью, недоставало спонтанности отклика.

У Вооза не было возможности определить, действительно ли образцы лоботомированы, как обещал торговец, но пересматривать контракт он уже не имел права. Прежде чем улететь по своим делам, он обязан доставить груз. Таков закон.

Он заверил грузовую декларацию запахом своего тела. Грузовики уехали, роботы уползли внутрь, мачтовый кран втянулся. Капитан Вооз включил эскалатор и

вернулся в рубку. Поджег первый топливный стержень; тот выбросил искры и начал генерировать энергию. Грузовой корабль медленно воспарил с ВПП в лимонное небо.

2

Как только Вооз очутился среди блистающих светил и величественных занавесей газопылевых облаков, он перестал отвлекаться на постороннее. Корабль мчался в галактическом пространстве, а Воозу делать было особо нечего, только сидеть, и так, сидя, он дремал, а в состоянии дремы прошлое одолевало его. На планете внимание всегда удавалось чем-нибудь занять. Но здесь... только пустота и корабль, неизменное фоновое гудение корабельных двигателей.

Его разум, немного посопротивлявшись, утонул в пене образов, которые поднялись из прошлого.

Воспоминания овладели им.

Капитан Иоаким Вооз не всегда носил это имя. Исходное его имя состояло из одного слова. Дразнилка, кличка, которую он не потрудился бы сейчас озвучить; казалось, что она никогда и не была его именем. Он родился в трущобах Корсара, никогда не знал своего отца и не успел толком узнать мать. С десятилетнего возраста он жил в одиночестве, пытаясь прибиться к одной из канализационных банд — стаяк молодежи, терроризировавших трущобные крольчатники.

Но Воозу от рождения крепко досталось. Он родился калекой, со сгорбленной спиной, искривленными конеч-

ностями, и ходить мог, только помогая себе палкой, которую сжимал обеими руками; она же служила ему защитой от ударов и тычков, которые наносили равно стар и млад. Ни к одной банде ему прибиться так и не удалось, хотя он отирался у всех, кто соглашался его терпеть, ибо научился хромать, опираясь на клюку, с довольно приличной скоростью.

Большую часть времени он проводил, попрошайничая в космопорту, поскольку ремесла грабежа и убийств, которыми промышляли банды, ему по очевидным причинам оставались недоступны. К пятнадцати годам он обзавелся мечтой: захотел стать кораблеводителем. Эти спокойные люди с прямыми спинами, хозяева собственных кораблей, которым везде были рады, стали его героями, и он наблюдал, как они вышагивают по космодрому. Они реже пинали его, чем пассажиры космических лайнеров, механики или даже члены экипажа, а чаще подавали милостыню. Вооз смутно догадывался, что во Вселенной существует не только безжалостный, грубый Корсар. Глядя, как тает в синеве (небо Корсара было синим) корабль, он мечтал о побеге.

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, мечту удалось осуществить.

Хромая, Вооз выбрался из трубы в темный уголок космопорта. Полдюжины Резунов, членов банды, которой он старался избегать, как огня, гнались за ним, выкрикивали его имя, имя, которое он ненавидел, имя, которое точно описывало его природу.

Он бы, наверное, ушел от погони, но на пути случился пилон. Вооз не умел быстро менять направление движения. Это позволило одному из преследователей

настичь его. Палку у него вырвали и отбросили прочь. Он пополз туда, но они накинулись на него. Стегнули хлыстом, чтобы он закричал.

Он ощутил только один удар. Затем происходящее переменялось. Резуны замерли, их крики оборвались. Хлыст завис в воздухе. Вооз поднял взгляд, продолжая лежать. Он увидел пару босых ног, а над ними — голые щиколотки и ноги, до середины бедер. Затем — край хитона, одеяния вроде тоги, свободно свисавшего с плеч.

Такую одежду носили профессионалы, которым не было нужды много работать. Юный Вооз оглянулся через скрюченное плечо. Над белой тканью хитона он увидел синие глаза, смотрящие на него с чисто выбритого лица, и аккуратно зачесанные на лоб волосы.

Незнакомец, вероятно, вышел из-за пилона. Резуны легко бы с ним справились, но появление этого человека словно бы застало их врасплох. Канализационные банды придерживались негласного уговора с администрацией космопорта: иномирских гостей на самой территории не трогать. Но, видимо, не это их сдержало, а что-то в невозмутимом лице новоприбывшего.

Гость сделал рукой широкий жест.

— А ну катитесь отсюда.

Несколько мгновений они не двигались, лишь исподлобья зыркали на него, но потом убрались восвояси, в трубу. Незнакомец поднял палку Вооза и вернул ему. Вооз уткнул конец палки в покрытие космопорта и стал приподниматься дальше, пока не выпрямился почти на максимальную доступную ему высоту, сиречь немногим выше поясницы гостя.

— Спасибо, господин. Вы бы не могли подать мелкую монету, добрый господин?..

Человек в хитоне проигнорировал заученную мольбу. Он оглядывал Вооза профессиональным оком.

— Ты такой от рождения, юноша?

Вооз нервно запахнул в свои лохмотья и застегнул драную куртяшку у горла.

— Да, господин, — прошептал он.

— Тебя когда-нибудь осматривали врачи?

— Врачи, господин?

Вооз имел весьма смутное представление о врачах. На Корсаре болезни были так же редки, как врожденные уродства; естественный отбор их выкорчевывал.

— Врач — это человек, который занимается исправлением того, что в теле пошло не так, — терпеливо объяснил незнакомец, явно осознав глубину невежества Вооза.

— Нет, господин. — Вооз протянул было руку, но, поняв, что милостыни вряд ли дождется, зашаркал прочь.

— погоди, — сказал незнакомец. — Я хочу с тобой поговорить. Следуй за мной.

Вооз удивленно повиновался. Незнакомец провел его в одну из гостиниц на периферии космодрома. Воозу было не по себе в хорошо освещенном номере с приличной мебелью. Все там показалось ему весьма странным; он не привык находиться в помещениях с мебелью.

Человек заговорил, но не с Воозом. Минутой позже вкатился сервитор и принес поднос, накрытый крышкой.

Внутри оказалась овальная тарелка с едой, сдобренной пряностями. Человек пригласил Вооза поесть.

Еда была прекрасна, но не слишком обильна. Вооз не догадывался, что при виде его истощенной фигуры хозяин номера рассудил, что лучше не перенапрягать желудок подростка. С едой подали шипучку, из тех, какие Вооз любил и часто покупал. Он жадно присосался к ней.

Человек в хитоне дождался, пока он закончит, и снова заговорил.

— Твое тело можно исправить, — сообщил он. — Твой скелет можно переделать и выпрямить. Твои ткани можно простимулировать и подъюстировать, чтобы ты набрал нужный вес и рост. Знал ли ты, что это возможно?

Вооз помотал головой. Он и не задумывался о таком.

— Процесс, разумеется, весьма дорогостоящий.

Незнакомец хотел заключить какую-то сделку; это Вооз понимал четко. Но что именно тому надо, оставалось непонятным. Он слушал, как незнакомец негромким, бесстрастным голосом продолжает объяснения. Можно сделать так, чтобы Вооза подвергли необходимой терапии, сказал гость. Он берется увезти Вооза с Корсара на планету, где его друзья, умелые врачи, выпрямят тело инвалида. Но он делает это не из одного лишь сострадания Воозу. Гость хотел получить кое-что и взамен, однако при удаче Воозу от этого будет только большая польза. Если нет... что же, риск незначителен, и если все делать правильно, вряд ли что-нибудь может пойти не так. В худшем случае опыт завершится

неудачей, но Вооза все равно снабдят здоровыми костями. Это незнакомец мог ему обещать.

В уплату за исцеление Воозу предстояло стать опытным образцом. Хирурги-ортопеды — скелетных дел мастера, как называл их незнакомец — заменят Воозу все кости. На место его родных, скрюченных, врачи установят кости, которые сами же и изготовят. Такие же сильные и крепкие, как настоящие, и способные продуцировать кровь из костного мозга. А еще в них будет содержаться значительное количество кремния. Каждый грамм этого кремния предполагалось отвести под адпланты.

— Тебе известно, что такое адпланты? — спросил незнакомец.

Вооз помотал головой. Человек пожал плечами.

— Ну, это такие модули автоматической обработки информации. Так все машины работают. Сервитор, который тебе принес еду. Все управляющие системы. — Он коснулся пальцем брови. — К примеру, имплант в моем черепе усиливает мои вычислительные способности. Весь твой скелет будет состоять из микропроцессоров. Как если бы в тебе поселилась другая личность, с новыми чувствами и режимами восприятия, новыми талантами. Вот только на самом деле второй личности не окажется. Все преимущества этой системы достанутся тебе, если ты пожелаешь воспользоваться ими. Таково естественное направление человеческой эволюции. Мозг недостаточно вместителен, даже с адплантами. Кремниевые кости предлагают больше места, одновременно дублируя скелет. Пока мы испытывали эту технологию только на животных... а ключевую

стадию, адаптацию к человеку, откладывали до момента, когда повезет найти подходящего субъекта. Но ты, кажется, можешь решить нашу небольшую проблему. Ты необычен; в Галактике не так много инвалидов от рождения.

— Почему вы на Корсар прилетели искать таких, как я? Потому что тут нету врачей?

— Я не специально с этой целью прибыл на Корсар. Этот космопорт — всего лишь пересадочный пункт; я тут от силы несколько часов собирался провести, у меня потом рейс на Аврелий. Мне просто очень повезло тебя найти. Надеюсь, тебе тоже очень повезло.

Впоследствии Вооз приучил себя сравнивать кремниевый скелет с бозмами, естественными кристаллическими системами обработки информации. Это помогало ему относиться к бозмам как к неразумному подобию кремниевых костей.

Шестнадцатилетний же подросток-побирушка понял не всё. Потом он осознал, что полнота объяснений была продиктована моральным кодексом. Исходить из предубеждений относительно уровня знаний человека — значит вести себя заносчиво, ведь почти всегда этот уровень при оценке занижается. Цивилизованному человеку лучше изложить в разговоре все известные факты, и неважно, поймет их слушатель или нет.

В частности, та часть сказанного, что относилась к микропроцессорам и новым режимам восприятия, влетела Воозу в одно ухо и вылетела из другого. Однако он четко уразумел, что незнакомец предлагает ему покинуть Корсар, а кроме того, обещает воплотить надежду, которую мальчишка доселе и не осмеливался питать.

Но с какой стати доверять иномирцу в хитоне? Людей его класса в трущобах презирали за легкость и комфорт их жизни. Вооз знал, но не сумел бы сформулировать объяснение словесно, сидя напротив хозяина номера. Слова и поступки этого человека были неизменно выдержанными и аккуратными, но в них не чувствовалось никакой показухи. Он ни разу не улыбнулся Воозу. Он не пытался завоевать доверие мальчика. Он изложил факты и предоставил Воозу самостоятельно осмыслить их. Впервые в жизни Вооз встретился с отношением к себе как к равному.

Он решился.

— Я с вами, — проговорил он.

Скелетных дел мастера звали Хитон. Мальчишка, будучи спрошен о своем имени, лишь побледнел сильнее обычного и отвел глаза. Хитон больше не спрашивал; Вооз обнаружил, что вполне может обойтись без имени. Через неделю они прибыли на Аврелий, и горизонты его жизни стремительно расширились.

Первая смена перспективы наступила почти сразу же. Его озадачила и насторожила безупречная вежливость тех, кому он себя препоручил. Когда настало время медосмотра, мальчик в испуге забился в угол и чуть не разрыдался.

Главный врач (не Хитон) только усмехнулся.

— Ты знаешь, — сказал он Воозу, — существовала когда-то цивилизация, где инвалидов не презирали. Их жалели и обеспечивали особым уходом.

Вооз изумленно поглядел на него.

— Сейчас дела обстоят, конечно, совсем по-другому. Не сомневаюсь, что тебе пришлось вынести много издевательств.

Он покивал, словно получив ответ от безмолвного мальчика.

— Природа взяла свое. Сочувствие до некоторой степени неестественно, это продукт городской жизни. Более естественная реакция на инвалида — атаковать и изгнать из общины. Так происходит у животных, и такое же отношение характерно для крестьянской ментальности, обуявшей ныне большую часть нашей цивилизации.

— А вы?.. — осмелел Вооз.

Скелетных дел мастер снова улыбнулся.

— Мы те, — ответил он, — кого знают как *столпников*.

Вооз никогда не слышал о философии столпников, и ответ не произвел на него никакого впечатления. Но его заверили, что философская компонента весьма важна. Кремниевые кости предназначались для пользователей, прошедших определенную подготовку, чтобы в полной мере оценить эффекты их воздействия на организм.

Именно на этом мире, Аврелии, возникло общество столпников. После медосмотра скелетных дел мастера заявили, что окончательную операцию следует предварить длительным обучением. Кремниевый костяк необходимо подогнать под его телесные параметры, а также провести определенные мышечные модификации. А пока его подвергнут предварительной коррекции.

После нее Вооз смог ходить, хотя и все еще согбенный, с палочкой, однако мышцы его ног теперь были укреплены и адплантированы.

Хитон забрал его в Тету, город на залитой солнцем экваториальной полосе планеты, в дом столпничьей философской мысли. Столпники, вообще говоря, не употребляли такого самоназвания. Им его дали по наиболее характерной архитектурной примете города — величественным, невероятно просторным и длинным колоннадам и перистилям, придающим утопавшей в цветах Тете исключительную красоту. Сами себя столпники называли просто *философами* — любителями мудрости.

На просторных аллеях города Вооз познавал утонченную усладу рассудочного дискурса. Аврелий представлял собой типичную планету С-класса: небо цвета лимонного шербета, источавшее на колоннады сияние оттенка крокуса, словно сам камень был пропитан красителем из шафрана. Обозревая величественные, бескрайние пейзажи, Вооз словно погружался в благостную бесконечность, непривычными и чудесными концепциями будоражащую его мозг.

Хитон представил его человеку по имени Мадриго, который в итоге стал Воозу наставником. Мадриго был безразличен к невежеству мальчика; он сразу заявил, что никакого значения это в данный момент не имеет. Вооз сперва пытался, наученный опытом Корсара, доискаться каких-нибудь выгодных послаблений для себя, даже манипулировать окружающими. Но отклика не нашел и вскорости оставил это занятие.

Он начал, напротив, имитировать поведение окружающих: терпеливую рассудительность, отношение к людям как априорным носителям доброй природы — ибо все разумные существа, наставлял его Мадриго, суть обычные жители одного-единственного города, вселенского города.

Однако важней всего было отношение к самому себе, которому Мадриго его обучал. Ментальное состояние, бывшее целью столпников, называлось атараксией — невозмущенным сознанием, стоическим равнодушием к происходящему.

— Все преходяще, все произвольно, и в то же время — неизбежно, — говорил Мадриго. — Что бы ни происходило, принимать его надлежит без отвращения, даже если оно дурно, и без чрезмерной радости, даже если оно приятно. Тайна жизни заключена в невозмущенном состоянии сознания.

— Но нельзя же приказывать своим чувствам, — пробормотал Вооз.

— Поэтому ты здесь. Ты научишься распознавать свои чувства и не позволять им овладевать собою. Увидишь.

И он *научился*. Благодаря Мадриго он совершил поразительное открытие: осознал, что его чувства — *не* самая важная вещь на свете, даже для него самого. Он обучился отстраняться даже от самых досадных эмоций, рассматривая их как посторонние объекты. Когда это произошло, он обнаружил, что восприятие его несколько обострилось, а внимание сделалось более цепким. Постепенно он обнаружил также, что за сравнительно грубыми эмоциями, основанными на упрямстве,

сокрыты более тонкие и широкие — сочувствие другим людям, наслаждение более мягкое и рельефное, нежели он мог представить. Но Мадриго остерегался против привязанности к ним. Надлежало всегда помнить, что мир в определенном смысле иллюзорен.

Это Вооза поставило в тупик.

— Но он мне кажется вполне реальным, — фыркнул он.

— Так и есть; он реален, но неспособен самостоятельно поддерживать свое существование. Что бы ни случилось, оно проходит и тает, растворяется в небытии, пока не происходит снова.

Вооз не понял смысла последних слов Мадриго, пока, спустя некоторое время, не начал постигать космологию столпников. Мир в действительности состоял из *огня разума*, как столпники обозначали недифференцированное сознание. В этом огне разума что-то случилось; стали возникать разрежения и уплотнения, сделавшие его неравномерным. Движения эти привели к дифференциации физических элементов. Стала развиваться звездная вселенная, элементы — комбинироваться бесчисленным множеством способов. Но огонь разума пребывал вовеки, хотя и умаляясь как качественно, так и количественно, постепенно огрубев до такой степени, что его проявлением сделались *индивидуальные* сознания органических разумных существ.

Так возникла Вселенная: сформировалась из мирового огня разума. Но лишь на определенный срок. По прошествии бесчисленных миллиардов лет настала фаза ее коллапса, завершившаяся исчезновением в огне — огне разума, чистейшей мыслимой форме огнен-

ной стихии. Элементы растворились в нем, погрузились в изначальное латентное состояние. Так и закончился мир. Но не навсегда. Спустя столь же продолжительный период времени процесс начался снова, *в точности повторяя себя*. Вселенная возникла опять, в точности уподобившись себе прежней. Каждый атом, каждый индивид, каждое событие повторились, идентичные с точностью до мельчайших деталей. Ничто не изменилось от вечности до вечности.

Космическая осцилляция носила фундаментальный характер. Два столпа вселенской стабильности. И действительно, они являли собою первейшее проявление вселенского закона полярностей, на коем зиждилось все материальное.

Столпники, падкие на символы, изображали такой закон двумя столпами: положительным и отрицательным. И были у сих столпов имена, пришедшие из преданий глубокой древности: *Иоаким* и *Вооз*¹.

Концепция потрясла мальчика-инвалида. И, на более глубоком уровне, разрешила его личностную проблему. Появившись в Тете, он постоянно испытывал потребность взять себе новое имя. Трудность заключалась в том, что все имена, слышанные им, казались чужими, неподходящими. А теперь, игнорируя возможные обви-

¹ Здесь имеются в виду Яхин и Боаз — легендарные колонны у входа в первый иерусалимский храм Соломона (I Цар. 7:17–22), разрушенные при нашествии вавилонян. Однако транскрипция, предпочитаемая столпниками, отсылает также к библейским персонажам Иоакиму (отцу Марии и деду Иисуса) и Воозу (прадеду царя Давида). Столпы Яхин и Боаз часто изображались на витражах средневековых церквей и фигурируют как в некоторых вариантах карт Таро, так и в масонской символике.

нения в претенциозности и мании величия, он решил взять себе имена, символизирующие перерождение его как личности и указывающие на новые ментальные горизонты, которые должны были перед ним открыться.

Он нарек себя *Иоаким Вооз*.

Старая жизнь завершилась, и он отринул память о Корсаре. Спустя три месяца скелетных дел мастера сообщили, что готовы провести операцию.

С колотящимся сердцем (он еще не обрел способности подавлять страх и погружаться в атараксию по своей воле) подросток отправился на предварительный медосмотр. Его тело очистили от ядов и лишних веществ. Его старательно вымыли и остригли. Ему пояснили, что он проведет в беспамятстве десять недель. После замены скелета он будет лежать в баке, где мускулы постепенно адаптируются к новому, усиленному костяку. Затем скелетных дел мастера проведут следующую операцию, подключив новый костяк к его нервной системе. И наконец, полностью здорового, его извлекут из бака для непродолжительной рекуперации, после чего (но не ранее) активируют заглушенные высшие функции мозга. Он пробудится на чистых простынях в комнате, куда через открытое окно будут долетать цветочные ароматы, и почувствует себя новым человеком.

Так и случилось.

Вооз шевельнулся в своем кресле. Ему показалось, что он уснул и видел сны, но нет, он лишь вспоминал. С памятью можно было совладать. Ее можно было селективным образом удалять — хирургическим или элек-

трически воздействием на области мозга, ответственные за хранение информации. Можно было даже записывать новые воспоминания. Он мог бы обзавестись новым прошлым, стать новым человеком, другим, с иными переживаниями. Некоторые культы практиковали такую переналадку прошлой жизни. Вооз же, человек по натуре ригидный, никогда и не думал о такой возможности. Жизнь реальна, и лишь воспоминания, основанные на реальных эпизодах, имели ценность. Принять иные воспоминания — значит погрузиться в сон наяву, и даже если сон этот продлится половину вечности, рано или поздно наступит пробуждение...

Мысль эта пробудила в нем болезненные эмоции, и корабль, реагируя на них, вздрогнул. Корабль все время хлопотал о нем, переживал за себя и Вооза — оба они составляли предмет его забот. Он услышал неясный шум, щелчки, тихий-тихий шепоток — симптом некоей перемены в состоянии неустанно несущих вахту механизмов. И снова соскользнул в яркую галлюцинационную пропасть воспоминаний...

В больнице не было зеркал. Он попросил принести, но ему велели хранить терпение. Сначала он должен был научиться сохранять равновесие, ходить, в общем, привыкнуть к себе.

— А как насчет костяных функций? — осведомился он.

Их еще не включили. Позднее ему покажут, как это сделать.

Но даже оглядывая свое тело, он осознавал разительные перемены. Он видел, что находится в непри-

вычной дотеле позиции относительно окружения. Он больше не горбился. Он стал высок и ростом почти не уступал другим людям. Спина выпрямилась. Конечно-сти двигались свободно.

Мускулатура сделалась невероятно гибкой и сильной. Новые, сладостные ощущения: стоять на одной ноге или пересечь комнату, наклониться и что-нибудь взять без риска упасть. Но он поразительно быстро свыкся со своим новым состоянием. Спустя пару дней эффект новизны прошел, самочувствие стало нормальным.

Лишь после этого внесли зеркала.

Через неделю его вызвали обратно в операционную и погрузили в сон, чтобы протестировать кости на специализированном оборудовании. Они словно в первый раз запускали двигатель нового типа: пойдя что не так, возможны опасные осложнения.

Он очнулся в уже знакомой больничной палате. Хитон приветствовал его. Все было в порядке. Можно начинать активацию костяных функций.

Это он должен был сделать сам, но ему показали, как; требовалось сохранять осторожность. Всего функций у скелета имелось восемь, но пока ему собирались показать лишь две, *спасательную* функцию и функцию *живости*; последнюю он до времени сможет поднимать лишь на третий уровень из десяти предусмотренных.

Спасательная функция сводилась к простому переключателю ВКЛ/ВЫКЛ. Впрочем, она должна была все время оставаться активной; и более того, скелетных дел мастера считали это величайшим своим достижением. Она поддерживала естественные системы вос-

становления организма и наделяла тело непревзойденными способностями к сопротивлению травмам и болевым шокам, а органы — ограниченной возможностью регенерации, по образу и подобию печени (дотоле — единственной такой в своем роде). Она продлевала жизнь и замедляла биологические часы.

Функция живости имела психологическую природу. Она вводила в состояние, которого можно было также достичь — ненадолго — в наркотическом трансе, и ментальные наставления, полученные Воозом от Мадриго, выявляли определенные побочные эффекты. Как и наркотики, живость воздействовала на чувства. Хитон называл ее функцией радости.

Она открывала прямой канал сообщения сенсорного восприятия с эмоциональным. Любое зрелище любого объекта, любой звук встречались теперь с радостью, удивлением, наслаждением, счастьем. Скука и тоска исчезали. Вселенная наливалась жизнью, сияла смыслом во всем, от падения капли воды до бескрайнего ландшафта.

Функция живости, как и обещал Хитон, была все равно что дополнительный режим восприятия. Вооз цокал языком от удовлетворения, озираясь кругом на втором уровне живости. Как радушен, как оптимистичен светло-оранжевый оттенок стены! Какую великолепную уверенность в себе внушает способность зеркала, отражающего синеватым металлическим блеском, возвращать и проецировать изображения *любых* оттенков! Сердце тает от одного взгляда на это!

Выглянув из окна в сад, он узрел растения под небом и солнцем цвета нарцисса, и сердце его чуть не разо-

рвалось от счастья при виде такой благодати. Подумать только, а ведь все это *существовало* и раньше!

— Можно поднять до тройки? — спросил он.

— Да, но будь осторожен.

Переключение осуществлялось посредством мысленного сигнала. Пока что Вооза обучили шести последовательностям — двум парам ВКЛ/ВЫКЛ и двум дополнительным, для настройки живости. Он мысленно произнес звуки, отвечавшие третьему уровню живости, и тут же задохнулся, охваченный шокирующе интенсивным потоком эмоций от сияющей, великолепной сцены перед собой. Он поспешно возвратился на второй уровень.

— Ты не должен включать уровни, с которыми твое сознание не способно совладать, — предостерег его Хитон. — Опасность кремниевого скелета в том, что мощь некоторых его функций может серьезно деформировать и даже уничтожить личность. Вообще-то мы твердо намерены устанавливать кремниевые кости только тем, кто прошел предварительную философскую подготовку.

Вооз отключил живость и вернулся в приземленное состояние.

— А какие еще функции тут есть?

Хитон улыбнулся.

— *Подъюстированная хронаксия*: она меняет минимальный интервал нервной возбудимости и, таким образом, контролирует субъективное восприятие времени, ускоряя или замедляя его. Кроме того, имеется *подъюстированная реобаз*а, которая модифицирует гальванические пороги нервной возбудимости, ускоряя

или замедляя продолжительность сенсорных переживаний. Подъюстированная реобаза, очевидно, должна воздействовать и на диапазон умственных ассоциаций, порождая новые мысленные цепочки, но посмотрим, как оно пойдет. — Он помолчал, потом продолжил: — В детали работы сексуально ориентированной функции я пока вдаваться не стану. *Кинестетическая* функция увеличивает чувствительность к движениям и обостряет внимание практически до уровня, присущего некоторым хищным зверям; особенно восхитительны при активации этой функции должны быть танцы...

Хитон бы говорил еще долго, но Вооз понял от силы пару слов.

— А почему тут нет функции атараксии? — перебил он.

— Атараксия — не функция, — сказал ему Хитон, — а первичное состояние. У тебя кости с восемью функциями, до некоторой степени экспериментальные. В следующих моделях, вероятно, добавим новые, но атараксии среди них не будет. Да и не может быть.

Хитон снова помолчал.

— Вот почему эффекты этих функций должны открываться тебе постепенно. Они предназначаются для использования в условиях сильной атараксии, иначе ты с ума сойдешь. На такой случай установлены аварийные блокираторы, но... в любом случае, овладение всеми функциями потребует тренировок продолжительностью в годы.

— Годы?! — воскликнул юный Вооз. Голос его прозвучал испуганно. — А сколько лет мне придется здесь провести?

Они никак не могли бы его задержать, не презрев своих этических норм. В ранние годы его подлинный нрав, приглушенный лишениями, не имел возможности проявить себя. Теперь, вдали от суровых условий Корсара, истинная, порывистая, неудержимая личность стала очевидна; он жаждал странствий, и неотступная фрустрация сковывала его подвижную натуру, словно кандалы.

Он застрял там еще на два месяца и за это время научился поднимать живость до четвертого уровня. Потом объявил, что улетает.

Хитон пытался его переубедить; Мадриго не предпринимал таких попыток. Вооз был непреклонен. Он жаждал испытать жизнь; остальные управляющие сигналы могли подождать, пока он не почувствует готовность. Он лишь пообещал, что постарается все время блюсти атараксию, и когда вернется, эксперимент можно будет продолжить.

Он отбыл. И сослужил скелетных дел мастерам неограниченную службу.

Он обнаружил их фундаментальную ошибку.

Его главной целью оставался личный корабль, но это требовало значительных финансовых вложений. А покамест он начал работать в сфере грузоперевозок, сначала на дешевом корыте с прогнившей начинкой, затем на более крупных лайнерах. Он *получил* жизненный опыт, которого искал; посетил много планет, и Галактика вполне оправдала его ожидания. Иногда его посещало что-то вроде сочувствия тем, бывшим мучителям

с Корсара. Они, как и он сам, уже выросли, но вряд ли хоть раз побывали за пределами своего мира. Представляя себе несомненное ничтожество их жизнью, он тут же испытывал злорадное удовлетворение, которое помогала подавить лишь философская подготовка...

Он сдержал слово. Шли годы, он не раз возвращался на Аврелий и проводил там по нескольку месяцев. В основном, однако, вместе с Мадриго. Скелетных дел мастера остались недовольны его разгильдяйством и нашли других, более покладистых участников эксперимента. Хитона тоже сделали скелетоидом, численность мужчин и женщин с кремниевыми костяками росла. Но Вооз оставался первым. Они проверяли его, давали советы, учили некоторым новым сигнальным последовательностям, наставляли в настройках других функций. Вооз экономил, как только мог... Он уже не был так юн, а вступил в пору зрелости...

... дня 29 месяца 3 года 716 по стандартному календарю...

H819 была необычной планетой. Безжизненная, однако с пригодной для дыхания атмосферой. Если, конечно, не обращать внимания на сернистые примеси или пользоваться фильтрами. Кислород извергали многочисленные вулканы, расщепляя своим жаром какой-то подземный оксид, возможно, воду. Вооз прилетел туда на корабле, везущем, среди прочего груза, оборудование для алхимической исследовательской станции. Компания, на которую он работал, позволила ему задержаться там до прилета следующего судна, поскольку Вооза решили перебросить в его экипаж.

Он вспоминал кряжистые скалы и пылающие конусы; ничто не двигалось, кроме случайно потревоженных частыми подземными толчками валунов...

Алхимики не снискали особой известности. В людском космосе наибольшей популярностью пользовалась космология столпников; она считалась самой научной, самой надежной. И хотя философия столпников породила некоторые варианты и производные, секта алхимиков не имела к ней отношения. Алхимики были известны пристрастием к ядовитым газам, порошкам и излучениям, а также скверно подготовленным опытам, по каковой причине их практика попала под запрет на значительном числе миров; однако в условиях безжизненного мира персонал станции не мог причинить вреда никому, кроме себя самих. В противовес стоическому спокойствию столпников, алхимики слыли отмороженными психами или беспечными импровизаторами, неспособными сдержать пламенный интерес к химическим исследованиям.

Вооз получил уже достаточную философскую подготовку, чтобы с полным правом считаться столпником, и его заинтриговали конкурирующие доктрины. Алхимия показалась ему весьма экзотичной, и он прибился к ее адептам, хотя те отличались напыщенным и мнительным нравом. Он подружился с Дорсузом, старшим артификом станции, и сумел убедить того взять Вооза без подготовки ассистентом в главную лабораторию.

Алхимики, впрочем, презирали опасность. Кожа их была обесцвечена и несла следы многочисленных странных ожогов и язв. Из всех лишь Вооз регулярно носил респиратор, хотя атмосфера лаборатории воня-

ла и отдавала ртутью, а у большинства присутствующих судорожно дрожали руки или надсадно хрипели легкие от многолетнего контакта с малоприятными химикалиями.

Вооз считал себя везунчиком. Когда он появился на планете, адепты как раз готовили особенно диковинный опыт, и это исследование уже близилось к завершению. Дорсуз пообещал, что позовет его к огненной яме в момент кульминации.

Цель опыта состояла в том, чтобы изолировать особо мощную и чистую разновидность огня, как алхимики его понимали. Они называли ее *эфирным огнем*. Если верить сектантам, существование этой формы доселе постулировалось лишь теоретически. Огненную яму алхимики выкопали сами, а края облицевали листами алмаза и слюды. Почти стандартный год они медленно прибавляли туда смесь более сорока веществ, в том числе плутония, электрония (так называлась форма материи, где протоны ядер были заменены позитронами; она была электрически нейтральна, но невероятно легка, и принимала великое множество недоступных обычному веществу чудесных молекулярных конфигураций), ртути, предварительно обработанной по секретной, известной одним алхимикам, технологии, и других составляющих, которые, по их утверждениям, не имели ничего общего с ортодоксальной наукой.

Дорсуз уверял, что истинный секрет — тщательно выверенные пропорции, в которых медленно смешиваются ингредиенты. Воозу рассказали, что ныне проверяемая алхимиками формула выведена в ходе экспериментов, длившихся целое столетие. Было рассчита-

но, что в 29-й день третьего месяца смесь примет окончательную форму, а все ее компоненты идеальным образом провзаимодействуют и распределятся. В результате алхимики надеялись получить эфирное пламя.

Вооз пришел в восторг. Вместе с Дорсузом и двумя другими алхимиками он поднялся на подвешенную у края ямы наблюдательную платформу. Глубоко внизу облакообразная масса источала бледное оранжево-зеленое сияние.

Он носил темные очки, которые дал ему Дорсуз. Алхимики тоже получили очки, но с обычной для себя беззаботностью оставили болтаться на шее. Повинуясь импульсу, Вооз также снял очки и наслаждался пощипыванием, вызванным попаданием излучения в глаза.

Он желал испытать все как можно полней. Он переключил реобазу на третий уровень, живость на второй (ему не хотелось рисковать потерей контроля, задирая настройки чересчур высоко). Спасательная функция, разумеется, и так была активна. Он ее никогда не отключал.

Сияние, сияние, оранжевое и зеленое. Уже знакомое усиление зрения при пониженной реобазе (понижая порог реобазы, он усиливал ощущения, повышая, притуплял). Темные круглые, чуть вдавленные стенки ямы и зловещая, будто наделенная собственной жизнью масса внизу. Он изнывал от нетерпения.

— Кажется, свет усиливается, — произнес Дорсуз.

Другой алхимик кивнул.

— Думаешь, в этот раз все пройдет по графику?

Слово *график* было паразитом в речи хозяев станции. Теория химических превращений, разработанная ими, зиждилась на факторе времени. Обычные химические реакции, проходившие мгновенно или за секунды и минуты, считались у них вульгарными, или обычными. Загадочные химические процессы, изучаемые алхимиками, отнимали дни, месяцы, годы, даже десятилетия (бытовала легенда об одной алхимической реакции, длившейся более шестисот стандартных лет). Искомая трансформация вещества, однако, происходила под конец этого срока и, как правило, внезапно, так что ее требовалось предсказывать с точностью до секунд. Именно это они имели в виду под графиком. Фактически алхимическая трансформация сопровождалась бы целой последовательностью перемен цвета, переходов между твердым, жидким, газообразным и плазменным состояниями вещества и других признаков, Воозу неизвестных; все эти преобразования должны были свершиться последовательно, в ходе высвобождения энергии, и отсутствие любого из них указывало бы на неудачный исход эксперимента.

Алхимики, впрочем, основательно завирались, рассуждая о своем искусстве; хотя они утверждали, что способны предсказать исход процессов длиною в годы с точностью до секунд, на практике откалибровать график редко удавалось лучше, чем с точностью до календарного дня.

— Да, усиливается, — проговорил Дорсуз. Перегнулся через парапет, выгнул шею, пытаясь разглядеть четче.

— А это опасно? — неуверенно спросил Вооз. — Как именно проявится эфирное пламя?

— Ну, если появятся какие-нибудь тревожные признаки, мы всегда успеем убраться от...

Не успел он договорить, как налитая светом масса взорвалась. Словно при поджиге газовой смеси, взметнулась она до самого края ямы. Подвески платформы мгновенно пережгло. И платформа, и ее операторы полетели вниз. Эфирный огонь (а это и в самом деле был он) вскипел и излился наружу, расширился грибовидным облаком света с пенной окантовкой.

Как ни парадоксально, он отличался невероятной красотой: золотая, светоносная, негромко бурлящая, раскаленная масса. Вооз это понял, потому что не исчез в недрах ямы, подобно остальным. Те, наверное, погибли в мгновение ока. Вооз же сумел зацепиться за край ямы при падении и повис, изумляясь собственной силе.

Но не только мягкий прекрасный свет довелось ему наблюдать при этом. Эфирный огонь лишь казался прекрасным, и под маской наружной красоты таился внутренний ужас, антипатичный любой органической жизни. Огонь за пределами огня, огонь внутри огня, заключающий в себя, усугубляющий негативные аспекты, почти игривый в способности к беспредельно мучительной пытке, проникающий в тело до мозга костей, воздействующий в той или иной мере на каждую клеточку.

Вооз должен был погибнуть в течение двух-трех секунд. Конечно, если бы его окутало обычное пламя, когда тепловой эффект реакции весьма значителен. В

этом случае его плоть бы обгорела дочерна, превратясь в углеродные полоски, и даже кости, чудесные кремниевые кости, расплавились бы.

Но эфирный огонь был тонким, концентрированным, изысканным, как аромат духов. Он горел так, как не горит обычный. Химические процессы горения в его присутствии протекали замедленно, словно бы лениво (наблюдательной платформе полагалось бы испариться, а она только обгорела и развалилась). Вооз тоже горел очень *медленно*, горел и не сгорал, а пламя проникало глубоко в его тело, в разум и чувства.

Однако если бы этим его муки исчерпывались, он бы умер спустя несколько долей минуты. Но это было еще не все. У него ведь имелись кремниевые кости.

Природа в одном отношении весьма милосердна к живым существам, каких наделяет сознанием. Она организует их нервные системы таким образом, чтобы поставить предел болевой чувствительности. Когда агония или ужас достигают определенного уровня, организм защищается от травматических переживаний и ужаса, впадая в безумие или бессознательное состояние, или умирает. Шок — универсальный предохранитель. Сердце замирает, кровь отливает от мозга, развивается кататония.

Здесь скелетных дел мастера допустили ошибку, проявив себя уступающими природе в мудрости.

Эфирный огонь охватил Вооза на десять минут, и все это время спасательная функция удерживала искалеченное тело в рабочем режиме. Перекачивала кровь, поддерживала активность нервов. Безжалостной запрограммированной волею своей настаивала, чтобы вос-

ходящая ретикулярная формация, ответственная за режим активности мозга, не отключалась.

Все это время Вооз пребывал в сознании.

И не только. Его реобазы находилась на третьем уровне. Коротко говоря, это означало гиперчувствительность. Каждое ощущение несло невероятную четкость, каждая крупница сенсорных данных резала дополнительной болью. И не только. Его живость находилась на втором уровне. Что бы он ни испытывал, все это шунтировалось через эмоции.

Вооз цеплялся за сознание. Мгновенное безумие облегчило бы его участь, но спасательная функция была запрограммирована поддерживать его не только в физическом, а и в умственном здравии. Ментальная связность, однако, дело другое. Он зывал о помощи к своим костям, пытаясь издать сигнальные звуки, словно богам молился.

Но боль захлестывала его всего, мешая осознать, что именно он произносит. Наверное, пламя повлияло и на костяные функции. Ведь для того, что случилось, он сигнала даже не знал.

Живость переключилась на восьмой уровень — тремя уровнями выше, чем настройка, дозволенная ему скелетных дел мастерами.

Ужас его физической агонии, уже и так непереносимый для обычного человеческого рассудка, прорвался через оставшиеся преграды его разума и полностью овладел эмоциональным спектром. Боль, уже и так обдиравшая с мясом его сознание, стегавшая и поливавшая огнем, после этого превзошла всякое разумение. Боль стала живым существом, личностью, заговорила с

ним, стала с ним играть, насиловать, заключать в объятия жесточайших казней, поскольку доступ к его функции радости — резервуару позитивной эмоциональной энергии — теперь открылся, и эта энергия мгновенно обратилась в собственную негативную противоположность.

Сквозь личность Вооза текли реки невероятного ужаса, захлестывали его разум, повергая в состояние, для которого несчастье было бы чересчур слабым определением. Эмоциональная боль редко способна сравниться в интенсивности с физической. Однако восставшая в нем печаль уравнилась с муками физическими. Внутри Иоакима не осталось никаких укрытий. Ни единой мысли, ни единого ощущения, ни единого воспоминания, какие бы не погрузились в эту печаль и не остались навеки пропитаны ею. Он заорал. Он вопил от боли и ужаса, пока вопль не перешел в вой, эхом отдающийся от стенок его выхолощенного естества, которое свой черед сократилось до единственной мысли. БОЛЬ АГОНИЯ СТРАДАНИЯ ТОСКА ОТНЫНЕ И ВО ВЕКИ ВЕКОВ АМИНЬ.

Алхимики поодаль услышали его крики. Они внимали с удивлением и любопытством. Как могут эти вопли выражать нескончаемое многообразие смыслов? Крики были похожи на новый язык для нового мира. Когда эфирный огонь постепенно рассеялся (вознесся сквозь атмосферу в космос, дабы, как они полагали, обрести подлинную обитель среди звезд), алхимики осторожно приблизились. Обгорелое до черноты тело Вооза, будто в трупном окаменении, все еще цеплялось за алмаз-

ные и слюдяные листы на краю ямы. Он больше не кричал; спасательная функция отказала ему в этом, лишив физических сил, выкачала всю жизненную энергию до последнего эрга в попытке спасти его. Алхимики, разумеется, сочли его мертвым. Вытанули почерневшее тело наверх и уложили на деревянную доску. Затем, ошеломленные тем, что он еще дышит, перетащили в свою небольшую операционную, но случай оказался им безнадежным, и они ничем ему не помогли.

Так получилось, что спустя всего час прилетел корабль компании и забрал его. Робоврач корабля узнал, что Вооз еще не умер, и сверился с его медицинской карточкой. Затем, выполняя свой долг, проинформировал капитана о его долге. Вооза, все еще терзаемого болью, отвезли за двадцать световых лет и препоручили скелетных дел мастерам.

Те тоже выполнили свой долг, как они его понимали. Они решили починить Вооза. Никогда еще не вставала перед ними такая сложная задача; по сравнению с ней первоначальная установка кремниевого скелета казалась пустяковым делом.

И действительно, от костей в данном случае проку не было. Каждую клетку, каждый нерв, каждую железу, каждый метаболический процесс в его теле требовалось внимательно и на постоянной основе регулировать искусственными средствами; строго говоря, соматическая функция Вооза была утрачена невосстановимо и никогда в будущем не спасла бы его тело от мгновенного коллапса. С другой стороны, адпланты, необходимые для починки, попросту не уместились бы в теле Вооза, даже в скелете. Но и будь это возможным, скелетных

дел мастера выступили бы решительно против подобной операции. Настройка адплантов требовала настолько тонких манипуляций, что сочетание процессорных мощностей с искащенной соматикой в скором времени привело бы к функциональной коалесценции, и Вооз перестал бы считаться человеком.

Итак, регуляторы и соматика должны были функционировать раздельно. А это значило, что все необходимое для того, чтобы Вооз снова мог, как по волшебству, ходить, переваривать пищу, чувствовать и мыслить, займет объем небольшого здания.

Но в таком случае он бы фактически оказался его пленником, неспособный отойти дальше, чем на считанные мили. Скелетных дел мастера избрали иной путь. Они чувствовали вину перед Воозом, так что посчитали себя обязанными не просто исцелить его, а хотя бы отчасти компенсировать ее.

Зная о его амбициях, они купили ему корабль. Новенький, только что построенный грузовоз, с робокомандой (независимые кораблеводцы, как правило, избегали нанимать людей), способный доставить его почти в любое место, если он сумеет найти фрахтователя. И на этом корабле разместили все процессорные мощности. Все трансиверы, соединявшие Вооза с тайным мозгом, крупней любого естественного, ибо биологические функции, обычно выполняемые на подсознательном уровне, вынужденно стали обязанностью верхнего. Корабль, по сути, реализовывал спасательную функцию, куда более мощную и надежную, чем даже доступная кремниевым костям. Таким образом, его наделили непревзойденными способностями к выживанию.

В ушах Вооза еще звенели спокойные извинения скелетных дел мастеров. Они признали, что серьезно просчитались. Но посоветовали черпать некоторое утешение в том, что другим скелетоидам его опыт будет полезен. Будущие модели снабдят автоматическим выключателем спасательной функции, который либо погрузит пользователя в бессознательное состояние по достижении заданного порога болевых ощущений, либо даже позволит ему умереть. Всех обладателей кремниевых скелетов отзывали для соответствующей модификации.

Скелетных дел мастера не надеялись искупить свою вину перед Воозом полностью, но сделали для него все, что было в их силах. Они остались при мнении, что он сейчас, если разобраться, в куда лучшей форме, чем на космодроме Корсара.

Они уведомили его, что скелет все еще функционален. Воозу было все равно. С той поры он ни разу не пользовался костями.

Капитан Вооз громко застонал.

АГОНИЯ... АГОНИЯ... АГОНИЯ...

Обычная физическая боль, как ни тяжкая, не является ментально неустранимой. Можно вспомнить, как это случилось, нервная система может пострадать, но у памяти нет постоянного хранилища данных, которое бы позволяло заново переживать подобные ощущения.

Эмоциональная боль имеет иную природу, ее можно в полной мере вспомнить и пережить заново. Боль Вооза нормальной и не была. Физическая и эмоциональная составляющие присутствовали в ней одновременно.

но, и сверхъестественной силы физические терзания намертво сомкнулись с эмоциональными. Воспоминания снова и снова всплывали в его сознании, и способа удержать их не было.

Однако не воспоминания дожимали его сильнее всего, а осознание, что они суть лишь бледное подобие оригинала. Гораздо хуже было *знание*. Знание, что это *произошло*.

Доктрина ныне вымершей религии содержала концепцию ада, где грешники после смерти погружались в озеро сверхъестественного пламени. Огонь этот пылал тысячекратно сильнее обычного, агония в нем была тысячекратно страшнее. Но грешники горели в нем — и не сгорали. Вечно.

Вооз хорошо понимал, каково им было. Он сам окунулся в озеро адского пламени.

И, словно в тусклом послесвечении ослепительной вспышки, вспомнил, как после длительного реабилитационного периода пришел в себя, как его ткани сочленили воедино, как он предстал изрубцованным и обожженным подобием себя прежнего — но лишь физическим. Психологического восстановления достичь так и не удалось.

Его стал посещать бывший учитель, Мадриго. Методично и уверенно он принялся реконструировать расколотую личность Вооза. Вооз, будто наяву, слышал тихий, сочувственный голос наставника. Атараксия — ключ ко всему. Достойная жизнь без нее немыслима. Что бы ни случилось, дурное или доброе, надлежит воспринимать его с одинаковым бесстрашием.

Мадриго соглашался, что некоторые испытания слишком ужасны, чтобы даже тщательный самоконтроль помог преодолеть память о них, а Вооз прошел через такое, что любая нормальная психика вряд ли выдержит. Без философской подготовки он был бы обречен. Но философия пришла ему на помощь, и разум его, согласно последним анализам, стал даже сильнее, ведь он вечен, а устрашающие переживания временны.

Надлежит стремиться к атараксии. Как ни интенсивно наслаждение и боль, а подчиняться им нельзя.

— В конце концов, разве не избрал ты себе имена *Иоаким* и *Вооз*, как напоминания о двух столпах вселенской стабильности?

— Да, — отвечал Вооз, — но я начинаю ненавидеть эти имена...

— Придерживайся более широкой перспективы, — сказал ему наставник. — Когда мир прекратит свое существование, когда огонь разума поглотит его, твой несчастный случай примет иной аспект. Тогда он не будет казаться таким устрашающим.

— Нет! — Бунт Вооза был так яростен, что разметал кропотливо выстраиваемое Мадриго облегчение. — Я не верю, что для огня разума жизненный опыт иллюзорен и нереален! Какой прок тогда был бы от мироздания? Мир реален, наставник, вы сами мне об этом говорили. Мои страдания реальны! Их нельзя смягчить, переменив точку зрения!

На это Мадриго ничего не ответил.

Вооз обмяк в кресле, плечи и голова накренились, точно он вот-вот упадет. Воспоминания померкли, де-

зинтегрировались, разлетелись, как переполошенная выстрелом стая птиц.

На стене каюты возникли сияющие индикаторы. В каюте раздавалось мерное гудящее жужжание, постоянный спутник работы двигателя внизу.

Звякнул сигнал. Пора менять топливные стержни.

Вооз с усилием, неловко приподнялся из кресла. Размял затекшие конечности, включил неяркоое освещение каюты.

Посмоотрел на индикаторы. Скоро Харкио.

Там и станет ясно, стоит ли овчинка выделки.

НАСТОЯЩИМ ЭДИКТОМ:

Эксперименты, преследующие цель путешествия во времени, запрещаются под страхом ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Эксперименты, направленные на контроль потока времени, запрещаются под страхом ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Эксперименты, сопряженные с попытками извлечь объекты из прошлого или будущего, запрещаются под страхом ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Эксперименты, позволяющие обрести прямое знание или получить информацию о прошлом или будущем, запрещаются под страхом ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Обладание любым искусственным или естественным объектом, несущим одно или несколько вышеперечисленных свойств, карается НАНЕСЕНИЕМ ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ. Обладание любым документом, в явной форме содержащим соответствующие данные, запрещается под страхом ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Эксперименты, исследования или запросы относительно природы времени караются НАНЕСЕНИЕМ ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ ИЛИ ПОЖИЗНЕННЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ, кроме случаев, прямо разрешенных Управлением регуляции научных исследований. Публикация подтвержденных экспериментом данных или теоретических выкладок обо всем вышеперечисленном запрещается под страхом ТЕЛЕСНЫХ УВЕЧИЙ, ПОЖИЗНЕННОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ, за исключением случаев, прямо разрешенных Управлением регуляции научных исследований.

Заверено печатью департамента распространения законов

Гар Ромри покидал Карты в спешке, и его тамошние друзья явно стали ему бывшими друзьями. За пределами планеты, на взятом в аренду *Звездном ныряльщике*, он сделал только одну остановку — для звонка, незадолго до выхода на сверхсвет. Он не мог себе отказать в последнем разговоре с друзьями.

На видеостене клеткообразной каюты проявился картийский клуб «Дайвер на пособии»; запятнанные стены, обшарпанная мебель, унылый свет потолочных трубок. Вентиляторы только разгоняли пыль, и та оседала на липкие пятна от пролитых напитков. В кадр попало с полдюжины человек; остальные еще не вернулись из погони за Ромри, хотя и не успели перехватить его до космодрома. Поняв, кто вызывает, они сгрудились у экрана.

Вперед протолкался тонколицый рыжеволосый сутенер из кошерных, с архаичным когноменом Иерихонский Наркоман². Ромри лучезарно улыбнулся ему.

— Я тут подумал, мне стоит вам кое-что объяснить...

— Он уже улетел, — пробормотал кто-то за спиной Иерихонского Наркомана. Сутенер специализировался на поставках женщин редкого генотипа, определенных наркотиков и блюд с особыми афродизиаками. Глаза его хищно сверкали.

— У тебя только *один* шанс, Ромри. *Единственный* шанс вернуться сюда и отдать нам куб. Иначе...

— Вот этот? — Ромри показал ему куб памяти длинной около полудюйма; Иерихонский Наркоман разыгрывал его в лотерею, а Ромри украл как раз незадолго до объявления результатов. — Ребята, вам придется мне поверить. У меня возник план получше, только и всего. Я себя спросил, что случится, если куб выиграет кто-нибудь из вас. Ну и что вы с ним сделаете? Полетите туда и попытаетесь высадиться на Мейрджайне? — Он покачал головой. — Вы потерпите фиаско. А вот *мне* такая работа по плечу. Когда вернусь, разделю с вами добычу.

Последнее заявление было встречено недоверчивым фырканьем.

— Кто бы ни выиграл куб, — заметил Иерихонский Наркоман, — у него оставалось право его продать.

Ромри опять покачал головой.

² В США и Великобритании наших дней существует сеть христианских приютов для наркоманов и алкоголиков под названием «Иерихонский дом» (Jericho House); отсюда, вероятно, и кличка персонажа.

— Не-а. Вы слишком пессимистично мыслите. Надо масштабнее. Большие ставки — ваш... то есть мой путь к успеху!

Плечистый амбал отпихнул Иерихонского Наркомана и воинственно выпятил челюсть перед камерой; Ромри узнал в нем Оссуко, таксидермиста.

— Мы знаем, куда ты летишь, мерзкий крысеныш! Мы тебя догоним. У меня четкая чуйка, что это я бы выиграл. А *ты* с какой стати думаешь, что сумеешь выйти сухим из воды?

Ромри поднял с консоли колоду карт и ловким жестом развернул их перед экраном.

— *Они* подсказали.

Выдержав паузу и дав им поглазеть на пронумерованные карты с рисунками, он прервал вызов.

Потом опустил кресло до уровня панели управления двигателями, схватился за рукоятки и толкнул их вперед. Топливные стержни исторгли запасенную энергию, и *Звездный ныряльщик* стал ускоряться. Содрогнувшись, корабль миновал световой барьер и вышел на крейсерскую скорость — к центру области Харкио, туда, где та почти касалась Сияющего Скопления.

Переключившись на автопилот, Ромри довольно осклабился. Ему всегда доставляло удовольствие разгоняться до свержсвета вручную.

Путь к Сарсусу обещал занять несколько дней. Ромри снова вытащил куб памяти и подключил его к звездной карте *Ныряльщика*. На экране навигационного модуля возникло Сияющее Скопление. Вид с Сарсуса, или, точнее, от солнца Сарсуса; Сарсус был ближайшей к Скоплению планетой эконосферы. Красная

стрелка замигала, указывая наиболее вероятное место появления Мейрджайна. По низу дисплея побежали строки цифр, содержавшие в том числе и прогнозируемую дату.

Ромри с отсутствующим выражением лица полез в бардачок и достал оттуда бананас. Продолжая изучать выдачу системы, стал очищать фрукт от оранжево-красной кожуры. Бананас был излюбленным лакомством Ромри: банан, которому методами генной инженерии придали изысканный аромат ананаса.

А вот Скопление, знакомое, но оттого не менее прекрасное. Ромри сосредоточился на красной стрелке, окруженной слоями разноцветных светил. Вчитался в данные, прикинул время и расстояние.

Сколько еще охотников за сокровищами получили к ним доступ? Информация эта считалась редкой, но...

Иерихонский Наркоман утверждал, что добыл кубик на Сарсусе, получил от самого первооткрывателя планеты Мейрджайн. Ромри отвернулся от экрана. Одной рукой снова поднял с консоли колоду и мастерски разложил ее в ряд, продолжая жевать бананас. Нахмурился, пытаясь истолковать последовательность карт. Перевернутый Человек, свой черед перевернутый, за ним десятка лазерных жезлов и восьмерка дароносиц... Он озадаченно остановился. Карты сулили обман, ведущий, однако, к исполнению желаний.

В предсказании будущего он был не слишком искусен, ему лучше удавалось толковать нужные действия — и в этом смысле Ромри не солгал Иерихонскому Наркоману; карты действительно *посоветовали* ему

ограбить лотерею, хотя эта идея, конечно, уже вызрела в его сознании.

Ромри в последние годы приобрел привычку, избавлявшую его от большинства тревог. В любой непонятной ситуации он консультировался с картами, после чего поступал так, как, по его мнению, они советовали. Если варианты ответа были просты, *да* или *нет*, тем лучше.

Он испытывал наслаждение, граничащее с наркотическим, от чувства, что больше не отвечает за свои решения.

Он подумал о незадачливой картийской деревенщине. В большинстве своем — привязаны к этому миру, даже за Клеггизами редко кто бывал. Сутенер, таксидермист, разношерстная компашка провинциалов, живущих на пособие по безработице от властей эконоферы. Ни один из них не обладал задатками искателя сокровищ.

Строго говоря, и Ромри им не был. Он характеризовал себя как торговца обширных бизнес-интересов. Но мысль о высадке на странствующую планету Мейрджайн его не пугала, как, впрочем, и неминуемая конкуренция. Он и лжецом себя пока не считал. Действительно, разве не поделится он с бывшими друзьями и собутыльниками по картийскому клубу «Дайвер на пособии» процентом от добычи, если вылазка на Мейрджайн завершится успешно? Возможно, он будет к ним щедр. А может, и нет.

Картам решать.

И если карты скажут *нет*, пускай Оссуко его разыскивает по всем секстилям эконоферы до посинения.

Так Ромри сидел, оправдывал себя и задумчиво грыз бананас.

Капитан Вооз управился со всеми делами в Харкио меньше чем за стандартные полсутки. Доставил груз, удержал с получателя небольшую фиксированную плату и направился на Сарсус, служивший естественной остановкой на пути к Сияющему Скоплению.

Он сел на космодроме в Уайлдхарте, крупнейшем городе Сарсуса — не столице, поскольку столицы у Сарсуса не имелось; атмосфера здесь была мутная, а трафик необычно интенсивный. Город оказался из тех, где Вооз провел, казалось, полжизни: полностью лишенный признаков аутентичности, пребывающий в вечно переходном состоянии, стыковка на пути к другим мирам, поселение времен бума, каким-то образом уцелевшее, но изжившее собственную полезность до такой степени, что даже название его отдавало подделкой. Еще ни разу Вооз не чуял атмосферу мошенничества так явственно. На космодроме царила неприятная теснота, Вооз с трудом припарковался; чиновник портового прокторства, принявший у него плату, держался с недружелюбной резкостью, словно Вооз его склонял к чему-нибудь аморальному. Сам Уайлдхарт производил довольно жалкое впечатление.

Вооз фыркнул. Ох уж эти незнакомцы. Он не выносил толп, но ясно было, что большинство нынешнего населения города появилось тут примерно затем же, зачем и он — однако цели у них разнились.

С запада падали косые лучи солнца. Над головой же висело нечто вроде ёлочной игрушки или фонарика на

дереве праздничным вечером; было оно стократ крупнее самого солнца и источало бледный свет множества точечных источников, хорошо заметный даже днем. Сияющее Скопление: оценочная масса восемь тысяч солнечных, огромная плотность упаковки звезд; именно туда стремились *настоящие* искатели приключений. Заселенные планеты там отсутствовали, надежных карт внутренних областей не существовало — собственно, планет в Скоплении вообще было мало, поскольку почти все его светила в торопливом звездообразовании сделались частью двойных, тройных или четверных систем, лишенных планет-спутников.

Однако в Скоплении имелась одна весьма примечательная планета, с которой дотоле лишь единожды удалось сорвать покров тайны: странствующий мир Мейрджайн, планета без собственного солнца, блуждавшая от звезды к звезде подобно комете, следуя вроде бы случайной траектории в пределах кластера.

Среднее расстояние между звездами Скопления не превышало нескольких световых часов, и Мейрджайн выделял прихотливые коленца, умудряясь при этом почти непрерывно оставаться пригодным для обитания. Это примечательное обстоятельство некоторыми истолковывалось как аргумент в пользу теории об искусственном происхождении подобной траектории, но так считали не все; к примеру, астроном Ашодзин рассчитал, что Мейрджайн следует термальной изоклине среды конкурирующих геодезических звезд его окружения. В общем, надежной информации о Мейрджайне было крайне мало. Открыли странствующую планету три столетия назад. Люди высадились там и взяли образцы

ее сокровищ. Затем, по незнанию или неосторожности первооткрывателей, мир этот снова пропал из виду, растворившись без следа в Сияющем Скоплении, подобно молекуле сахара в подкрашенной воде.

И вот, тремя веками позже, прошел слух, что Мейрджайн замечен опять; траекторию странника проследили с уверенностью до точки, где он должен был появиться на краю Скопления, в грависфере определенной звезды. Какая это будет звезда и когда, желали узнать все собравшиеся на Сарсусе.

Вооз прокладывал себе путь в разношерстной толпе обнаженных нимфочек, сутенеров, вендоров, уличных наркоманов и кораблеводцев в скафомодах — некоторые были капитанами грузовозов, как и он сам, но большинство — искателями сокровищ. Он игнорировал вездесущие голорекламы, которые то и дело пытались поймать его взгляд. Он шел по улице, которая словно бы ничем не отличалась от виденных им в других городах на других мирах; легко было поддаться иллюзии, что на самом деле во всей Галактике существует только один город, а вездесущи его проявления. Он достиг арочного прохода в дом с рестораном.

Он повернул туда. Ресторан оказался просторным, с куполообразным потолком. Казалось, он вернулся на Гондору, но тут было оживленнее. Он отыскал свободный столик и сел, жестом подозвав робота и заказав себе напиток. Принялся изучать окружающих.

Корабль уведомил Вооза, что здесь предлагают информацию. Потягивая молочный коктейль с кокаином, который поставил перед ним робот, Вооз заметил рядом движение. Коротышка, закутанный в полосатое

одеяние цветов апельсина и буйволиной шкуры, опустился на стул напротив. Воозу он сразу не понравился. Улыбка коротышки показалась ему чересчур дружелюбной.

— День добрый, кораблеводец! — воскликнул незнакомец. — Ищете пути на Мейрджайн?

— А тебе какое дело? — Вооз понял, что коротышка следует за ним от самого космодрома.

— Большинство людей прибывает сюда именно с этой целью. Вы же знаете, что здесь ценится выше всего?

— Нет.

— Числа. Координаты. Они укажут, где и когда появится Мейрджайн.

Коротышка развернулся и указал на столик в центре зала, где приземистый женоподобный человек в тоге вяло переговаривался с двумя другими и одновременно возился с набором игральных костей. Глаза его были затуманены. Вооз подумал, что он большую часть времени проводит в *ожидании*. Ждет своего клиента.

— Видишь вон того чувака? У него числа есть. Он один из, может быть, десятка людей на Сарсусе, кто имеет к ним доступ. Но его информация стоит *дорого*.

— А почему? Мейрджайн вскоре станет заметен.

— Не так скоро. Ты разве не слышал? — Коротышка вскинул брови. — Странника хотят заключить под стражу. К нам летит эконосферный крейсер. Никому не удастся высадиться на Мейрджайне, если только вдруг не узнает координат этого места загодя и не опередит крейсер. Так что... либо координаты, либо шиш с маслом.

— Странная история. Я тебе не верю.

Другой вздохнул.

— Глупо. Но ты почти забавен в своей эксцентричности, чесслово. Ты не обязан мне *верить*. — Он полез в одежду и выудил оттуда новостную карточку; провел пальцем по круговому сенсору и толкнул к Воозу. — Сам погляди.

Вооз поднял со стола тонкую карточку. Головспышка ударила по сетчатке. Тревожный цветастый шрифт:

ВСЕМ ГРАЖДАНАМ НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕТСЯ ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ПЛАНЕТЫ, ИЗВЕСТНОЙ КАК МЕЙРДЖАЙН, А ТАКЖЕ СФЕРЫ, ВРЕМЕННО АССОЦИИРУЕМОЙ С ЭТИМ СТРАНСТВУЮЩИМ МИРОМ В ПРЕДЕЛАХ СИЯЮЩЕГО СКОПЛЕНИЯ. ПРИКАЗОМ ДЕПАРТАМЕНТА НАВИГАЦИИ ДОСТУП ТУДА ЗАПРЕЩАЕТСЯ. ВЫСАДКА НА ВЫШЕНАЗВАННЫЙ МИР ИЛИ ПОПЫТКА ЕГО СКАНИРОВАНИЯ ЗАПРЕЩАЮТСЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ОФИЦИАЛЬНЫХ МИССИЙ. НАРУШЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО ЭДИКТА КАРАЕТСЯ ДВАДЦАТЬЮ ГОДАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ИЛИ ШТРАФОМ В РАЗМЕРЕ ПЯТИСОТ ТЫСЯЧ ПСАЛТЫРЕЙ.

Вооз задумчиво отложил карточку. Кара, которой страшает новость, явный блеф; эконосфера, как именovala себя огромная, разросшаяся сверх пределов космическая империя человечества, пребывала в стадии полураспада, перемежаемой спазматическими периодами тирании, но, как правило, бессильна была установить на бесчисленных планетах сколько-нибудь эффективное управление. Правительство вынуждено

полагаться в своем эдикте на аргументы вроде летящего сюда крейсера.

— Если по-прежнему не веришь мне, — негромко добавил информатор, — то каждые два часа объявление.

— В таких обстоятельствах, — заметил Вооз, — рассчитывать на высадку там не может никто.

— Некоторым кажется, что могут. Законы эконосферы мало что здесь значат, в глуши; крейсеру далеко лететь. Прошел слух, что те, кому удастся наперед выяснить координаты Мейрджайна, готовы наплевать на ее законы.

Разум Вооза обратился к наиболее вероятному истолкованию панического запретительного эдикта. Мейрджайн, планета погибшей цивилизации, сулил неисчислимы богатства. Но самым ценным из них считалось то, за которым и прилетел Вооз: времяпреломляющие кристаллы, драгоценные камни, способные преломлять свет не только в пространстве, а и во времени. Единственный известный пример модификации временного потока физическими средствами. Наверняка — искусственный.

Кристаллы почему-то внушали правительству эконосферы смертельный ужас: таково было заключение Вооза. Он пытался проследить судьбу некоторых камней из партии, привезенной с Мейрджайна первооткрывателями три века назад; насколько ему удалось выяснить, все кристаллы исчезли, спрятаны или, возможно, даже уничтожены правительственными агентами.

Вывод внушал надежду. Если власти так боятся кристаллов, значит, у камней есть применение...

— Этого парня звать Ханзард³, — сообщил информатор. — Хочешь, я тебя с ним сведу?

— У меня нет суммы, которую он, скорее всего, запросит.

— У тебя есть корабль. Отличный корабль.

Вооз фыркнул.

— Какой мне прок от координат без корабля?

— Предоставь это мне.

Вооз проследил, как коротышка подходит к Ханзарду и наклоняется поговорить с ним. Ханзард взглянул на Вооза недоверчивым, хищным взглядом, но кивнул и снова устался в столик.

Коротышка поманил его. Остальные поднялись, освободив Воозу место. Взгляд Ханзарда метнулся к нему, потом вернулся к игральным костям. Он улыбнулся своим мыслям.

— Говорят, у тебя хороший корабль. Как он называется?

— Это мой корабль; у него нет нужды в имени.

— Ну ладно...

Ханзард расчистил место на столе среди блоков игральные кости и полез в карман. Вытащил куб памяти и взвесил его на ладони.

— У меня таких было четыре. Осталось два. Я за них дорого заплатил и хотел бы получить прибыль, но это не принципиально. Пусть решают боги.

— Это нормальная бизнес-практика.

³ Традиционное название текстовых версий дебатов в парламентах стран Британского Содружества (по фамилии издателя первого тома таких документов).

— Ты прав. Но я игрок. Банк плюс банк — или ничего. Один бросок. Если ты выиграешь, координаты достанутся тебе, и ты сохранишь свой корабль. Если выиграю я, то заберу твой корабль. Впрочем, координатами воспользоваться ты в этом случае все равно не сумеешь.

— Надо полагать, не сумею, — согласился Вооз. Идея поставить корабль на кон его слегка позабавила. Он с самого начала подозревал неладное, а теперь и корабль подтвердил его догадку по лучу с космодрома.

Он мошенник; кости утяжеленные, сказал корабль. И: *А то, что он предлагает, не имеет ценности.*

Ханзард был не просто мошенник, а глупый мошенник. Он громоздил блеф на блеф, умножая свои риски.

— Ты переигрываешь сам себя, — вслух проговорил Вооз. — Хорошая афера не нуждается в страховании рисков.

Он встал и вышел из ресторана. В переулке его догнало официальное объявление. ВСЕМ ГРАЖДАНАМ НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕТСЯ... Прохожие останавливались, поднимали головы к мерцающим символам, желая четче разглядеть новостную ленту, потом невозмутимо возобновляли движение.

В мозгу Вооза сложилась целостная картина. Уайлсдхарт кишел дилерами, предлагающими поддельные координаты. А настоящие? У скольких они есть? У полудюжины? У двух или трех? Или только у одного?

Он больше не сомневался, что новость о правительственном крейсере подлинная. В противном случае интерес к координатам не был бы так велик.

Похоже, трудности только начинаются.

Ромри и позабыл, как своеобразны окраинные миры. В империях прошлого распад начинался из центра, в экосфере же гнилостные процессы, по впечатлению, зарождались на периферии, в почти неконтролируемом беззаконии, и постепенно проедали себе дорогу к центру через ткань моральности.

Девушка сняла его в ресторане, в вечер прилета. Кухня заведения предлагала прянокраба, блюдо, запрещенное на многих более консервативных мирах: мясо этого животного содержало производные L-дофамина и α -андростенола. Ромри не считался с затратами; после прибытия на Сарсус он впал в эйфорию и стремился к новым ощущениям.

Но девушка, которую звали Мэйси, стремилась к тому, что он считал *чересчур* новомодным. Конечно, нельзя было списывать со счетов α -андростенон (потому-то она к нему и приблудилась: феромоны ее возбуждали). Однако позднее, в съемной комнате, даже L-дофамин не сумел его настроить на то, чего она от него потребовала. Ей хотелось, чтоб он ее убил.

Ромри никогда еще ни в чем подобном не участвовал. Идея сексуального убийства возмущала его. Он так и сказал девушке. Парадоксальным образом (а может, это снова прянокраб?) отказ ее распалил еще сильнее.

С тех пор она повсюду следовала за ним. В ресторанах, питейных заведениях, на улицах, подолгу зависала у дверей его квартиры, делала все, чтоб он ее заметил. *Убей меня*, нашептывала она ему на ухо. Целеустремленно соблазняла, и это его ужасало. Словно не ей, а

ему самому предстояло в таком случае претерпеть насилие.

Впрочем, в такой просьбе наличествовал и определенный смысл. В первую встречу Мэйси ему рассказала, что она из скелетоидов. Скелетоиды обыкновенно были столпниками, а столпники верили, что сознание — огонь разума, как они его называли — не ограничено в пространстве и времени. Вероятно, девушка не расценивала перспективу личной гибели всерьез, полагая, что ее неизмененное сознание пробудится в теле клона.

Столпник однажды объяснял это Ромри в терминах смерти и возрождения Вселенной.

— На самом деле смерти нет, — говорил философ. — Воскресая на следующем обороте колеса, мы находим там все то же сознание, которое пребывает вовеки.

Ромри отнесся к этим словам скептически. Но сейчас размышлял, возможно ли, чтобы у клонотела Мэйси тоже были кремниевые кости. Если так, то она, несомненно, богачка...

Он решил игнорировать ее приставания, пока девушке не надоест. Но не был готов к смертельному козырю в ее рукаве. Однажды ночью он проснулся от ощущения, что в комнате кто-то есть, неуклюже движется по номеру.

Он жестом активировал освещение. Это была Мэйси, нагая; колыхались объемистые груди (она не следовала здешней моде на фигуры нимфочек). Когда включился свет, рука девушки скользнула к волосам и извлекла из прически какую-то ленту. Лента отвердела и посеребрилась. Паранож!

Завершая движение, она метнулась к постели. Ромри откатился в сторону. Нож вонзился в то место, где он только что лежал; Ромри сперва не понял, что его задело по плечу. Потом ударила боль; при виде капель собственной крови он полностью очнулся и пришел в ярость.

— *Ах ты сучка ненормальная!*

Они стояли друг против друга, разделенные кроватью. Девушка продолжала нацеливать на него паранож. Она пригнулась, черты лица обмякли, губы отвисли, словно с них стекала какая-то густая соблазнительная сладость. Потом она стала хихикать.

— Я собираюсь тебя убить, — сообщила она ему. — Тебе придется убить меня, потому что, если ты этого не сделаешь, *я убью тебя!* Ты или я — понял?

Задыхаясь от страсти и ужаса, она снова ринулась на него. Он отступил, но девушка полезла к нему через кровать.

— Ты бы лучше это сделал, — выдохнула она. — Ты бы лучше сделал это прямо сейчас. Иначе я доберусь до тебя, рано или поздно. Устрою на тебя засаду, захвачу в плен, когда у тебя не будет запасного тела. Хотя у тебя его, наверное, и так нет. Я права?

— Права, — хрипло отозвался он. Потом перехватил ее запястья, отводя паранож; девушка беспомощно брыкалась и пинала его в пах покрытыми киноварным пигментом пяточками. Осознав, как близко прошла смерть, он почувствовал вскипающий внутри гнев, а еще покрылся испариной и услышал буханье в ушах — незнакомую прежде реакцию; он и не предполагал, что способен к ней.

— Ну ладно, — густо выдохнул он. — Если тебе так хочется...

Он выкрутил ей руку, заставил выронить оружие. Пнул в живот. Она сложилась пополам и упала на кровать. Он навалился на нее. В глазах затуманилось, руки будто сами потянулись к ее горлу.

В нескольких ярдах от этого места, на улице, капитан Иоаким Вооз замедлил шаг.

Корабельные лучи прочесывали местность в поисках релевантных данных. Вместо нужной информации Вооз получал преимущественно всякий хлам, однако все равно отвлекался. Сцена, представшая его взору, была отвратительна, но обычна, так что он просто отвернулся бы и пошел своей дорогой, если бы не одно обстоятельство. Луч сообщил: *У нее нет запасного тела. И: А мужчина думает, что есть.*

Вооз поколебался, раздумывая, не махнуть ли рукой на парочку, но воспитание столпника взяло свое. Он свернул в переулок и пробрался через лабиринт хибар, сдающихся внаем. Корабль показал ему нужное место и сообщил, что происходит за литопластовой стеной. Вход был с противоположной стороны дома, и Вооз решил, что времени его искать нет.

Он воззвал к своему кораблю, чтобы тот наполнил его мышцы силой и придал им твердость. Он атаковал хлипкую стену и пробил ее тремя резкими ударами ребром ладони. Под дождем из пыли и обломков, словно робот, выполняющий снос здания, он прорвался внутрь и предстал перед парочкой.

Ромри медленно поднялся с кровати. Вооз заметил, как он в явном испуге смещается к шкафчику за пистолетом, и предостерегающе воздел руку.

— Тебя могут привлечь к суду за убийство, — прогудел он.

Ромри так удивился, что даже презрительно фыркнул.

— Ты что несешь? Тут это легально.

— Лишь в случае, если смерть компенсируется наличием подключенного и работающего клона.

— Что-о? — осекся Ромри и встретился взглядом с Мэйси. — Но разве у тебя нет?..

Мэйси потеряла шею. Поморщилась. Пожала плечами.

— Я устала от жизни. Что с того?

— А как же я? — Ромри снова вскипел. Порывисто нагнулся к ней, занес кулак. — Я бы из-за тебя в кутузку угодил!

— Мог бы и погалантней. Сказал бы, что я этого достойна.

Мэйси выскользнула и отступила к двери, подбирая с пола одежду. Быстро облачилась в какое-то халатообразное платье и разгладила его. Зачесала волосы и перехватила их сеткой.

Вооз уставился на нее. За показной неуверенностью девушки скрывалось кое-что любопытное. Во-первых, тончайшие белые следы на коже, незаметные большинству, но четко видимые Воозу, свидетельствовали о наличии кремниевого скелета. Это не обязательно значило, что она из столпников — популярность такой пе-

ределки организма с недавних пор возросла, и не все обладатели кремниевых костей были столпниками.

Вооз сомневался, что она столпница. Стоическая атараксия, присущая столпникам, отсутствовала. Он бы скорей заподозрил в ней эпикурейку, живущую ради одних чувственных наслаждений.

Но она действительно устала от жизни. Избрала экзотический способ самоубийства, даже не подумав о последствиях для исполнителя. Столпница ни за что бы так не поступила.

Одеваясь, она на миг сконцентрировалась, и по ее лицу Вооз прочел, что девушка отключает скелетные функции одну за другой, возвращаясь с так и не покоренного плато возбуждения. Облегчение ли в ее чертах — или просто растерянность? Он отвернулся, а мужчина спросил:

— Ты из законников?

Вооз слабо улыбнулся.

— О нет, мой закон не тот, о каком ты мог подумать. Нет, я не имею никакого отношения к официальным службам.

Мужчина уставился в проделанную Воозом дырку, словно выжидая, не появится ли что-нибудь с той стороны стены.

— О каком же законе ты говоришь?

— Он говорит о законе космической этики, — кисло ответила женщина. — Он всего лишь чокнутый костотряс. Этическая колючка в пятке, на полном окладе.

Вооз сообразил, что его сверхъестественную силу женщина приписала кремниевому скелету, после чего сложить два и два труда ей не составило.

— С твоим подходом, — сказал он ей, — меня удивляет, как ты вообще дала себя заменить.

Заменой скелетоиды называли пройденную трансформацию.

— Хирург не был столпником. Видишь, костотряс? Ваша этика потихоньку разжижается.

— Вероятно, поэтому ты и предприняла попытку покончить с жизнью. Разработчики технологии кремниевого скелета предназначали ее людям, прошедшим соответствующую философскую подготовку.

— Возможно.

Вооза поразила усталость в глазах девушки. Мужчина тем временем озадаченно переводил взгляд с нее на Вооза и обратно.

— Послушай, — сказал он Воозу, — спасибо тебе, чувак, что не дал мне конкретно обоссаться, но не могли бы вы, два психа, просто убраться отсюда по своим делам и дать мне поспать немного?

— Как хочешь, — ответил Вооз. И пошел было к двери, но тут вездесущий корабельный луч, который все это время собирал и обрабатывал данные по создавшейся ситуации, принес ему совет.

Они оба могут оказаться тебе полезны.

Он развернулся.

— Ты на Сарсусе случайно не странствующую планету ждешь?

Ромри сухо взглянул на него.

— Ну да. И у меня координаты есть.

— Ложные?

— Наверняка. Но откуда мне знать? Я их раздобыл в Иридане.

— Значит, ложные. Почти наверняка подделка. —
Вооз повернулся к Мэйси. — А ты?

Она откинула голову.

— А чего я могу искать, кроме смерти, с таким страстным к ней устремлением?

Вооз ждал. Она сдалась.

— Ну ладно. Не во мне дело, мне на все начхать. Я принадлежу человеку по имени Радальце Обсок. Я часть его коллекции. Он хочет высадиться на Мейрджайне. Он за это все отдаст.

Вооз извлек наиболее существенную информацию из ее кратких загадочных ремарок.

— Ты принадлежишь ему? Поэтому хочешь умереть?

— Возможно. Я с ним долго живу. Я просто устала.

— Твоя воля к жизни истощена невоздержанностью в чувствах.

— Возможно. Впрочем, я создана для наслаждения, а не для власти, как ты.

Было ясно, что она его неправильно понимает, но в ее ситуации это простительно.

Вооз изучил их обоих. Они явно не пара.

— Не исключено, что нам имеет смысл поработать вместе.

Ромри преодолел испуг, изумление и недоверие, а теперь лишь озадачился.

— Но как?

— Ты должен отдавать себе отчет, что высадка на Мейрджайне без предварительного знания его характеристик и положения очень сложна. Мы рискуем объявить все версии координат, циркулирующие в Уайлдхарт и других местах, ложными; действительно, в та-

ких обстоятельствах едва ли возможно отличить подделку от настоящих данных. Нужны особые таланты, чтобы проверить их подлинность. Вероятно, с этим мог бы справиться детектив...

— Обсок уже нанимал сыщика, — сказала Мэйси. — Это не дало никаких результатов.

— Ну и что за особые таланты тебе нужны, — кисло поинтересовался Ромри, — и почему ты думаешь, что мы ими обладаем?

Вооз стоял в молчании. Ответа у него не было.

— Может, ты будущее умеешь читать? — настаивал Ромри.

Вооз серьезно покачал головой.

— Никоим образом.

— Я умею, — сказал Ромри.

Вооз внимательно наблюдал, как Ромри лезет в ящик столика у кровати.

— Я читаю будущее по ним, — сказал Ромри. — И прочту его сейчас.

Он вытащил колоду карт и, быстро перетасовав, выложил десять из них на столик.

— Вопрос, стоящий передо мной, несложен: примкнуть к тебе или нет? — Тощее лицо Ромри напряглось. — Утвердительный ответ — сумма очков выше средней, отрицательный — ниже.

Подсчитав карты, он вскинул голову.

— Ну что ж, ответ явно утвердительный; сто одно. Похоже, мы партнеры, кто бы ты ни был. А кто ты, черт подери?

— Я капитан Иоаким Вооз.

— Кораблеводец?

— Да. — Вооза карты заинтересовали. Взглядом попросив у Ромри разрешения, он подошел осмотреть их.

— Это карты столпников, — сообщил Ромри.

Вооз повертел карты в руках.

— Не столпников, — возразил он. — Это искаженная колода, замутненная оккультным влиянием.

Вариантов исходной колоды столпников существовало много (а та свой черед была реконструкцией карт глубокой древности, восходивших к донаучным временам), и разрабатывали их, как правило, экзотические философские общества или секты. Эта колода была довольно типичной. С художественной точки зрения — работа превосходная, но картинки изменены, сдобрены дополнительной символикой, зачастую ошибочной, затемняющей большую часть кропотливо воплощенного изящества оригиналов. К примеру, Жрица — простая, но невероятно могущественная фигура столпничьей колоды — оказалась окружена множеством дополнительных символов: они были в ее волосах, в правой руке, под левой ногой. Символы несли отпечаток аберрантного оккультизма секты создателей колоды и, безусловно, имели определенный смысл в рамках предложенной ими интерпретации. Но столпнику они не говорили ничего.

— Итак, ты основываешь свои поступки на воле случая? — спросил он у Ромри. — Для этого достаточно было бы бросить кости.

— Не на воле случая, да нет же. — Ромри покачал головой. — Это не обычная колода карт. Посмотри внимательно на материал. Это адпланты.

— Во всех картах они есть — например, в этих. — Вооз медленно извлек свою колоду. — Чтобы картинки менялись.

— Нет-нет, я не о том говорю. Они *полностью* состоят из адплантов.

Карты имели покрытие вроде слюдяного. Как и утверждал Ромри, они были сделаны из адплантов. Будто кремниевые кости.

— Эти карты волшебны, — сказал Ромри. — У них мистические свойства. Они реагируют на события вокруг. И никогда не ошибаются. Вообще-то они даже могут *создавать* новые события.

— Угу, если ты достаточно непредусмотрителен, чтобы во всем ими руководствоваться, — отозвался Вооз.

Он признал, однако, что карты наделены своеобразным шармом. Даже аберрантная символика каким-то образом придавала им таинственной основательности. Он напомнил себе, что карты изготовлены одной из экзотических сект, а эти, блуждая по окольным тропам и потайным маршрутам мысли, порою совершали удивительные открытия.

Тем не менее полученное Воозом образование вынуждало его отнести к заявлениям Ромри скептически, и он поджал губы.

Впрочем, корабль за последние дни наверняка неоднократно наблюдал за этим человеком, обшаривая город шпионскими лучами; если корабль отнесся к его привычке искать у карт божественного откровения (истинные столпники полагали ее банальным суеверием) всерьез, значит, и Вооз тоже.

Ромри начал одеваться. Вооз развернулся к женщине.

— А что может нам дать этот твой Обсок?

— Он? — Она закатила глаза к потолку. — Ну, деньги. Он богат. У него тут здоровенная яхта на орбите, причем основательно вооруженная. Наверное, она даже с тем правительственным крейсером сдюжит, который сюда летит.

— Ты устроишь мне встречу с ним?

— Если тебе кажется, что ему будет с нее прок.

Вооз кивнул. Ему подумалось, что за последние несколько минут обстоятельства жизни всех троих резко переменялись. Ну да, впрочем, люди в современном мире привычны к быстрым переменам обстоятельств.

Радальце Обсок был высок и сутулился, глаза торчали навывкате. Нос маленький, крючковатый, совсем как совиный клюв, и такой же маленький тонкогубый рот.

Облик его составлял странный контраст с рыжеволосой чувственной Мэйси Мир, как ее представили Воозу. Проникнуть в суть их связи, впрочем, было нетрудно. Она у Обсока числилась девушкой для развлечений, на постоянном контракте.

Однако наслаждение получала только она. Обсок чувственным нравом не отличался; он был коллекционером, а страсть его носила чисто интеллектуальный характер, так что заиметь в коллекцию женщину с непревзойденными способностями к эротике он счел для себя обязательным. Таланты Мэйси обеспечивал кремниевый скелет, а Обсок черпал удовольствие в лице-

зрении ее сексуальных контактов — с чем (у Обсока имелся полный набор сексуальных игрушек) или кем, а хоть бы и сама с собой, Обсока не занимало. Вооз сомневался, что коллекционер хоть раз ее сам взял.

Обсок многое коллекционировал, но истинной страстью пылал к драгоценным камням. Он срывался на крики восторга, повествуя Воозу о них. Он заявил, что в его коллекции присутствуют образцы всех, кроме одной, разновидностей драгоценных камней по всем мыслимым классификациям, общим числом девять тысяч тридцать четыре, включая крупнейший из когда-либо найденных естественных алмазов, весом более полутонны (и представлявший чисто коллекционную ценность, поскольку синтетическим путем были доступны алмазы идеальной чистоты весом до двадцати тонн). Низкотемпературное хранилище Обсока вмещало полный комплект соответствующих драгоценностей, в том числе редчайшие кристаллические модификации льда невероятной красоты, возникающие лишь в специфических условиях изолированных бессолнечных планет (и куда более дорогие, чем полутонный алмаз). У него имелся технециевый сапфир импактного происхождения — один из всего двух известных. Его коллекции не было цены. Она была уникальна. Он завещал сохранить ее в неприкосновенности после своей смерти и сомневался, что у кого-нибудь когда-либо хватит денег выкупить ее полностью. В таком случае собрание Обсока, очевидно, перейдет в собственность эконосферы к вящей славе оной.

— Только одна драгоценность, почтеннейший капитан, доселе остается мне недоступна, — заявил он поч-

ти яростно, — и это время кристаллы со странствующей планеты Мейрджайн. Отсутствие их — непереносимый пробел в моей коллекции, и я твердо намерен его восполнить. Более того, чем меньше кристаллов будет в обращении, тем лучше. В сложившихся обстоятельствах, полагаю, открывается оптимальная возможность согласовать наши планы — если все пройдет удачно.

— Я так понимаю, — уточнил Ромри, — вы были бы не прочь высадиться на Мейрджайне в одиночку?

— Вы совершенно верно понимаете мою мысль. Однако опасаться предательства с моей стороны вам не стоит. Я человек безупречных моральных качеств, и со всеми участниками нашей маленькой экспедиции намерен вести себя предельно корректно.

Они сидели в главной каюте корабля Вооза. Вооз терпеть не мог присутствия чужих на своем корабле, поскольку это было все равно что запустить их к себе в тело; но в данном случае пришлось сделать исключение.

Он устроился возле Ромри за маленьким круглым столиком. Слева сидела Мэйси, а напротив — Обсок. Ромри умело тасовал карты.

— Вы готовы, капитан?

Вооз резко кивнул.

— Тогда, пожалуйста, сконцентрируемся. И вы особенно, капитан. Сконцентрируйтесь на том, что мы ищем.

Воозу это сделать было несложно, хотя нелепость ситуации его напрягала. Он подавлял скепсис, участвуя в эксперименте по сочленению предположительной функции карточной колоды с особыми модулями сбора

данных своего корабля. Вдобавок ему пришлось кое-что рассказать о том, как устроены эти последние. Трое остальных теперь имели определенное, хотя с необходимостью неполное, представление, что именно кораблю Вооз обязан жизнью.

Ромри загадочным жестом поднял руку перпендикулярно лицу, точно отдал искаженный салют.

— К тебе, о Сила, что движет событиями.

И медленно начал выкладывать карты, сопровождая их комментариями.

— Эта колода создана Карборундовым Орденом, которого, наверное, уже не существует. В любом случае, я никогда не был его членом — я парень прямой, как палка. Я даже не знаю, что такое карборунд.

— Соединение углерода, в прошлом применявшееся для полировки, — тихо сообщил Вооз. — Карборундовый Орден обучал технике, которую они называли полировкой зеркала. Под зеркалом понималось зеркало разума.

— Правда?.. Ну ладно, к делу. Карборундовая Колода содержит четыре масти, которые символизируют, среди прочего, четыре направления компаса на планетах с магнитосферой. Таким образом мы сможем определить, в какой части города вести поиски.

— Если наша цель вообще в Уайлдхарте, — заметила Мэйси.

Ромри выбрал пять карт и начал переворачивать их.

— Он здесь, — сказал он, указав на Колесницу: величественный космический корабль, дрейфующий в пространстве; временами судно погружалось в атмо-

сферы планет, пролетало над блистающими городами и даже ныряло в океаны.

— Это великолепная карта, сулящая уверенность в победе, — довольно отметил он. — Она говорит, что мы правы в своем предположении. Теперь смотрите... у нас две карты с рисунком и три масти — два крыла и один куб. Крылья доминируют и указывают на север. Значит, он в северной части города. Но присутствуют и кубы, а они символизируют запад. Итак, он на северо-западе или, что вероятней, на северо-северо-западе.

Он задумчиво взглянул в другую карту с рисунком, словно надеясь почерпнуть из его движений дополнительную информацию. Это был Перевернутый Человек.

— Обратите внимание: его голова входит в глубокую шахту. Это может означать, что наша цель под землей. — Он метнул взгляд на Вооза. — Твои лучи способны проникнуть туда?

— Смотря как глубоко, — сказал Вооз. — Мне начинать?

Ромри помедлил, коснулся пальцем следующей карты, но отвел руку.

— Да.

Вооз обмяк, его кулак со стуком упал на столешницу.

Он соединился с кораблем, и аппаратная начинка одного из больших корпусов на палубе внизу активировалась, посылая незримые лучи. Наружу и вперед, вверх, в башни, вниз, в подвалы, сортируя коллаж неисчислимых сцен личной жизни обитателей Уайлдхарта.

Как и в предшествующих случаях, Вооз отмечал утомительное однообразие этих сцен. Человеческая жизнь

построена вокруг нескольких типов активности. Люди ели, пили, спали, ссорились, дрались, занимались любовью, играли, учились, работали. Словно матрица, где во всех ячейках почти одинаковые числа. Но, разумеется, окраинная природа города Уайлдхарт вносила специфику. В сотне мест по всему городу мужчины и женщины подвергались сексуальным убийствам. Вооз наблюдал также множество грабежей и убийств иного рода — эротические ассоциации сделали это преступление более распространенным. И, конечно, дебоши в самых изобретательных проявлениях.

Утвердившись в этом состоянии, Вооз стал следовать указаниям Ромри и сконцентрировался на подвальных уровнях этой части города. Ромри прислушивался к его шепоту и выкладывал новые карты, пытаясь интерпретировать их таким образом, чтобы указать Воозу направление поиска.

Стремительное прочесывание сцен городской жизни утомляло и раздражало. Спустя час Вооз почувствовал усталость и прервался. Они ничего не достигли.

— Это ничего не даст, — проговорил он. — Мы дурачим себя этими картами.

— Не думаю.

— Чепуха. Ну да, они в основном из адплантов. И? *Каким образом это влияет на порядок при тасовке?*

Ромри нахмурился.

— Я однажды слышал объяснение, но не вполне понял. Карты каким-то способом связаны со структурой мироздания. Если им доверять, они никогда не подведут. Но в некоторых случаях нужен повторный расклад.

Вооз фыркнул и с презрением поглядел сперва на Обсока, потом на Мэйси. Ромри не отступал.

— Начнем заново, — упрямо заявил он, тасуя колоду.

И снова выложил пять карт. Первой оказалась Колесница.

— Опять Колесница! — торжествующе воскликнул он. — И опять Перевернутый Человек! Но взгляни сюда.

Расклад был так похож на предыдущий, что Вооз заподозрил ловкость рук. Две карты с рисунком, три карты мастей. Две карты крыльев, как и прежде. Но третья — лазерных жезлов, а не кубов.

— Первый расклад повел нас по неверному пути, — бормотал Ромри. — Конечно же, конечно... кубы — масть низкой ценности, им не стоит доверять. А тут у нас девятка жезлов, более убедительная. Координаты следовало искать в северо-северо-восточной части, а не на северо-северо-западе.

И Вооз устало взялся за поиски во второй раз. Но вдруг Ромри словно заразил его своим энтузиазмом. Вооз говорил, где находится и что видит, а Ромри выкладывал карту за картой, указывая, куда направляться и насколько близка или отдалилась ли цель.

Сам Ромри впал в какой-то транс. Он тасовал карты так стремительно, что они веером мелькали перед его лицом, словно играл в какую-нибудь старую игру вроде покера или джина-рамми. И все время говорил, рассказывал, вычленял историю из расклада, порой опережая Вооза. Незримым духом кораблеводец проникал через полуразваленные районы, дрейфовал мимо стен из

карбогидридных ферросплавов, служивших ненадежным укрытием для опустившихся человеческих обитателей, скользил над пыльными заброшенными дорогами, проплывал над кучами городского мусора.

Снова и снова появлялся Перевернутый Человек, будто мигающий сигнал локатора, и показывал, что Вооз на верном пути. Потом он проник через стену в помещение вроде заброшенного склада. Корабль тут что-то обнаружил. Заплесневелые тюки каких-то волокон кипами сложены у одной стены. Пол тут же воспарил ему навстречу. Вооз прошел через него вниз и полетел мимо подвалов.

В одном из подвальных помещений обнаружилось наскоро оборудованное жилье. На низком диванчике лежала спящая фигура. Рядом, на полу, стояло блюдо с белым порошком.

Вооз просканировал остальное помещение. Мебели мало. Стальные задвижки на двери, в четырех углах комнаты ящики с антеннами. Устройства системы безопасности, однако, если верить кораблю, поисковые лучи их не потревожили.

Это, сказал корабль Воозу, человек, который совершил путешествие в Сияющее Скопление и открыл планету Мейрджайн. Данные у него.

— Я нашел его, — вслух произнес Вооз.

Трое его спутников придвинулись ближе.

— Вы установили его местопребывание? — спросил Обсок.

— Я найду его снова, если понадобится.

— А кто он? — с интересом спросила Мэйси.

— Искатель сокровищ. Он под наркотиками. Думаю, наркоман. Похоже на плутоснег.

— Огня ради, — Мэйси вряд ли поняла, что у нее вырвалась клятва стопников, — да уж, ничего странного, что он сам туда не отправился.

Плутоснег оказывал на человека разнообразное воздействие. Основным компонентом эффекта служили периодические вспышки необычайной живости и энергичности, перемежавшиеся периодами почти тотальной апатии. Что бы ни достигалось посредством этого наркотика, а доделывать начатое неизменно должен был кто-то другой.

— А что, если это все просто слух, который он же и пустил? — тревожно предположил Обсок. — Возможно, Мейрджайн не появится.

— Вряд ли это выдумка, — ответил Вооз. — Одним из побочных эффектов плутоснега является омерзение к неправде. Вероятно, этот человек слишком часто выпускал язык и теперь забился в дыру, ища укрытия. Или, возможно, сначала разболтал координаты нескольшим другим, а потом забился в дыру.

— Если эконосфера отнеслась к этому всерьез, — сказал Ромри, — то и нам не помешает.

Вооз кивнул в знак согласия. Посмотрел на Обсока. Пора было триллионеру подключаться к работе и добывать информацию из локализованного ими источника. В сложившихся обстоятельствах это едва ли обязательно. Вооз полагал, что сможет пробиться в подвал и сам.

Однако послужной список Обсока явно включал и знакомство с такими операциями не на шапочном уровне.

— Нужно действовать осторожно, — мрачно заявил он. — В Уайлдхарте сейчас собрались люди, которых это дело тоже интересует, и они абсолютно безжалостны. Вы знаете, что здесь Братцы-Шляпники? И Папочка Ларри со своими девушками. А, вы про них не слышали. Могу вас заверить, что они весьма изобретательны и только и выжидают, когда кто-нибудь клюнет. Да... И, конечно, у эконоферы тут полно агентов, хотя какими ресурсами они располагают, вопрос отдельный. — Он поразмыслил. — Надо полагать, первооткрыватель небезоружен?

— Там охранный система. Больше ничего не заметно.

— Я найму нескольких специалистов по этим вопросам. А вас попрошу указать мне его точное местонахождение.

Коллекционер внимательно наблюдал, как Вооз чертит грубую карту и описывает вид склада.

— Хорошо. Ну что ж, наша работа здесь, видимо, окончена. Ты идешь, Мэйси, милая?

Девушка взглянула на Вооза почти с мольбой.

— Я чуть позже тебя догоню, Радальце. Я бы тут лучше отдохнула еще немного... если вы не против, капитан Вооз.

Вооз бы предпочел, чтоб она ушла, но пожал плечами. Обсок смерил взглядом крепкое, покрытое рубцами тело Вооза, и его явно посетила очевидная мысль.

— Ну ладно, дорогая, развлекайся. Я за тобой машину пришлю.

Они с Ромри удалились. Вооз проводил их до наружного эскалатора, а когда вернулся, девушка все еще сидела за столиком. Он прошел мимо нее. Ее рука взметнулась и осторожно погладила его по ноге.

Он отскочил.

— Не делай этого, Мэйси. Не жди, что соблазнишь меня.

— Ну не до *такой* же степени ты правоверный столпник!

— Как сказать.

— Но у тебя кости. Как ты можешь отвергать такое наслаждение?

— Я не пользуюсь костями, Мэйси. Я их много лет назад отключил.

— Ну ты и стоик!

— Я не ищу удовольствий. Моя жизнь подчинена единственной цели.

— А-а, ты мистик, взыскуешь личной трансценденции. — Она не поняла его. — Но меня это с толку и сбивает. Ты сюда прилетел за времякристаллами. Тебе явно нужны деньги. Как уживается в тебе жажда наживы с воздержанием от чувственных переживаний?

— Мне не нужны деньги.

— Тогда что? — Она нахмурилась.

— Неважно. — Вооз устало отмахнулся. — Ты вроде как хотела покончить с жизнью?

— И ты вмешался. Выказал моральное превосходство, так?

— Это не из-за тебя. Ты пыталась втянуть в это дело другого, причем так, что он оставался в неведении об истинных последствиях. Так нечестно.

Вид у нее был невозмутимый.

— Ты все еще намерена покончить с собой?

Она рассеянно улыбнулась, словно надеясь съехать с темы.

— Это ведь невозможно, — ехидно заметила она. — Ты, как столпник, знаешь лучше других. Мир повторяет себя, и мы возвращаемся в него. Смерти не существует.

— Ты не столпница.

— А я не обязана. Все знают, что это так. Наука доказала.

— Да, это так. — Он помолчал, размышляя, затем осторожно продолжил: — Но идея остается крайне абстрактной для большинства. Даже тем, кто воспринимает ее всерьез, девятьсот триллионов лет сна без сновидений могут показаться достаточным соблазном для самоубийства. Снова спрашиваю: ты по-прежнему уверена в своем решении?

— Не знаю я. — Она опустила глаза. — Когда ты ворвался, словно гром с ясного неба, ты мне ритм сбил.

— Неужели смерть — единственное, что тебя еще заводит?

— Ну, есть еще кое-что. — Она снова подняла взгляд. В ее глазах мелькнула лукавая искорка. — Хочешь, я тебе расскажу?

— Не сейчас, — произнес Вооз. — Не сейчас. И, кстати, Ромри тоже оставь в покое по этому делу.

Пробраться на склад незамеченными оказалось сложновато. Наемники Обсока определили маршрут, минимизирующий время пребывания на открытой местности, а кроме того, у них имелось оборудование, предположительно позволяющее нейтрализовать охрану, но все же оставалось неясным, удастся ли проскользнуть.

Ночи на Сарсусе были безлунными, но Сияющее Скопление располагалось так близко, что его звезды пронизывали мерцающим светом всю атмосферу, и все твердые предметы отбрасывали тени. Вооз скорчился за низкой стеной, наблюдая, как трое рейдеров выбирают на свет Скопления.

Ромри опустил на корточки рядом с ним, вглядываясь в происходящее с напряженным вниманием, точно горностаи из засады. Обсок отсутствовал; коллекционер предпочел дожидаться их отчета у себя в апартаментах.

Рейдеры, сливаясь с тенями, прошмыгнули к складской стене по каменистой почве. Когда они исчезли, Вооз, повинаясь минутному импульсу, посмотрел направо. И увидел человеческую фигуру в облегающем костюме, придававшем незнакомцу сходство с котом; тот и крался, словно кот, опустив голову к земле.

— Посмотри, — шепнул Вооз Ромри, но фигура в кошачьем костюме тут же сгинула.

От основания складской стены взметнулась струйка пыли: группа рейдеров пробила в ней дыру.

— Они лезут внутрь, — хриплым шепотом проинформировал Ромри. Вооз чувствовал его возбуждение. Они наблюдали, как два рейдера проникают в дыру.

Третий, помедлив, жестом подозвал Вооза и Ромри. Те перебрались через стену и подбежали к наемникам.

Внутри обстановка отвечала уже виденной Воозом. Люди Обсока в легкой энергобронне рассредоточились по складу, вытянули антенны, доискиваясь потайного входа. Один наемник, толстяк с бесстрастным лицом, резко остановился и поднял руку.

— Здесь, — прошептал он. — Но дверь слишком хорошо защищена.

— Мы туда через пол провалимся, — ответил один из его товарищей, имея в виду дезинтегрирующую гранату, которую держал в руке.

— погоди. — Внимание другого отвлеклось на сигнал в наушниках. На лице рейдера промелькнуло удивление. — Дверь уже открыта. Можем пройти.

— Он что, забыл ее запереть?

Вооз начинал догадываться, что здесь произошло, но ничего не сказал. Трое осторожно откинули толстую плиту на шарнирах, опасаясь ловушек, и спустились в подвал. Вооз полез следом, за ним Ромри.

Его догадка оказалась верна.

Толстяк склонился над неподвижным телом на матрасе и осмотрел его.

— Он мертв, — сообщил рейдер. — Убит из ультразвуковой пушки.

Труп принадлежал искателю приключений, которого Вооз наблюдал во сне наяву, сидя на кушетке.

— Надо полагать, кто-то опередил нас, — произнес он.

— Черт побери, это уж точно.

— Возможно, они что-то упустили, — тревожно вмешался Ромри. — Обыщи комнату. Поищи куб памяти.

— Поищем. Но не найдем. Это официальная казнь.

Другой наемник поднял с пола карту. На ней виднелся серебряный орел — символ эконосферы.

— Тут побывал правительственный агент.

— Вероятней всего, на внешних накопителях этой информации не существовало, — сказал третий рейдер. — Наверняка он носил ее в своем адпланте.

— Вы уверены, что карта подлинная? — уныло спросил Вооз.

— Да настоящая она, настоящая, — недовольно отозвался наемник, поворачивая карту к свету в поисках нанесенных на нее узоров. — Их чертовски тяжело подделать. Эко-агенты всегда оставляют их на месте работы.

— Они так показывают, что у эконосферы руки длинные, — совершенно серьезно заметил другой. Вытащив коммуникатор из чехла, он уточнил: — Кто доложит нашему нанимателю, вы или я?

— Я. — Вооз взял у него коммуникатор и начал набирать номер Обсока.

Ромри стоял над трупом и качал головой.

— Да уж, правительственные шишки явно хотят сохранить Мейрджайн вне нашей досягаемости любыми средствами, раз так бесцеремонно разделались с этим бедолагой. Интересно, чего они боятся?

Старший наемник пожал плечами.

— Я бы тоже хотел это знать. Прошлая экспедиция вроде бы не обнаружила там ничего опасного. По крайней мере, все вернулись нерасчлененными.

Вооз тем временем дозвонился до Обсока. На матовом экранчике возник интерьер гостиной, но самого Обсока не было видно. Коллекционер спросил холодно, раздраженно:

— Ну и что там?

— Гражданин Обсок, это капитан Вооз, — вежливо проговорил Вооз. — Боюсь, что наши усилия ни к чему не привели. Тут уже побывал правительственный агент. Данные почти наверняка уничтожены. Вероятно, их больше нигде не осталось.

— Это уже неважно, — ответил голос Обсока. — Ни в малой степени. За последние несколько минут кое-что произошло. — Он помолчал. — Принята широкополосная трансляция из Скопления. Наверняка с Мейрджайна. Она содержит координаты. Их теперь знают все.

— Но какой в том смысл?! — воскликнул Ромри, подскочив к Воозу. — Что это все значит?

— Это значит, — ответил Обсок, — что на Мейрджайне что-то есть, и оно хочет, чтобы люди туда прилетели.

Когда Вооз в последний раз посещал Тету, Мадриго остался доволен полнотой его кажущегося исцеления. Разочаровывать наставника было тяжким испытанием.

Печальными знаками на дороге несбыточных планов запечатлелись в памяти Вооза грандиозные, уходящие до горизонта колоннады и нежная, как шербет, атмосфера, постепенно таявшая в небесах цвета крокуса. Он обонял сладостные, успокаивающие ароматы. Рядом шагал Мадриго, всем видом своим выражая уверенность и спокойствие.

— По тебе видно, что разум в тебе победил, Вооз, — произнес столпник. — Ты превозмог невзгоды.

— Не превозмог, — ответил Вооз.

Так и было. Бесстрастная, как скала, личность Вооза служила ему броней, подобно скафомоду, который он теперь всегда носил на крепком, но покрытом уродливыми рубцами теле. Броня характера, позволявшая ему функционировать в реальности, прикрывала от внешнего мира ядро — сложенное абсолютным ужасом.

Именно Мадриго помогал создать эту броню. Задача оказалась бы невыполнима без познаний столпника в человеческой психологии. И сам же Мадриго теперь обманулся совершенством своего творения.

— Я выбрал имена ошибочно, — сказал Вооз. — Они сулят участь, которой я бы превыше всего на свете желал избежать...

Он продолжал говорить, детализируя величайший свой страх. Мадриго с серьезным видом слушал.

После этого Вооз задал вопрос. Собственно, ему трудно было бы подобрать менее смелый вопрос. Впервые Вооз увидел своего наставника шокированным.

Он ждал.

— Твой план абсолютно неосуществим, — сказал Мадриго, уверившись, что правильно понял намерения Вооза. — Ничего нельзя изменить. В противном случае твои имена лгали бы.

Тогда Вооз понял, что ни одно человеческое существо, не исключая мудрого и благожелательного наставника, не захочет и не сможет ему помочь, и беспредельное одиночество избранной миссии нахлынуло на него.

Вооз отогнал это воспоминание, насколько удалось, затолкал в пылающие тайники разума. Проверил, равномерно ли генерируют энергию топливные элементы. Потом приступил к похожему, но не столь важному практически ритуалу — взялся обследовать те части корабля, какие пребывали в соматической интеграции с ним.

Задаче поддержания жизни в теле Вооза были отданы четыре палубы, то есть все пространство корабля, за исключением машинного отделения, кладовой, жилой секции и астрогаторской рубки. Корабль создавал-

ся по принципу холистической интеграции, а это значило, что все происходящее в одной системе так или иначе влияло на остальные. Иными словами, Вооз полностью сроднился с кораблем. Когда двигатели работали на полную, он это кишками чувял. Когда корабль переходил из одного состояния в другое или менял курс, Вооз испытывал мимолетный приступ головокружения.

Соматическая система, как окрестили ее скелетных дел мастера, носила всеобъемлющий характер. Распространяясь за пределы жилой секции, она связывала его со всеми функционирующими элементами корабля. Основная часть ее, однако, находилась на четырех палубах, заставленных механизмами в тусклых корпусах. Двигаясь меж них, Вооз чувствовал себя так, словно движется по собственному организму — ибо они и *были* его телом, в некотором смысле более реальным, нежели плоть и кровь. Даже сознание его поддерживалось именно здесь.

Обычно адплантная техника функционировала беззвучно, однако не в этом случае. Вооз не вполне понимал, почему, но машины жужжали и пощелкивали в уютном ритме механического общения, хотя не имели никаких движущихся частей.

На каждом корпусе виднелся диагностический дисплей. Перемещаясь между зелеными экранами, Вооз зачарованно взирает на беспрерывно менявшиеся мерцающие символы. Скелетных дел мастера научили его толкованию некоторых символов, однако необходимости в том, пожалуй, не было вовсе. Соматическая система осуществляла полный самоконтроль.

Причиной существования этих экранов и ежедневных прогулок по четырем палубам служила необходимость напоминать себе, где расположено средоточие его здоровья. В противном случае, как полагали скелетных дел мастера, Вооз мог бы позабыть об этом и по неосторожности удалиться за пределы зоны покрытия корабельных лучей, хотя ему в любом случае послали бы предупредительные сигналы.

В последнюю очередь он взялся проверять передатчики на четвертом уровне. Пребывание там доставляло ему экстраординарные ощущения. Степень проникновения лучей достигала максимума (они были параллельны и когерентны, но интенсивность ослабевала с расстоянием, поскольку при прохождении через вещество возникали помехи, так что каждый дюйм каждого луча играл роль независимого компьютера). Воозу мерещилось, что сквозь его тело проходит могучее сияние, наполняя каждую клетку здоровьем, силой, энергией.

Его ежедневно одолевало искушение задержаться здесь на более длительный срок, и ежедневно он сопротивлялся такому соблазну. Он быстро и эффективно выполнил намеченные процедуры (здесь в них было больше смысла, чем на процессорных палубах, поскольку передатчики отличались меньшей устойчивостью к износу), после чего ретировался.

Вернулся к себе в каюту.

Мы почти на месте, прошептал корабль.

Покажи мне.

Вооз устроился на своей кушетке. Корабль продемонстрировал изображение Сияющего Скопления, где в

данный момент двигался. Звезда, в системе которой ожидали они обнаружить блуждающую планету, была обведена алым кружком.

Ярко-пурпурными искрами роились другие корабли, летевшие к той же цели. Некоторым удалось намного опередить конкурентов — очевидно, они стартовали с Сарсуса, как только поняли, что сообщение из Скопления подлинное: рванули, словно блохи с тонущей собаки. В лихорадочной спешке они не дали себе труда задуматься, кто послал сигнал и зачем.

— За золотом, — пробормотал Вооз. — Все за золотом.

Эта старая идиома возникла еще в те времена, когда золото считалось драгоценным металлом, и люди хватались за любую возможность его добыть.

Он собирался смешаться с толпой кладоискателей. Поблизости следовали несколько очень быстрых кораблей; он выждал несколько часов, пропуская их вперед, прежде чем отправиться.

Но Мейрджайн — большой мир, и у Вооза было преимущество, недоступное им. И обычная для него мрачность отступила перед оптимистичной уверенностью.

Корабль пробудил его от беспокойных снов. Интонация была слегка настойчивой, и Вооз, немедленно вскитнувшись, принял сидячую позу на кушетке, которой пользовался вместо кровати.

Взгляни, сказал корабль.

В сознании опять появилась картинка — или, вернее, череда смонтированных картинок. Планета, ее поверхность, усеянная пурпурными, синими и мальвовыми

пятнами, с филигранной сеткой других цветов — золотистого, серебристого, алого. Планету согревало желтое солнце с чуть синеватым оттенком; он понял, что звезда излучает весь спектр цветов, доступный человеку.

А на диаграмме увидел то, чего не мог бы различить невооруженным глазом: десятки кораблей на орбите. Перед внутренним оком Вооза мелькали их контуры. Многие были знакомы по космодрому Уайлдхарта.

— Почему они не садятся? — спросил он.

Они не могут, ответил его корабль.

— Почему?

Я вызвал Неутомимую.

Неутомимая, яхта Радальце Обсока, была из самых скоростных и, вероятно, прибыла среди первых. В сознании Вооза сформировался образ Обсока, возлежащего на роскошном диване. Мэйси свернулась калачиком на кушетке рядом, смежив веки.

Глаза навывкате блеснули.

— Приветствую, кораблеводец. Наконец-то ты добрался.

— Что произошло? — спросил Вооз. — Почему никто не садится?

— Никто не может сесть, — Обсок дернул ртом. — Многие пытались. Атмосфера непроницаема.

Вооз промолчал, ограничившись озадаченным выражением на лице.

— Мой техник говорит, планета окружена чем-то вроде реверс-инерционного поля, — сообщил Обсок. — Хотя, как по мне, он просто прячет невежество за умными словами.

— Это же не имеет никакого смысла, — медленно произнес Вооз.

— Что не имеет? Недоступность Мейрджайна? Вероятно, для тех, кто манипулирует нами таким образом, кем бы ни были они, — имеет. Там внизу что-то есть, кораблеводец, и оно с нами забавляется.

— Мы не можем висеть здесь вечно, — сказал Вооз. — Через пару стандартных дней подоспеет крейсер.

— Отнюдь *не обязательно*, чтобы все пошло так, как захотят на крейсере. У нас тут, кораблеводец Вооз, настоящий орбитальный город, не лишенный средств защиты. — Обсок нахмурился. — Настоящая проблема в том, получится ли что-нибудь из этого испытания. Если хочешь, можешь присоединиться к дискуссии. Мы собираем конференцию, чтобы решить, как дальше двигаться.

— Кто на ней будет присутствовать?

— Некоторые из ранее пытавшихся пробиться сквозь барьер. А также ученые. — Обсок помолчал. — Кроме того, я обязан предостеречь тебя, что полностью исключить неприятные неожиданности не удастся. Тут крутятся люди самого опасного сорта. Их терпение на исходе; уже зафиксированы первые стычки.

— И кто принимающая сторона?

— Совещание состоится на борту моей яхты. Жилая секция там особенно просторная. Если интересуется, заходи в гости через три стандартных часа.

— Хорошо, — решил Вооз. — Я буду.

Изображение исчезло с проецируемого в мозг экрана.

Инструкции? спросил корабль.

— Продолжай движение по орбите.

Вооз снова посмотрел на планету внизу. Отчего-то загадка не пробудила в нем любопытства. Только раздражение.

Испустив тяжелый вздох, он снова уснул.

Когда Вооз подлетал к *Неутомимой*, корабли уже начинали собираться. Вдоль тонкого изящного корпуса яхты вытянулась целая вереница их, различных форм и размеров. Он узнал ладного *Звездного ныряльщика* Ромри — стыковочный шланг свободно болтался под брюхом более крупного судна. Ромри, видимо, уже на вечеринке.

В голове Вооза прозвучал голос, не Обсока, а, вероятно, члена экипажа или какой-нибудь машины:

— Гражданин Обсок приветствует вас на борту, кораблеводец Вооз.

Корабль Вооза ответил уместными приветствиями. Он неуклюже спустился к тамбуру, откуда стыковочный шланг уже тянулся к такому же у звездной яхты. Как только они сочленились, шлюз открылся, приглашая его войти.

Расстояние до яхты составляло примерно пятьдесят ярдов. Поле инерциальной гравитации за пределами корабля не работало, поэтому в трубе Вооз сразу испытал невесомость и вынужден был подтягиваться по хваталкам. Однако на полпути его резко потянуло вниз и приложило о пол. Стоило догадаться, подумал он завистливо, что такой богач, как Обсок, наверняка снабдит гравитацией даже стыковочные шланги.

Когда Вооз достиг дальнего шлюза, тот тоже открылся. Одиноким робот помог взобраться на борт.

— Гражданин Обсок в главной гостиной, уважаемый, — сказал автомат тем же голосом. — Если позволите, я провожу вас.

Коридор был отделан панелями медового дерева — органические волокна обладали интересной текстурой, а под определенным углом свет выхватывал в ней серебристые нити. На полу протянута толстая коврая дорожка — на ощупь как мох, поглощавшая звук шагов. Такая обстановка радикально отличалась от привычных ему голых, твердых, временами пружинивших под ногами полов.

Робот поторопил его в гостиную. Радальце Обсок приподнялся и вежливо приветствовал Вооза.

Вооз огляделся. Стены и потолок отделаны золотом, мебели немного. Наверное, большую часть пришлось вынести, чтобы освободить место или исключить повреждение ценного антиквариата. Присутствовало около дюжины человек, включая Ромри; тот говорил с каким-то юношей, а за ними наблюдала спокойная улыбка толстуха. Вероятно, его пригласили потому, что эти трое недавно завязали тесные отношения. Обсок, пожалуй, единственный из слетевшейся на Уайлдхарт оравы хранил верность общественной морали.

— Тут все не поместятся, — заметил Вооз.

— Имеете в виду владельцев тех кораблей снаружи? Они тут роятся, как насекомые вокруг меда. Слухи разносятся. Но я пригласил всего двадцать шесть человек. — Обсок понизил голос. — Там Ларри с двумя своими барышнями. Вы уж постарайтесь их не напрягать.

С этими словами он заговорщицким жестом указал на крупного, крепкого в кости человека с агрессивными чертами гангстера, стоявшего у столика. Его фланкировали две девушки, высокие и статные, моложе спутника, но обладавшие некоторым сходством с ним, так что их можно было принять за сестер или дочерей Ларри: те же длинные челюсти, вызывающий взгляд хищно сверкавших глаз. Вооз, однако, понимал, что это клоны Ларри, генетически мужские особи, а соматически — женские: еще в утробе они подверглись гормональной обработке. Вся банда Ларри состояла из таких девушек, и сколько их у него, никто не знал в точности. Как и большинство других гостей, Ларри переминался с ноги на ногу, нетерпеливо отпивая из бокала.

Внимание Вооза привлекла другая дверь, дальше вдоль стены гостиной. Через нее входили Братцы-Шляпники. Обсок немедленно подхватился приветствовать их.

Братцев-Шляпников тоже легко было принять за клонов, но они были естественными генетическими копиями, близнецами. Но не так впечатляло их сходство, как примечательные темные широкополые шляпы на головах. Об этих металлических головных уборах ходили легенды. Вооз понимал, что психопатология профессиональных преступников порождает страсть к сильным семейным взаимоотношениям, как в случае с бандой Ларри. Шляпы братьев были частью их черепов и представляли собой установленные их отцом трансверсы ментальной активности, настроенные и закодированные друг на друга. Каждый брат переживал то же самое и мыслил так же, как и другой, и так продолжалось с

раннего детства. В сущности, Шляпники были единым разумом в двух телах⁴.

Явление братьев не слишком обрадовало собравшихся. Вооз следил, как те, шагая нога в ногу, пересекают гостиную и направляются к столу с выпивкой. Присутствующие сторонились их. Шляпники проигнорировали Ларри и его девушек, и в воздухе повисла напряженность.

Действуя идеально слаженно, как два андроида с общим оператором, они взяли себе по стакану со стола и развернулись к собравшимся.

— Ну ладно! — недовольно гаркнул один. — Начинаем!

— Еще не все собрались, — раздраженно буркнул Ларри.

— Мы не любим ждать попусту, — сказал Шляпник. Затем вступил его близнец, словно продолжая прерванную речь (надо полагать, обращался он к молодому

⁴ Аналогичная пара близняшек-гангстеров описана у Майкла Дж. Харрисона в более позднем романе *Свет*, там это сестры Крэй. Оба образа навеяны, видимо, исторической парой братьев-гангстеров Крэй (Рональда и Реджинальда), королей лондонского преступного мира 1960-х гг. Суть авторской шутки не только в отсылке к Безумному Шляпнику у Кэрролла в *Алисе в стране чудес*, но и в том, что исторические братья Крэй были приговорены к пожизненному заключению в 1969 г. за убийство наркоторговца Джека Маквити по прозвищу Шляпа; такую кличку этот последний получил за то, что имел привычку всегда носить фетровую шляпу. Параллели между двумя книгами, *Столпами вечности* и *Светом*, многочисленны и проявляются на разных сюжетных уровнях; к примеру, фигура Вооза, инвалида, пребывающего в кибернетическом симбиозе со своим кораблем, находит точное соответствие в персонаже космолетчицы Серии Май Гэнлишер.

му человеку-соседу (Ромри). — Ты пытался спуститься и продвинулся дальше прочих. Мы слышали, ты инженер.

— А ты, — проговорил его брат, указывая на другого человека, бородача в алой куртке, — физик.

Близнецы обзрели приумолкшее собрание.

— Тут достаточно, чтобы начать. Если есть идеи, мы их выслушаем.

Одна из девушек Ларри вдруг рванулась через комнату и вскинула кулак, угрожая второму близнецу:

— Если вы вообразили, что можете нас заставить...

— Дамы и господа, сохраняйте спокойствие! — умоляюще воззвал Обсок, проталкиваясь вперед. — Пожалуйста. Нам необходимо сотрудничать.

На тонких губах Ларри мелькнула жесткая ехидная улыбка. Он жестом отозвал девушку. Та подчинилась.

В этот момент робот снова открыл дверь. Появились еще несколько человек, среди которых Вооз не без удивления заметил нимфу в тонком полупрозрачном платье.

Обсок повернулся к ней и поманил, подняв руку.

— Могу ли я представить вам Нэви Хайрестер? По ней не скажешь, но она эксперт по инерциальным полям.

Братцы-Шляпники посмотрели на девушку и осклабились.

— Правда? Наконец что-то новенькое. И где ж ты училась, цыпочка?

— Я не училась, — холодно ответила Нэви. — У меня адплант.

— Адпланты не делают тебя *экспертом*, — сказал один из Шляпников. — *Эксперт* понимает, о чем говорит. Например, мы с братом — *эксперты* по наблюдению за тем, как люди...

— *Заткнись, Шляпа*, — прорычал Ларри и обернулся к Нэви. — Ты работала с полями?

Она кивнула.

— Я обслуживала генераторы, прежде чем...

— ...начала обслуживать *людей*! — закончил вместо нее чей-то голос и расхохотался.

Вооза заинтересовало, каким ветром занесло нимфу на Мейрджайн. Несомненно, она не обычная нимфа — эти девушки, как правило, существуют только для ничем не осложняемого чувственного наслаждения, а у Нэви имеются специальные технические навыки, пускай и адплантированные.

А как насчет остальных? Нэви, вероятно, ищет быстрой наживы, как и Ромри. Но некоторые — скажем, Братцы-Шляпники или семейка Ларри — прибыли сюда с какой-то иной целью. Они уже богаты. Что же заставило их прельститься соблазном еще большего богатства и наплевать на все риски?

Нэви говорила:

— ...мейрджайнский барьер явно представляет собой инерциальное поле, как в системах искусственной гравитации на звездолетах, однако оно отталкивает приближающуюся материю, а не притягивает ее. И, конечно, обладает куда большей мощностью. Обычно считается, что поля такого типа можно пробить при определенной нагрузке. Для такого сильного поля, окружаю-

щего всю планету, она будет весьма высока, но думаю, что стоит попытаться.

— Как? — спросил Ларри. Когда девушка заговорила, к ее техническим советам явно стали относиться серьезней.

— Это поле отталкивает корабли. Следовательно, оно устоит перед двигателями любого обычного корабля. Нужно оснастить корабль множеством таких двигателей и попробовать. — Она помолчала. — Если инерционное поле используется как отталкивающее, а не притягивающее, то его свойства аналогичны пузырю. При проколе оно сдуется и исчезнет, пока генератор не восстановит его.

— Это нам не на пользу, — заметил Обсок. — Не в наших интересах запускать сюда всю свору. — Он махнул рукой, словно обводя разношерстное сборище кораблей у своей яхты.

— Ничего не поделаешь, — сказала девушка.

Вооз вмешался:

— Есть и еще один аспект происходящего. Меня удивляет последовательность событий. Сигнал с Мейрджайна практически приглашал нас сюда, но, прибыв, мы натыкаемся на барьер инерциального поля. Кто-то с нами играет.

Ларри напыжился.

— Никого там нет. Первые экспедиции не обнаружили никакой разумной жизни. Только следы вымершей цивилизации.

Его девушки согласно кивнули, тем самым намекая, что он уже обсудил с ними этот вопрос.

— Тогда какая связь между приглашением и полем?
— резко спросил один из Шляпников.

— Возможно, это какая-то старая машина. Включается и выключается невесть почему.

— Мне кажется, так и есть, — порывисто поддержал его молодой собеседник Ромри. Лицо юноши было серьезно. — В Академии говорят — если события противоречат друг другу, это лучше приписать природе или действиям машины, но не разума.

Какую академию он имел в виду, осталось неясным, но реплику в любом случае пропустили мимо ушей. Воозу показалось, между Ларри и Шляпниками что-то происходит. Он напрягся, но развитие событий все равно застало его врасплох.

Ларри посмотрел на ближнего Шляпника и поднял брови. Оба брата в ответ кивнули.

— Все это нужно упростить, — сказал дальний брат, хотя глядел в другую сторону и сигнала Ларри видеть не мог. На миг трое застыли в неподвижности, глаза их остекленели.

— И как же? — спросила нимфа. Никто другой вроде бы не заметил безмолвного общения троицы. Реплика Шляпника вызвала легкое удивление, но ее приписали продолжению предшествовавшего разговора.

Вооз полагал, что такого и стоило ожидать — измены, сговора врагов, любых попыток получить преимущество, хотя в сложившихся обстоятельствах его не обретет, вероятно, никто. Интересно, замешан ли в этом Обсок или змею на груди пригрел?

И что задумали Ларри с Братцами-Шляпниками? Может, просто перестрелять тут всех. Вооз прикинул,

какие меры защиты стоит принять, подтянув по лучу с корабля, но тут корабль сам обратился к нему.

Исключительная опасность. Немедленно вернись.

Сообщение озадачило Вооза. Он не представлял себе угрозы, с которой при поддержке корабля не сумеет справиться. Ларри ничего не делал, лишь стоял и улыбался своим мыслям, а Шляпники скучающе глядели в пол.

Он собирался было запросить у корабля уточнений, но тут в дальнем углу гостиной прозвучал вопль, указавший путь к ответу. Включилась большая видеостена — вероятно, ее робот с мостика яхты активировал.

На экране появился рой кораблей, окружавших яхту. Через него, стреляя во все стороны из чего-то весьма похожего на протонные пушки широкого радиуса действия, перли два судна покрупнее, почти наверняка — корабли Шляпников и Ларри с его барышнями.

Вооз тут же сообразил, в чем заключается опасность. Угрожали не ему непосредственно. *Его корабль* был в опасности, а без корабля он все равно что мертв. Атаку подстроили: Ларри и Шляпники, делая скучающий вид, в действительности координировали перемещение своих кораблей.

Началась форменная бойня. Лишь немногие могли оказать сопротивление, а корабли с людьми на борту в панике разлетались. Другие — в основном те, чьи хозяева застряли на *Неутомимой*, — пассивно парили в пустоте, и высокоскоростные протонные пучки быстро превращали их в кучки обломков.

Наблюдая за этим, Вооз пролагал себе путь к выходу. Робот, проводивший его в гостиную, преградил дорогу.

— Я настоятельно прошу вас не покидать корабля. Там небезопасно.

— Прочь с дороги! — рявкнул Вооз.

— Уважаемый гость, ради вашей же безопасности я не могу пропустить вас. Гражданин Обсок будет весьма опечален, если вы потом решите вчинить ему иск.

Вооз оглянулся, пытаясь оценить происходящее в гостиной. Все повскакивали с мест. Некоторые догадались, что за корабли атакуют. Но не успели и собраться с мыслями, как девушки Ларри уже опередили их. С парабичами в руках они выступили вперед, двигаясь грациозно, как хищники, и послали над головами присутствующих предупредительные удары тонких хлыстов.

Шляпники тоже не теряли времени зря. Извлекли парализаторы и разделились, чтобы взять под контроль противоположные стороны гостиной. Ритм их движений зачаровывал: не шаги, не побежка, а скорей прекрасно скоординированный балетный танец. Вооз осознал, что они наслаждаются совместным перемещением. *Фффт, фффт* — мерцающие синие сферы статического электричества вылетели из дул парализаторов и понеслись через гостиную, чтобы слиться воедино; Шляпники постарались никого не задеть.

— Никому не двигаться, — приказал один из братьев уверенным низким голосом. — Как только избавимся от этого мусора, начнем по плану нимфы.

— Мой корабль! — взвизгнул кто-то. Вооза зрелище утомило. Он отпихнул робота, который в любом случае не смог бы ему противостоять, и помчался по коридору.

Когда он достиг корпуса, остальные, вероятно, уже оставили надежды спасти свои суда, но Вооз без проблем послал сигнал автоматической стыковки шлангов. Размышляя, что произойдет, если протонный пучок случайно перережет туннель, он стремительно нырнул туда и спустя несколько минут оказался на своем корабле.

Как и большинство присутствующих, это судно не имело внешних орудий, так что единственным решением было поскорей убраться подальше. Приказав кораблю вывести вид окрестного космоса, Вооз прошел к себе в каюту.

Длинная яхта Обсока парила ярдах в пятидесяти. В другом направлении царил полный хаос. По мановению мысли Вооза корабль расстыковался и начал было втягивать свой шланг, но тут заметил фигуру, которая барахталась в пустоте близ болтавшегося конца другого шланга, свисавшего с корпуса *Неутомимой*.

Фигура была в аварийном скафандре и медленно крутилась вокруг своей оси. Воозу показалось, что он узнает несчастного.

— Ближе покажи вон того, — приказал он.

Картинка приблизилась. Как и полагал Вооз, то был Ромри. В другом ракурсе наблюдались обломки его *Звездного ныряльщика*. Ромри, должно быть, попытался достичь их и случайно выпал из шланга. Крайне опрометчиво с его стороны.

Вооз понимал, что нужно бежать, не откладывая, но еще ни разу в жизни не смог пойти против своего этического кодекса. И в этот раз не сумел. Он приблизил корабль к Ромри и протянул бедолаге шланг.

Внезапно корабль снова заговорил с ним, еще требовательней прежнего:

Внимание. Приближается правительственный крейсер.

— Что-о? — Вооз от неожиданности заговорил вслух.

— Но его ведь еще два стандартных дня ждать.

Эта оценка была либо ошибочна, либо подложна. Он здесь.

— Покажи его.

Чисто рациональное восприятие воспоследовавшей картины было невозможно, но Воозу раньше уже случалось работать с полудиаграммным представлением корабля, и он не растерялся. Он видел, как Ромри тянется к спасательному шлангу, яростно дергает руками и ногами, словно плывет (разумеется, тот был непривычен к невесомости). Видел, как рассеивается облако обломков и поврежденных кораблей, под несколько другим углом, словно бы наложенным на первый ракурс. А еще видел летящий к ним тяжеловооруженный эконосферный крейсер — более чем вдвое крупнее яхты Обсока; очертания судна были функциональны и оттого неуклюжи до уродства, но крейсер двигался стремительно, во исполнение эконосферного эдикта, нарушителями коего они все тут стали.

Монтаж сменился когерентной картинкой: крейсер акулой метнулся ко все еще дезорганизованному скопищу кораблей, на бортах правительственного судна

стала четко видна официальная эмблема — звездная вспышка с восемью лучами. Слуги эконосферы отличались крайней неразборчивостью в средствах достижения своих целей. Крейсер сходу открыл огонь, безжалостно выбирая цели и стараясь не оставить никому возможности укрыться на планете, маячившей с одного края сцены. Высокоэнергетические лучи мгновенно испарили три корабля. Экипаж крейсера, вероятно, удивился, когда *Неутомимую* внезапно окружило злое, синее сияние экрана ЭМ-систем обороны. Яхта выстрелила в ответ и начала ускоряться, снижаясь к величественному лику Мейрджайна.

Два корабля, ранее затеявших бойню, теперь следовали за ней — надо полагать, потому, что Ларри с Братцами-Шляпниками остались на борту яхты Обсока. Эти тоже открыли ответный огонь по крейсеру. Спустя считанные секунды все четверо исчезли за горизонтом.

Но вскорости они вернутся.

— Загерметизируй шланг и быстро втяни его, — велел Вооз. — У нас ни единого шанса. Нужно бежать.

Выполняю, сказал корабль. Потом: Поступает сообщение. Слушай.

И снова в мозгу Вооза возникла колода интерпретированных картинок. Когда корабли стали в панике разлетаться, один из них вонзился в атмосферу. И теперь с этого судна кто-то передавал, вне себя от восторга:

Экран снят. Я прорвался! Эй, вы там, экран снят! Я спускаюсь!

Вооз бесстрастно отметил, что этим сигналом неизвестный себе только навредит. Вероятно, он поддался приливу энтузиазма и расценил действия остальных

кораблей как сотрудничество искателей сокровищ. Но кто б то ни был, Воозу следовало поблагодарить его за оплошность. Он испытал торжество.

Твой гость на борту, сказал корабль.

— Спускай нас, — приказал ему Вооз. — Садимся на Мейрджайне.

Спуск получился стремительным, и необходимость уворачиваться от хищных лучей крейсера-преследователя заглушила интерес Вооза к возносившемуся навстречу ландшафту. Крейсер завершил облет планеты, *Неутомимой* не догнал (та по-прежнему неслась перед ним) и ограничился тем, что, выцеливая и стреляя по кораблям, отогнал ораву до тропосферы, после чего вернулся на орбиту. *Неутомимая* и два ее невольных союзника, вооруженные корабли Ларри и Братцев-Шляпников, вскоре бросили тщетные попытки оторваться от крейсера и, рассудив, что уступают ему в боевой оснащённости, нырнули обратно в атмосферу.

Внизу проплывали широкие полосы золота и серебра, перемежавшиеся менее яркими лавандовыми и фиолетовыми участками ландшафта. Искатели сокровищ, в том числе Вооз, инстинктивно искали укрытия во тьме, юркнув за терминатор перед тем, как рассеяться. Сканеры крейсера были эффективны и на дневной, и на ночной стороне планеты, но, вероятно, эконосферный корабль получил приказы не стрелять по самому Мейрджайну, и темнота беглецам попросту казалась безопасней. Вооз, как и остальные, метнулся под ее прикрытие и сел с подветренной стороны какой-то скалы.

Пока не взошло солнце, никто не двигался. Вооз полагал, что провести в ожидании несколько часов будет разумно, ведь крейсер при этом также перейдет в более пассивный режим. Возможно, экосферный командир решит, что лучше не предпринимать активных действий, пока кто-нибудь из старателей не попытается взлететь с планеты. Тогда и начнутся реальные проблемы.

Вооз выжидал внутри своего корабля и вспоминал.

Твой план абсолютно неосуществим. Ничего нельзя изменить.

Слова Мадриго, услышанные Воозом в последнюю их встречу, часто звенели в сознании кораблеводца. И сейчас всплыли тоже, породив обычную — противоестественную — реакцию. Они должны были, подобно каплям медленно действующего яда, поработить его волю и погрузить в бесчувственность. Вместо этого они заразили его маниакальной решимостью. Невероятным упорством, иррациональной устремленностью, железной волей. В конце концов, давненько уже человек не бросал вызов богам!

Ромри, сидевший в противоположном углу небольшой каюты, с интересом рассматривал Вооза. Кораблеводец отвергал все попытки себя разговорить. Он сидел, сгорбившись над столиком, и задумчиво тасовал колоду столпничьих карт, убивая время до восхода мейрджайнского солнца. Полнота его отрешенности навела Ромри на мысли о стремлении Вооза к самоубийству — в смысле, *настоящему* самоубийству, а не подстрахованной клонами процедуре мазохистического оттенка.

Интересно, размышлял он, чего же хочет Вооз?

Ромри жестом указал на карты.

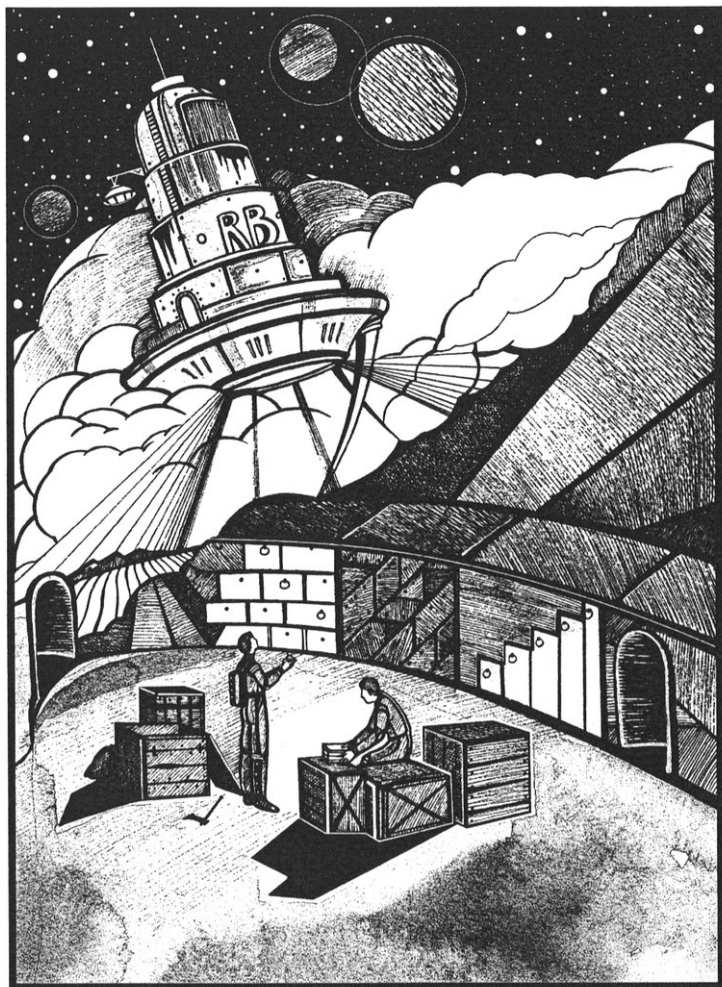
— У тебя тоже колода есть. Они вроде моих?

Вооз покачал головой.

— Совсем нет, — пробормотал он. Ромри вряд ли нашел бы значительные отличия, но с точки зрения Вооза они были разительны. Символизм столпничьей колоды казался ему чистым и элегантным; ничего общего с цветастым мистицизмом карт Карборундового Ордена. Карты столпников имели философскую, а не оккультную природу. Вооз не ожидал от них никакой таинственной помощи, как Ромри — от своих.

Он остановился, дойдя до карты под названием Вселенная. Столпничьи карты отличались от искаженных версий еще и тем, что, как бы ни знакомы изображения на них, а каждый раз кажутся новыми и свежими. Вооз отдал годы исследованию карт, но все еще продолжал выявлять ранее незаметные нюансы.

Вселенная показывала город, расположенный на острове среди волн зеленовато-голубого моря. Нарядно одетые люди сидели на балконах, пересекали улицы, поднимались и спускались по величественным башням, мелькали в бесчисленных окнах. Толкование карты было сравнительно простым (хотя в формах и количествах ее башен и вертикальных шахт таились другие, более технические идеи). Она выражала базовую идею философии столпников, представление о мире как организованном целом, а о разумных существах как о жителях, образно говоря, общего *полиса*.

Вооз вытянул еще две карты: Жрицу, комплементарную Вселенной на другом конце последовательности из двадцати одной карты, и Мощь, соединявшую обе половины в качестве срединной. Три карты составляли триаду власти. Жрица была воплощением безграничных очарования и привлекательности; улыбаясь доброжелательно и довольна, восседала она на престоле перед смотрящим. Сзади тронное возвышение обрамляли столпы, Иоаким и Вооз, а пространство между ними скрывала вуаль, сливаясь с головным убором Жрицы, похожим на апостольник. Жрица непрерывно перелистывала страницы книги, лежащей у нее на коленях. Каждый лист книги с лицевой стороны содержал миниатюру одной и той же карты — Вселенной. Обратные стороны листов пустовали. Карта Вселенной была воссоздана с точностью до мельчайших деталей — башен, переходов, граждан и едва уловимых движений последних. Вновь и вновь проявлялся город, идеально неизменный от страницы к странице, исчезая на миг при перевороте листа.

Так выражалась доктрина вечного возвращения.

Мощь, карта, через которую осуществлялось взаимодействие двух других, также была женской. Она изображала стройную женщину в развевающемся на ветру одеянии, стоящую на голом поле. Лицо ее было серьезным и благожелательным. В руках женщина держала львиные челюсти, которые каким-то образом выступали из ее промежности или, возможно, смыкались там.

Некоторые называли эту карту Природой или Силой Природы. Другие — Силой или Сохранением. Немногим за пределами общества столпников был ведом ее ис-

тинный смысл: скальная неподвижность, неумолимая непоколебимость естественных сил, абсолютно саморегулирующихся в космическом контексте, и невозможность пошатнуть или изменить их даже на йоту.

Мадриго объяснял когда-то:

— Представь себе силу, которая, будучи призвана, тут же активизирует противодействующую силу, мгновенно обнуляющую ее активность. Такая сила не демонстрировала бы никаких положительных характеристик и была бы необнаружима. Ее нельзя было бы отличить от безвидной пустоты. И тем не менее она была бы наиболее фундаментальным из всех природных взаимодействий, подстилающим все прочие. Такая сила существует в действительности. Это и вправду — самая фундаментальная из сил природы, абсолютный камень краеугольный, необнаружимый и недоступный изменению даже на мельчайшую долю...

Вооз разложил три карты треугольником. Вот Жрица: рождение Вселенной, символизируемое двумя разделенными столпами творения, и развертывание вещества из потенциальности, подобное раскрытию книги. Вот Вселенная: мировой город, всего лишь деталь на карте Жрицы. И вот, в другом углу треугольника, Мощь, связующая карта. Просветленный ум постигал из их взаимосвязи причину, по которой мир способен существовать лишь в режиме вечного повторения себя самого, ибо в противном случае не было бы ни принципа единства природы, ни сил ее...

Карты привели его в беспокойство; он встал из-за столика, за которым сидел, и начал мерять шагами узкую каюту.

Вечное возвращение, вот его груз. А разве не любого человека? Что может быть более тяжким гнетом, нежели неизбежность повторения жизни до последней мельчайшей детали?.. Но обычный человек, осознал он, не видит подлинного смысла этой концепции. Для обычных людей это не более чем уравнение из книги. Лишь философу, Воозу, располагавшему убедительным доказательством уравнения, доступно восприятие этой идеи в составе повседневных мыслей, для него она так же реальна, как был реален вчерашний день, реален сегодняшний и будет реален завтрашний.

Ромри поразился, поймав его измученный взгляд. Он уставился на кораблеводца, не в силах отвести глаз.

— Что случилось? — спросил он. — Ты что-то увидел в картах?

— Если угодно, да, — резко бросил Вооз.

— Знаешь, — поразмыслив, произнес Ромри, — наверное, это невежливо с моей стороны, но после того, как ты мне жизнь спас, меня заинтересовала *твоя* жизнь. Мне кажется, ты очень одинок.

У Вооза ответ вырвался прежде, чем он успел его осознать:

— Одиночество. Бездна, куда падаешь нескончаемо. Наверное, так.

Напор, с каким прозвучали эти слова, вынудил Ромри податься назад.

— Никто не обязан оставаться в одиночестве, — сказал он. — Я вот думаю, тебе бы стоило рассказать, что именно ты желаешь найти там, на страннике-Мейрджайне. Наверняка ведь не деньги, в отличие от нас.

Когда Вооз не ответил, Ромри вытащил из кармана колоду карборундовых карт.

— Ну что ж, может, *эти* подскажут ответ, — проговорил он и начал тасовать карты, готовясь к гаданию.

Он опасался, что Вооз вспылит и вышвырнет его на поверхность даже вопреки этике столпников, предоставив собственной судьбе. И действительно, Вооз, осерчив, выхватил карты из руки Ромри.

— Этот хлам тебе ничего не расскажет, — прохрипел он. — Твоя колода лишена подлинной глубины. Ну что ж, хорошо, я тебе расскажу, докучливый ты воришка. Но сперва тебе следует постичь, что возможно страдание, невыносимое для всех существ мира, кроме одного человека. Ты можешь поверить, что существует неизмеримое, непостижимое страдание? Тебе это не кажется мелодраматическим преувеличением? Нет, это буквальная истина. Я и есть тот человек. Я не стану тебе объяснять, как это случилось; достаточно знать, что наука, в стремлении к добру, породила величайшее зло за историю мира, и школа ментального контроля несет ответственность за агонию, сделавшую ментальный контроль невозможным. Все мои действия направлены к избежанию этой агонии. В том числе и высадка на Мейрджайн.

— Ты терзаешься так *сейчас*? — спросил Ромри.

— Это было в прошлом. — Вооз отвел безумные глаза.

— Тогда ты уже избежал страданий, — озадаченно произнес Ромри. И пожал плечами. — Если воспоминания непереносимы, ты всегда можешь их изменить.

— Нет! — Вооз снова обернулся к Ромри. Лицо его выразило дикую ярость. — Разве ты не понимаешь? Вселенная повторяет себя. Все, что было, настанет снова и снова, отныне и во веки веков. Те страдания лежат в моем будущем.

— Ну да, конечно, — пробормотал Ромри, хотя по его озадаченному выражению было ясно, что идею он находит труднодостижимой.

И вдруг негромко рассмеялся.

— Значит, тебе нужны времяпреломляющие кристаллы? Ты жаждешь путешествия во времени, да? Отправиться в прошлое и изменить то, что тогда случилось... что б то ни было.

— Проще? К чему менять прошлое? — Вооз помотал головой. — Ты меня разочаровываешь, Гар. Ты что, ни бельмеса не смыслишь в космологии? *Будущее и есть прошлое.* Ибо будущее уже настало, наступало бесчисленное число раз в прошлом. Что было, то будет, снова и снова. Ты не понимаешь, Гар? *Что было, то настанет снова, снова и снова.* Я обязан изменить будущее, отвергнуть предопределение, перевести время на новый путь.

— Проще, настоящее и будущее, — сказал Ромри, — неизменны. Время недоступно изменениям. Предопределено, как ты выразился. Мир изменяется от фазы к фазе, но следует вечному циклу. Таков закон.

— Время было недоступно изменениям *доселе*. — Вооз стукнул кулаком по столу с такой силой, что карты подлетели в воздух. — Ты ошибаешься. Никакой это не закон. Это стечение обстоятельств. Природа могла,

но не всесильна. И действительно, ее мощь может быть использована против нее.

На этом мнении зиждились все его планы. Он изучил все, что могла предложить наука по данному вопросу, все философские аргументы, и пришел к выводу, что предопределение не имеет абсолютного характера. Это простое следствие мощи природы, только и всего. Обратно говоря, Вселенная давит на события всем своим колоссальным весом, принуждая их повторяться в каждом воплощении. Если проявить достаточную силу или хитрость...

— Если бы мельчайшая деталь настоящего изменилась, — продолжил он, — изменилось бы все остальное. Мельчайшие изменения лишь накапливались бы, пока не привели бы к неопишуемым результатам. — Его голос дрожал. — Если бы где-нибудь в огромной Вселенной у маленького цветка вместо восьми лепестков стало семь! Если бы одинокий электрон поглотил на квант больше энергии или потерял на квант меньше! В этом случае следующее проявление мира не было бы идентично нынешнему, а следующее за ним — тому, что придет. Природа связи причин и следствий обеспечила бы это. И тогда, — мечтательно добавил он, — стены темницы моей рухнули бы. Я обязан отыскать возможность побега от страданий.

— Но это бы означало, — пробормотал Ромри, — что и тебя самого в следующем воплощении могло бы не существовать.

— О, с радостью, с радостью!

— И даже человечества.

— А какое это имеет значение? Возможно, и самой Вселенной больше не будет. Может, состояние небытия продлится вовеки. Или породит совершенно новую форму, где свойства самого вещества будут отличаться. Мне все равно. Меня интересует только...

Вооз прервался, сжав кулак. Он увидел понимающее выражение на лице Ромри. Вор расставил ноги так, что карты столпников, сбитые Воозом на пол ударом кулака, стали видимы.

Карты слетели на пол всей колодой, рубашками вверх. И лишь одна карта лежала отдельно, лицевой стороной вверх. Ромри нагнулся и поднял ее. Карта изображала каменную башню, в которую ударяла молния или какой-то могучий залп энергии, мгновенно раскалывая постройку. Из места раскола летела наружу головой вперед одинокая фигура.

Ромри произнес печально:

— Вот видишь, гадание все же удалось. Эта карта в общем-то загадочна. Единодушного истолкования ее нет. Некоторые зовут ее Вселенским Расколом. Если ты прав, то эта интерпретация верна.

Глядя на карту, Вооз отозвался:

— В колоде столпников она символизирует одновременные акты созидания и разрушения.

Оба замолчали.

Вооз в тысячный раз задумался, сколько в его действиях от сизифова труда. Времякристаллы сулили некоторую надежду, но сколько уже раз прежде он ставил на кон свою жизнь лишь затем, чтобы в итоге конструкция раскололась и обрушилась на место его гибели?

В каком-то смысле, вынужденно признавал он, сама суть его путешествия заключалась в безнадежности. Иррациональная смелость, невероятная грандиозность придавали смысл его существованию. Он пробивался вперед лишь потому, что иной возможности жизнь ему не предоставляла.

Ромри тем временем тоже впал в задумчивость. После этого разговора он твердо укрепился во мнении, что Иоаким Вооз полный псих.

Они ждали рассвета вместе, в молчании.

Рассвет явился сперва бледным сиянием, вытесняющим мрак, затем внезапной вспышкой. Оглядев местность через корабельные сенсоры, Вооз тут же понял, что при посадке во тьме оценил характеристики этого места неверно, однако рассудил, что корабль пока можно оставить здесь. Атмосфера, в согласии с отчетами более ранних исследователей, оказалась пригодна для дыхания, хотя в ту пору над планетой сияло иное солнце, так что опираться на отчеты следовало с осторожностью.

Вооз поспешно погрузил набор инструментов на экранопланные сани.

— Если хочешь, поедем вместе.

Ромри кивнул.

— Начнем с небольшой разведки, — продолжил Вооз. — Как ты наверняка догадался, существует предельное расстояние, на которое я могу удаляться от своего судна. На случай, если его потребуется превысить, ты можешь оказаться мне полезен.

Они спустились по эскалатору. Тумана от земли навстречу палящему желтому солнцу не поднялось. Воздух казался идеально чистым и прозрачным, пейзаж купался в солнечном свете. А такого неба, вероятно, не видел прежде никто из людей: оно было не одноцветным, но словно бы переливалось, мерцало розовыми, мальвовыми, синими полосами, простреленное каналами и контурами более ярких цветов, словно отражение поверхности планеты в космосе — возможно, так и есть, решил Вооз и подивился причудам преломляющих характеристик атмосферы.

Но более всего поразила людей собственно поверхность. Это была не почва, а покрытие, уходящее до горизонта и бесструктурное. Оно сверкало, переливалось, источало мягкий блеск. Оно имело чистейший желтый цвет. Ступив на него, Вооз вытащил из набора резак. Он быстро вырезал полость, в которой заплескали золотисто-желтые тени. Он задумчиво помял в руках вырезанный кусок. Материал оказался настолько податлив, что Воозу удалось его согнуть в местах утоншений уже при небольшой мощности интегрирующего луча.

Он протестировал металл химическим анализатором. Золото. Чистейшее золото. Равнина состояла из золота. Он пригляделся внимательней и заметил, что золотое поле покрыто разметкой из тонких, едва различимых, словно бы протравленных линий.

Ромри без особого интереса оглядел образец. Ему тоже еще не приходилось видеть столь масштабного использования золота, однако оно, как и любой другой естественный элемент, за исключением радия и техно-

ция, ценилось слишком низко, чтобы им дорожить. Все разбросанные ныне по Мейрджайну люди мечтали найти какое-нибудь другое сокровище, невероятно редкое, новое, нежданное, ограниченно доступное и чрезвычайно ценное. Времякристаллы, например.

Вооз отшвырнул кусок золота и указал Ромри направление к тому, что при посадке принял за обрывистую скалу.

Это была не скала. Это был искусственный объект. Слегка закругленный, выпирающий корпус красновато-золотистого цвета, отделанный рельефными барочными узорами рубинового, кобальтового, медного и янтарного оттенков. Двое мужчин находились слишком близко от исполинской структуры, чтобы судить о ее предназначении, и Вооз жестом показал Ромри забираться на сани. Вместе они поднялись над золотым полом примерно на милю.

Только теперь проявился намек на подлинную природу мнимой скалы. Вооз пришел к выводу, что это корабль, хотя не исключал все же и варианта с неподвижным зданием причудливых очертаний. Но что то был за корабль! Ни один космопорт эконоферы, ни одна верфь любой из цивилизаций Воозовых соплеменников нынешнего или прошлого никогда не вмещали, не строили и даже не планировали корабля хотя бы отдаленно подобного этому судну по размерам и величию. В высоту корабль имел более мили, покоился на колоссальных резных шасси, а в длину достигал примерно трех миль. Корпус его во всех местах был слегка закруглен, хотя близ центра, насколько мог судить Вооз, стены шли почти параллельно. Когда под углом к гори-

зонту поднялось солнце, свет скользнул по громаде и выявил ее несомненные роскошь и древность.

Но это было не все. До горизонта в обе стороны выстроились похожие корабли.

Парковочная зона.

— Боги, — прошептал Ромри. — Ты только глянь. Интересно, а те, кто высадился на Мейрджайне до нас, нашли это место?

— Трудно судить. Большая часть информации об их находках строго засекречена. Но изначально ее и так было немного. Они провели тут всего пару часов.

— Да, я знаю. Они вообще-то гравитационный маневр выполняли. Когда вернулись, Мейрджайн уже исчез, и с той поры его никто не видел... до сегодняшнего дня. Вот это да... — На лице Ромри мелькнула алчность. — Надо забраться в одну из этих штуквин.

— Может, позже? — нахмурился Вооз. Он смотрел в противоположном направлении. У горизонта, то есть милях в трех, располагалась структура иного рода. Она скорее напоминала миниатюрный город из пурпурных строительных блоков, с башенками и другими формами, на таком расстоянии неразличимыми. Это, конечно, мог оказаться завод или какой-то артефакт, но в сравнении с колоссальным кораблем он производил более уверенное впечатление постоянной постройки — хотя, как ни парадоксально, казался даже меньше его.

— Вероятно, сначала следует осмотреть вон то место, — указал он.

Он как раз собирался снова включить сани, когда Ромри тревожно окликнул его, тыча рукой в небо. На загадочном многоцветном фоне скользила изящная

форма, под их взглядами увеличившаяся в размерах до элегантной яхты Радальце Обсока. Вооз не снимал руки с панели управления санями. *Неутомимая* зависла было, покачалась из стороны в сторону, затем опустилась примерно за полмили.

— Что скажешь? — спросил Ромри. — Это не совпадение.

— Ну да, у них целая планета в распоряжении была.

— Если они еще там, мне это не нравится. Особенно эти, ну, ты знаешь, о ком я.

Вооз был готов в случае необходимости уничтожить упомянутых Ромри людей. Он рассудил, что рано или поздно это все равно придется сделать, так зачем тянуть. Он перевел сани в режим равномерной глissады и подлетел к portalу яхты. Но еще не успели они коснуться его, как дверь открылась сама.

На пороге появился Обсок. Они слезли с саней. Обсок часто моргал, на лице его было написано явственное беспокойство.

— О, входите, пожалуйста, входите оба, — позвал он визгливо. — Вы даже не представляете, как я рад вас видеть! Это было просто ужасно.

— Остальные с тобой? — спросил Вооз.

— Ай! — Обсок приложил руку ко лбу. — Только Нэви. И, боюсь, она умирает.

Он пригласил их внутрь, в главную гостиную. Нэви Хайрестер лежала на диване, а над ней хлопотал один из бортовых роботов, наскоро переделанный в медика. Мэйси стояла на коленях рядом с Нэви и трогала рукой ее лоб.

Больше в гостиной никого не было видно. Но Вооз заметил темные пятна на ковре — кровь.

Они с Ромри прошли к дивану. Глаза Нэви были закрыты, казалось, она без сознания. Лицо — бледное, как смерть. Одежда разорвана, робот как раз выполнял неуклюжий разрез хирургическим инструментом.

— Без толку это все, — сказала Мэйси, подняв глаза.
— Она потеряла слишком много крови, а у нас нет запасов.

— А что с ней?

— Парабичи. Гребаные девахи. У нее очень глубокие раны были. Потеряла много крови.

Вооз развернулся к Обсоку.

— Как ты нашел нас?

— О, мои роботы отследили вас. Надеюсь, вы не в обиде. Граждане, я чувствую себя совершенно разбитым. Что тут было!

— А что тут было? — спросил Ромри.

— Как только стало ясно, что барьер снят, Ларри с Братцами-Шляпниками учинили бойню. Они убивали всех подряд, без разбору. Они бы и нас убили, но роботы помогли нам укрыться. Одна из баб Ларри тоже погибла. К счастью, потом за ними прилетели их корабли, и они сбежали.

— Ты хочешь сказать, что все, кроме Нэви, мертвы?
Обсок кивнул.

— Все. О, какое горе! Форменная бойня!

— А где трупы?

— Я приказал роботам их выбросить. — Обсок потер глаза жестом глубокой усталости, облокотился на столик. — Ужасно. Что я здесь делаю? Я жизнью рискнул

— и ради чего? Ради прихоти обладания! И, однако, я сделаю это снова. Друзья, вам наверняка не понять. Вам не понять, что движет коллекционером...

— Обычное пагубное пристрастие, — отсутствующим тоном перебил Вооз. — Его предмет не важен. — Он поразмыслил. — Ты не видел больше эконосферного корабля?

— Нет. Не думаю, что он дал себе труд нас тут отслеживать.

— Кажется, она сейчас умрет, — грустно проговорила Мэйси.

Робот прервался, пощупал пульс, послушал сердце, наконец приложил к виску девушки небольшую плоскую коробочку. Потом разогнулся.

— Она умерла, хозяин, — сказал он Обсоку.

Обсок издал несколько пафосный вздох.

— Ну что ж, выброси тело наружу.

Ромри вскинулся.

— Не нравится мне идея туда трупы выбрасывать.

— Ну ладно. — Обсок жестом подозвал робота. — Положи ее в морозильник. Позднее избавишься от тела. — Робот согнулся и с явственным трудом (роботы обыкновенно были хрупкого сложения) поднял мертвую девушку на руки. Потом унес.

— Интересно, был ли у нее клон? — задумчиво произнесла Мэйси. — Если и был, то он же наверняка за световые годы отсюда. И не получит ее смертьевого сигнала.

Мужчины не обращали на нее внимания. Манеры Обсока внезапно переменились, он обратился к двум другим куда резче.

— Итак, господа, судя по вашему виду, вы провели небольшую разведку на местности. Вы, вероятно, заметили эти колоссальные корабли? С воздуха видны сотни таких! И это ведь не все. Планета словно из сказок. Невероятно, просто невероятно. Как так вышло, что раса, создавшая подобное, вымерла? Не представляю.

— Мы направлялись к той структуре, что похожа на город, — сказал Вооз. — Ты хотел внести какое-то предложение?

Обсок пожал плечами. Вид у него был неуверенный, и Вооз догадался, что тот трусит. Обсоку хотелось, чтобы двое других нашли камни вместо него.

— Вероятно, мы сможем лучше координировать свои действия при отлете, — предложил Вооз. — Вокруг планеты все еще крейсер кружит.

— А как же времякристаллы? — нетерпеливо спросил Обсок.

— Если найдем, то поделимся с тобой.

— Отлично! А если другие находки, другие камни, быть может, ранее неизвестные?..

— Мы это обсудим, — кисло ответил Ромри. — Возможно, тебе придется совершить небольшую вылазку самому. — Он развернулся к выходу. — Ну что ж, кораблеводец, идем? Мы теряем время.

Они вышли. Снаружи Вооз снова привел сани в движение и направил их к другой цели. По мере сближения с городом проявлялись черты, противоречившие первоначальной картине. С одной стороны, структура теперь казалась больше похожей на механизм, чьими компонентами могли быть блоки и трубы. С другой, пурпур рассыпался в пуантилистское смешение цветов,

блестевших подобно люрексу, но на расстоянии сливающихся в один светоносный пурпурный. Была во всем этом мрачная красота, столь интенсивная, что угрожала заглушить чувства — или Воозу так казалось. Его спутник не находил себе места, но, как полагал Вооз, скорей от мысли о несметных богатствах впереди.

Город окружала низкая стена, высотой фута три. Вооз перелетел ее, потом сбавил высоту, посадил сани и вышел оглядеться. Потрогал стену; поверхность оказалась шероховатой на ощупь, и каждая неровность была своего цвета. Он не удивился идеальной сохранности. Лишь примитивные цивилизации возводят постройки из распадающихся материалов. Остались ли после давно вымерших обитателей города источники энергии, также не подверженные распаду, это уже другой вопрос. Если да, то, не исключено, даже громоздившиеся позади корабли получится запустить.

Вооз не впервые стоял среди творений чужацкой культуры. Поиск способов изменить время заводил его во множество странных мест. Он поднял глаза и всмотрелся в то, что оказалось переплетением пилонов, змеящихся труб, блоков странных форм, фигур какой-то искаженной геометрии.

— Есть тут что-то зловещее, — произнес Ромри.

— Я понимаю, о чем ты. — Вооз выбрал место и попытался проследить направление отходящей от него среди городских башен трубы, овальной в поперечном сечении. Но вскоре потерялся.

Место это отдавало какой-то топологической странностью. Без сомнений, оно существовало в трех измерениях нормального пространства, однако напоминало

скорей модели и наброски, призванные передать впечатление о четырехмерных объектах. При этой мысли он испытал трепет возбуждения, субъективно аналогичный, надо полагать, охватившей Ромри жажде богатства.

Он оглянулся. Его корабль был как маленькая серая фигурка на фоне исполинского золотого мейрджайнца. Вооз уже отошел на мили и не мог судить, окажутся ли материалы города непроницаемыми для лучей, повлияют ли как-то на них. Он отдал безмолвную команду: *Следуй за мной*. Корабль послушно взлетел, стремительно миновал *Неутомимую*, которая, в отличие от судна Вооза, садилась горизонтально, и опустился в полумиле от них.

Ромри молча наблюдал.

— Идем, — сказал Вооз. — Если отыщем какие-нибудь двери, сможем лучше понять, что это за место.

Ромри сошел с саней, которые услужливо последовали за ними вглубь города. Вскоре он поглотил их. Небо исчезло, его цвета слились с оттенками структур, которые возносились и словно бы танцевали повсюду кругом. Вооз начинал тяготиться окружением. Он подумывал уже объявить поиски здесь бесперспективными и переместиться куда-нибудь еще, когда Ромри окликнул его:

— Эй!

Ромри нашел вход в одну из блочных построек; дверь была высотой с человека, но проход оказался чересчур узким, чтобы туда протиснулись сани. Оставив их снаружи, Вооз последовал за напарником внутрь.

Внутри царил почти непроглядный мрак. Вооз включил фонарик и осветил им путь. В яростном свете фонаря он увидел то, что показалось ему пустой палатой, кубической с закругленными углами. На противоположной стене чернело отверстие другого прохода, овального, но также достаточно просторного для человека.

Ромри взгляделся туда.

— Там туннель.

Вооз присоединился к нему, повернув безель на рукоятке фонарика и наведя луч. В туннеле ничего не было видно, поскольку уже через несколько ярдов он искривлялся и словно бы исчезал.

Вооз помедлил, напомнив себе, что тыкаться во все дырки — наверняка не лучший способ поиска сокровищ на этой загадочной планете. Было бы куда практичнее положиться на лучи корабля. Ромри предложил двинуться по туннелю, но Вооз сначала вызвал корабль и спросил, куда направляться.

Корабль ответил, но в сообщении проскочила незнакомая нотка.

Двигайся вперед.

Вооз пролез в туннель и жестом позвал Ромри следом.

Они двигались осторожно и, по впечатлению, долго. Явного смысла траектория овального коридора не имела: туннель петлял туда-сюда, понижался и повышался, изгибался под странными углами и даже, как показалось Воозу, закручивался сам в себя. Он подумал было вернуться, но в этот момент туннель вывел их в помещение, имевшее форму лодки, с низким потолком, раз-

мерами приблизительно с гостиную на яхте Радальце Обсока.

Переключив фонарик обратно в режим круговой лампы, он быстро обследовал комнату. Стены имели матово-лавандовый оттенок, а тесно посаженные ребровидные выступы следовали изгибам палаты, точно ребра жесткости парусной лодки для перемещения по воде. Почти у центра палаты находилось около полудюжины закрытых шкафчиков или ящичков. Склад?

Ромри подскочил к ним и без сопротивления сорвал крышку с первого, какой ему под руку подвернулся. На миг у Ромри перехватило дух; потом он зачерпнул из ящичка и вынул полную горсть чего-то мерцающего.

Сначала показалось, что это серебряная паутинка. Но ее нити обладали текучестью, постоянно реорганизовывались; Ромри поднес ее к свету, повертел, рассмотрел через увеличительное стекло.

— Не знаю, что это такое. В жизни ничего похожего не видел.

Вооз его не слышал. Он получил сообщение, первоначально принятое им за сигнал с корабля... но нет, в нем прозвучала та же странная, незнакомая нотка, что и несколькими минутами ранее.

Здесь, маленький Червяк, находится сокровище, которого ты ищешь.

Червяк! Имя, которое он ненавидел, имя, которого не слышал все эти годы, изначальное имя, данное ему врагами — откуда оно сейчас прозвучало? Кто с ним говорит?

Вместе с этими словами пришла инструкция. Его направляли к третьему ящичку. Переместившись туда, он

увидел, что крышка ящика прозрачна. И не только это. Потолок над ящиком тоже был прозрачен, а свет — дневной, судя по всему, — лился на содержимое.

Сквозь хрустальную крышку он увидел то, что показалось ему крупными алмазами.

Старое имя пробудило в Воозе неприятные и турбулентные ощущения. Тем не менее он принудил себя успокоиться и поднял крышку.

Камней было около сотни; они лежали на подушечке из чего-то вроде бархата. Каждый кристалл был ограничен и в диаметре достигал полутора дюймов. Вооз вынул один, повертел в руках, позволил заиграть на свету.

Ромри вдруг очутился рядом, серебряная паутинка все еще свисала с его руки.

— Что это? Это?..

Вместо ответа Вооз поднес камень к лицу и вгляделся в его глубины. Он заметил отражения на гранях, крохотные сценки. Поднес еще ближе, словно в линзу глядя.

И увидел себя с Ромри на санях над желтой равниной, летящих к городу, снижающихся...

Сцена из недавнего прошлого.

Он понял, почему у этого ящика прозрачная крышка и зачем на нее проливается свет снаружи. Времякристаллы преломляли свет во времени. Из прошлого в будущее. Панель в потолке над головой закрывала световод.

Но сцену из недавнего прошлого можно объяснить и без времяпереноса. Он повернул кристалл другой гранью. И снова увидел самого себя.

Ромри он тоже увидел, но с Ромри что-то было не так. Ромри стоял недвижим, подобно статуе, глядя в пространство застывшим взглядом. Сам Вооз, казалось, был в этой сценке чем-то обеспокоен. Он склонился, внимательно пригляделся к Ромри, вытянул руку коснуться его...

Картинка поблекла.

Предупреждение?

— Что ты увидел? — спросил Ромри. Полез в ящик мимо локтя Вооза и вытащил оттуда другой камень; сфокусировал на нем взгляд, как делал Вооз. Какое-то время двое стояли, захваченные калейдоскопом крошечных картинок.

Странно было, что такие маленькие и, вероятно, случайным образом отраженные внутри камней образы кажутся столь четкими. Сами камни были чистой воды, кроме едва заметных вспышек и искорок — а эти сполохи по мере вращения кристалла разрастались, неожиданно фокусируя глаз на сценах, но через несколько секунд те исчезали без следа.

Если сполохи приходили из прошлого и будущего, их диапазон явно был колоссален; Вооз почему-то ожидал, что кристаллы захватят считанные часы или даже минуты, а может, секунды или доли секунды. Но он мельком увидел идеально четкий ландшафтик с желтым солнцем и деревьями вроде пальм на пыльной земле, под шелестящими кронами которых двигались группы цветкообразных созданий... А вот взлетает один из тех золотых кораблей. Аппарат заложил дугу над фантастическим ландшафтом Мейрджайна, затем

взмыл вверх и исчез в небе, которое оказалось синим, а не пятнистым.

Вооз взял из ящика другой камень и стал изучать его. Он жадно искал свидетельств временипереноса. Но как ни увлекательны были сценки, камни друг от друга ничем вроде бы не отличались.

— Ну давай, заберем их, — нетерпеливо воскликнул Ромри. Они выгребли кристаллы из ящика и набили ими кисеты. Потом Ромри переместился к другим ящикам.

Вооз остался стоять, где был. Он задержал на ладони последний камень и всмотрелся в его глубины. Он поворачивал кристалл из стороны в сторону, очень медленно, пока не сфокусировался на сценке.

Он впервые наблюдал происходящее внутри самой палаты. Туда вносили и расставляли в ряд шесть ящиков — точно так, как нашли их Вооз с Ромри. Работу выполняли гуманоиды, существа с оливковой кожей, полностью обнаженные, если не считать серебряных поясов на талиях. Однако тут же впечатление сходства с людьми исчезло: головы созданий были совершенно нечеловеческие, напоминая скорей головы ибисов Древнего Египта.

Вооз изумился: на карте столпников, обозначавшей Царство Звездное, также фигурировал ибис. Но он счел это простым совпадением.

Он попытался удержать сценку в фокусе, но пальцы так задрожали, что ему это не удалось.

Он опустил кристалл в мешочек.

Он испугался. Он не понимал, кому или чему обязан полученной недавно информацией. Ему показалось,

что это был внутренний голос (а может, корабль отчего-то вздумал над ним так скверно подшутить?); он хотел бы задержаться здесь и провести дальнейшие исследования, но побуждение стремглав убежать с найденными сокровищами нарастало.

Затем случилось нечто ужасное, но вместе с тем — такое неожиданное и поразительное, что парадоксальным образом не вызвало почти никакого ужаса. Его выдернули из палаты. Он почувствовал, как его берут и *передвигают*, словно пешку на шахматной доске. Его понесло в извилистом туннеле, *по-прежнему озаренном сиянием его собственного фонаря*. Смешались места, мысли, слова и ощущения, закружилась голова.

Он стоял в гостиной яхты Обсока.

— Вероятно, мы сможем лучше координировать свои действия при отлете, — говорил он нетерпеливому коллекционеру. — Вокруг планеты все еще крейсер кружит.

— А как же времякристаллы?

— Если найдем, то поделимся с тобой.

— Отлично! — Глаза Обсока сверкнули. — А если другие находки...

И снова пешку передвинули с клетки на клетку. Вооза подхватило и понесло по доске. Замелькали золотисто-желтые клетки. Калейдоскоп впечатлений, словно со скоростью стократ выше нормальной прокручивалась видеозапись. Палата сокровищ. Пурпурные кварталы. Слова, ощущения. Замелькали золотисто-желтые клетки.

Он стоял в гостиной яхты Обсока. Он говорил с одним из бортовых роботов.

— Улетай и выходи на круговую полярную орбиту так, чтобы над северным магнитным полюсом твоя скорость оставалась постоянной. Передавай широкополосный сигнал капитуляции правительственному крейсеру. Если повезет, тебя перехватят, а не собьют, и ты сможешь передать своего хозяина и его друзей врачам.

Робот склонил голову в знак понимания. Вооз развернулся уйти, и тут его опять подхватили и переместили даже стремительней прежнего. Он стоял в палате сокровищ. Ромри набил полные карманы и вытряхивал сумку, которую тоже намеревался наполнить добычей.

— Да, здесь они хранили свои драгоценности, все так и есть. Но все камни, все металлы — если это металлы — мне абсолютно незнакомы. Давай, забирай свою долю.

— Пошли.

— Что-о?

Вооз обезумел от восторга.

— Я знал, что это правда, — прошептал он. Он уже догадался, что странствовал во времени: сначала в прошлое, затем в будущее, а теперь назад в настоящее. — Ответ здесь.

Но при мысли о силе, что похищала его, он ужаснулся, представив себе, как оказывается вне зоны покрытия корабельных лучей. Тогда ему придет конец — он погибнет в агонии, ради избавления от которой все это и затеял.

— Я возвращаюсь на корабль, — произнес он. — А ты поступай как знаешь.

— Ну ладно. Но давай хоть парочку этих ящиков на сани перетащим.

— Я возвращаюсь сейчас же. — Вооз развернулся и начал возвращаться по туннелю. Следуя его прихотливым изгибам, он в конце концов выбрался наружу, а обернувшись, обнаружил, что Ромри отстал недалеко.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Ромри. — Все ж так удачно шло.

Вооз проигнорировал его и двинулся вдоль загадочных, напрягавших зрение кварталов комплекса. Саням велел следовать за ним. Им всецело овладела догадка, которую он должен был бы поймать раньше, не отупей так.

Путешествие сперва казалось ему ирреальным, и логические способности, точно во сне, отключились. Но теперь логика вернулась, а с ней единственный, ослепительно ясный вывод.

Мейрджайн — отнюдь не необитаемый мир. Его бросили в собственное прошлое, затем в будущее (не было времени задуматься над инструкциями бортовому роботу и тем, что в будущем могли они значить). А следовательно, существа, обитавшие здесь, овладели секретом путешествий во времени, и были то, наверное, те самые ибисоголовые, которых он углядел в глубине времякристалла.

Если, конечно, это не какая-то машина случайно активировалась. Да, это возможно, однако маловероятно.

Ромри с Воозом обогнули стену и оказались у выхода из комплекса. Они увидели, что кладоискательских кораблей на равнине прибавилось: чуть ближе судна самого Вооза припарковался третий. Аппарат был похож на *Неутомимую* в том отношении, что садился го-

ризонтально, однако уступал ей размерами и изяществом.

— Не нравится мне это, — пробормотал Ромри. — Это ж корабль Братцев-Шляпников.

Не успел он договорить, как возникли два брата, узнаваемые по темным одеяниям и широкополым шляпам. Ромри встал рядом с Воозом.

— Они, наверное, проследили за Обсоком, — сказал он. — Думают, тот все знает про времякристаллы.

— Идиоты, — проворчал Вооз. — Кристаллов на всей планете хватает. Как иначе бы мы обнаружили их с такой легкостью?

Ромри скривился в нервической усмешке и вынул из кармана колоду карт.

— Ты слишком скептичен, кораблеводец. Это карты привели нас к ним. Карты создают события, помнишь? Я же тебе говорил, что они эффективны.

— Ты разве не знаешь, что в эконофере колдовство запрещено? — кисло отозвался Вооз. — Ладно, не обижайся. Я разберусь со Шляпниками. Держись меня.

Он собирался было переместиться к *Неутомимой*. Но не успел и шага сделать, как накатило что-то вроде резкого сокрушительного удара; он задохнулся и чуть не упал. словно бы тень гигантской ноги опустилась на него, угрожая придавить всем весом и размазать, как насекомое. Удар не был физическим, но ментальным, и пришелся в его разум.

Он издал прерывистый крик. Корабль тут же поспешил ему на подмогу. Он почувствовал, как начинает работу интегративная машинерия, как тянется к нему и пытается определить источник угрозы. Ему на миг по-

мерещилось, что его вморозило в ледяную глыбу. Затем — титаническая борьба, непереносимая натуга, по всему телу. Тотальная война, сопровождаемая, к его изумлению, фрагментарными комментариями вполголоса:

Необходимы особые меры... Полное сопротивление... Радиус-векторы атаки в отрицательном измерении...

Он слышал, как говорит сам с собою корабль, пытаясь его спасти. Никогда еще не бывало с ним *ничего* подобного! Голоса вступали один за другим, пререкались, совещались, выносили решения — и все это, как он понял, в мгновение ока. Затем корабль, словно обессилев, посоветовал:

Сдавайся, если хочешь.

Вооза охватил ужас.

— *Нет!* — заорал он. Он сердцем чуял, что стоит сдаться, как придет конец всему. Он ощутил, как снова собирает силы корабль. Он еще раз покачнулся, на миг забыв, где находится, и вдруг замер неподвижно.

Атака миновала, если не считать внутреннего давления — признака повышенной бдительности корабля.

А что изменилось?

Изменился Ромри. Кладоискатель стоял недвижимый, подобный статуе. Глаза глядели в пустоту. Вооз провел рукой перед его лицом. Ничего.

Коснулся щеки Ромри. Плоть была твердой и гладкой, словно камень.

Ради проверки пихнул скально-неподвижное тело, потом толкнул сильнее. Ромри опрокинулся, с глухим

стуком ударившись о золотой пол. В его теле не шелхнулся даже палец.

Что бы ни атаковало Вооза и потерпело неудачу в противостоянии с кораблем, на Ромри оно напало тоже. Вооз позволил себе оглянуться на три корабля, припаркованные среди золотой, залитой солнцем равнины. Братцы-Шляпники стояли, глядя друг на друга, или, во всяком случае, так казалось. Они были совершенно неподвижны.

Посмотрев на *Неутомимую*, Вооз сформулировал вопрос.

То же самое, ответил корабль с готовностью, говорившей о том, что он уже проверил яхту по собственной инициативе. И показал краткое cameo Обсока с Мэйси, которые так же неподвижно сидели друг подле друга.

Вооз принял быстрое решение. Он решил перетасовать оцепеневших Ромри, Обсока и Мэйси на борт своего корабля и тут же сняться с планеты, в надежде проскользнуть мимо эконосферного крейсера. В спешке он совсем позабыл о будущих словах, адресованных роботу на яхте. Когда вспомнил, было уже поздно, поскольку игра в шахматы возобновилась. Вооз опять стал пешкой в чужой игре. Опять его затянуло в головокружительную последовательность впечатлений, слишком быстрых, чтобы там что-то уловить; смешение цветов, образов и звуков.

Но в каком смысле его передвигали сейчас? Вроде бы не просто во времени, а может, и вообще не во времени. Спустя считанные секунды пала тьма. Его понесло по темному туннелю. Потом он остался стоять во мраке, медленно вытесняемом желтым сиянием.

Тьма исчезла, и он увидел, что находится в палате с куполообразным потолком. Его окружали пятеро или шестеро ибисоглавых чужаков, которых он видел в кристалле. Они спокойно взирали на него глазками-бусинками, клювообразные лица блестели. В среднем они были чуть ниже человеческого роста, тела — тонкие, гладкие, мускулистые, с оливковой кожей, молодые, точно тела девочек, ибо, как он отметил, никаких признаков мужских гениталий у чужаков не было. Серебряные пояса на талиях — единственный элемент их убранства — показались Воозу при близком рассмотрении непрестанно движущимися, словно они состояли из текучей ртути.

Несмотря на то, что с ним приключилось, он не слишком испугался. Наверное, привык. Он несколько раз уже встречал разумных инопланетян, и те в целом склонны были относиться к нему терпимее, чем незнакомцы-соплеменники.

Зато он почувствовал непреодолимый трепет. Эти существа умели манипулировать временем, для них оно было все равно что новое пространственное измерение. Иными словами, они создания *четырёхмерные*.

Рядом с обычными существами вроде Вооза, вынужденными, как черви, ползти от одного мига к другому, они почти боги. А и правда, не боги ли они? Разве не с головой ибиса, вспомнил он, содрогнувшись внутренно, изображался древний бог Тот, который, как говорят, показал человечеству колоду карт столпников и обучил ее толковать давным-давно, еще в дотехническую эру?

Вооз как-то спросил Мадриго, существуют ли боги. Мадриго ответил:

— Возможно; по этому вопросу согласия нет. Но если да, то они — существа преходящие и ограниченные, как и мы. Более развитые интеллектуально, более могущественные, и сознание их, в принципе, может воспринимать материю иначе, но это и всё. Не стоит, — добавил он, — никого бояться.

— Они не бессмертны? — спросил Вооз.

— Все существа бессмертны, — напомнил Мадриго, — но, как и мы, боги обязаны прожить свой срок и умереть.

Существо, стоящее лицом к Воозу, сделало загадочный жест, коснувшись пальцем приплюснутого лба. Продолжая плавное, текучее движение, чужак развернулся и показал открытой ладонью на изогнутую стену позади. После этого развернулась вся группа, двинулась налево от Вооза и покинула помещение.

Через какую дверь, Вооз не заметил. Но перед ним, там, где еще мгновением ранее была безликая стена, теперь образовался арочный проход. Пурпурная ткань реяла поперек него, слабо колыхалась, точно на ветру. Он подошел к ней, коснулся ткани — но это была не ткань. Осталось лишь ощущение чего-то шелковистого или, может, теплого масла на коже, а рука прошла насквозь.

Он смело устремился внутрь через экран и замер. Он попал в круглую палату, вроде первой, но меньше. Стены и выпуклый потолок были той же текстуры, что и в городе — Вооз сообразил, что это, верно, и в самом деле часть таинственного комплекса. Мебели в палате, однако, было больше, хотя о предназначении трех или

четырёх объектов на полу, похожих на застекленные шкафчики, он мог лишь догадываться.

На возвышении с подушками в центре комнаты восседал, скрестив ноги, еще один ибисоглавец. На первый взгляд — неотличимый от предыдущих. Но почему-то, созерцая его, Вооз исполнился трепета перед невероятной древностью и колоссальным опытом существа. Более того, встретившись взглядом с бесстрастными глазками-бусинками, он словно бы стал лужей, куда кто-то пренебрежительно опускает палец, и до самых тайных уголков его личности раскатилась по этой луже рябь, прежде чем отразиться. Сомнений не могло быть: чужак изучал его разум.

— Войди же, маленький Червяк.

Снова прозвучало ненавистное ему имя, не последняя среди причин его мытарств по тущобам Корсара.

Голос казался звучным, властным, человеческим. И мужским. Немного странно было его тут услышать. Еще удивительней — осознать, что говорит этим голосом существо, чей изогнутый трубкообразный клюв явно не приспособлен к человеческой речи, да и голова создания не шевелится. Голос исходил из пустоты.

Вопреки иррациональной тревоге при отсылке к его детству Вооз почувствовал нарастающее возбуждение. Его принимают обитатели Мейрджайна, боги времени, как он уже привык их про себя называть! Он может задавать вопросы! Он так близок к ответам, которых жаждет!

— Итак, — начал он, — вы знаете наш язык?

— Или сделали так, чтоб ты научился понимать наш. Какая разница? Ближе подойди, Червяк. Не топчись там под дверью.

— Меня зовут Иоаким Вооз, — огрызнулся Вооз. Но повиновался, приблизившись. Голос хмыкнул.

— Агрессивная напористость в самозащите, как обычно для вашего вида. Отлично. Иоаким Вооз, если хочешь.

— А как мне называть тебя? — спросил Вооз.

— Я — это я. У меня нет нужды в имени. Тебе этот ответ ничего не напоминает?

— Нет.

— А должен бы. Сходным образом ответил ты однажды, будучи спрошен об имени твоего корабля.

— Но мы — не корабли.

— А *ты*? На что ты годен без своего корабля?

Существо, несомненно, знало о нем все. Ментальная оголенность рождала дискомфорт.

— У меня есть вопросы, — сказал Вооз. — Но ты уже знаешь, какие.

— У тебя есть вопросы. Но молчаливый дискурс неприемлем. Разум испытывает потребность в самовыражении.

Вооз подавил усмешку. Реплика была вполне достойна Мадриго. При этой мысли Вооз опустил руку в карман и выудил оттуда колоду столпничьих карт. Умело перебрал ее, пока не дошел до Царства Звездного, изображавшего обнаженную женщину, которая поливала землю из двух кувшинов. За ее спиной с вечнозеленого дерева поднимался в воздух ибис.

Он протянул карту существу с Мейрджайна и показал на ней ибиса.

— Во-первых, — увлеченно начал он, — не вступали ваш вид в контакт с нашим давным-давно? Этой картинке много веков. Заметь, какая у птицы голова. Она символизирует бога всех наук. Возможно, это *вы* обучили нас началам...

Голос его оборвался. Ибисоглавец наклонился вперед и изучил карту.

— Да, сходство несомненное, — подтвердил голос. — Но это ничего не значит. Это просто конвергентная эволюция, порождаемая способом питания. Общий контур моей головы — распространенная форма, да и вашей тоже. Что же до того, не мог ли кто-либо из моих коллег посещать ваши планеты давным-давно — понятия не имею. Ты видел те огромные корабли снаружи? Ими пользовались в основном для полетов в другие галактики. Но уже давно забросили.

Вооз медленно убрал карты. Он позабыл про Ромри и других. В его мозгу повис главный вопрос, который ему было страшно озвучить.

Он стоял молча, чувствуя себя тупицей. Синтетический голос ибисоглавца заговорил опять:

— Да, я могу тебе помочь, Иоаким Вооз. Но сомневаюсь, что ты этого действительно захочешь, маленький Червяк.

— Ты знаешь, как я этого хочу! — вскричал Вооз. — Это все, чего я хочу. Вы победили время! Вы можете мне рассказать, как...

Он осекся, осознав, в каком свете себя выставляет, и поняв, что теперь беспомощен. С какой стати этим су-

ществам ему помогать? Какое им дело до его безумной затеи? А утаить ее теперь никак не получится.

— Да? — переспросил голос. — Ты хотел сказать — не могу ли я тебе поведать о том, как изменить время? В этом смысле я тебя лишь разочарую, Иоаким Вооз. Мы не умеем изменять ход времени, будь то прошлого, настоящего или будущего. Время неумолимо.

— Но я это *испытал*!

— Правда? А подумай как следует. Все, что я сделал с тобой, так это переместил твое сознание вдоль твоей же времялинии. Я могу погрузить тебя в прошлое и не очень далеко — лишь недалеко — унести в будущее. Таким же образом, как преломляем мы свет во времени этими кристаллами. Да, прошлое и будущее доступны познанию. Но изменить их — невозможно. Тебе это кажется парадоксом? Нет. Я объясню. Как ты верно догадался, мы суть четырехмерные создания. Но лишь в определенном смысле. Мы научились делать то, что я сделал с тобой — перемещаться взад-вперед по времялиниям, хотя в будущее — лишь недалеко. Однако, к примеру, перенос тебя в это здание не требовал никакого вмешательства в ход времени. Мы просто поместили тебя в переместительный вихрь; это наш обычный способ странствий по планете.

— Ты мог бы подумать, что предзнание дает нам шанс контролировать будущее и вмешиваться в его ход — но нет. Что бы ни случится в моем будущем, все это суть плоды предзнания. Будущее нельзя изменить. Наша способность к путешествию во времени сама по себе элемент мотива космического предопределения.

Вооз уставился на ибисоголового чужака, и его охватила знакомая тягостная безнадежность.

— А какой прок вам от такой способности? — спросил он.

— Она добавляет к жизни новое измерение, как ты сам можешь оценить. Возвратиться в прошлое эффективней, нежели вспомнить, поскольку воспоминания, как правило, ненадежны. Испытать будущее также эффективней, нежели спрогнозировать его.

— У вас имеется какое-нибудь оборудование для ментальной проекции во время?

— Она достигается ментальными тренировками. Машин для этого у нас нет.

— А вы меня ей научите?

— Ты не сумеешь обучиться. У тебя мозг не так устроен.

Вооз подумал, что в этом могут подсобить правильные адпланты или кремниевые кости. Но если только что услышанное отвечает истине, толку с них будет мало. Времякристаллы в кармане, впрочем, казались ему более обнадеживающими. Что бы ни твердил ибисоглавец, а существование кристаллов *доказывало* возможность манипуляции временем физическими средствами.

— В таком случае я вынужден поблагодарить тебя за предоставленную информацию и попросить разрешения удалиться.

— Нет, ты еще не уйдешь, Иоаким Вооз. Я должен тебе кое о чем еще поведать.

Ибисоглавец шевельнулся. Голова его повернулась, словно чужак покосился на стену, и Вооз мельком уви-

дел странное лицо в профиль; совсем как египетская птица на карте столпников.

— Позволь мне открыть, что привело сюда и тебя, и всех, кто сел на планету за последние несколько часов. Видишь ли, я очень стар. Моя раса давным-давно научилась обуздывать процессы старения. Тело мое умрет только в случае, если случайный и невосстановимый ущерб, накапливающийся на клеточном уровне, превзойдет смертельное значение — разумеется, когда-нибудь это случится. Прожив так долго, начинаешь обзаводиться особыми привычками, просто чтобы не скучать. Моя область интересов — ксенопсихология. Наша беспокойная планета блуждает по Галактике, а я занимаюсь изучением ментальных характеристик различных видов, с которыми мы вступаем в контакт время от времени. Это, следует отметить, мое личное увлечение. У друзей и коллег моих (с некоторыми ты только что повстречался) свои интересы...

— Но вернемся к делу, Иоаким Вооз. Мы уже некоторое время странствуем в этом звездном скоплении — достаточно долго, чтобы я обратил внимание на особое психологическое качество вашего вида. Я называю эту странную черту *навязчивой одержимостью*. Никогда еще не встречал я расы, разумы представителей которой столь склонны подчиняться желанию или идее. Я испытываю к вам значительный интерес.

— И я решил собрать несколько представительных экземпляров для исследований. Обычные образцы мне без надобности; я желал получить тех, в ком сильно навязчивое стремление. Я устроил *мухоловку*. Ты знаешь, что такое мухоловка? На ваших мирах водятся непри-

ятные насекомые, и вы устраиваете ловушку для них — с чем-нибудь липким и сладким. Сладкий аромат привлекает их, а липкое вещество не дает улететь. Мухи не могут устоять перед соблазном и обречены угодить в ловушку. Видишь, маленькая муха, как я поймал вас всех? Вы все так или иначе одержимы — жаждой наживы, жаждой обладания, иными, более интересными пристрастиями... и странствующая планета Мейрджайн стала непреодолимой приманкой для всех вас! Эта уловка, кстати, удобна для очистки вашего общества от нежелательных индивидов — понимаешь ли, среди разумных видов преступность явление необычное. Мои личные мотивы, однако, не сводятся к альтруизму. Теперь у меня есть достаточное количество образцов приемлемого качества для исследований.

— Значит, эти люди... до сих пор живы?

— Живы и в полном сознании. Но сознание работает в непривычном для них режиме. Что еще вы делаете с мухами? Бьете мухобойкой. Так поступил я с теми, кто прилетел сюда искать смерти. Я остановил их сознание в моменте времени. Они живут ныне безвременно, переживают единственное мгновение, продумывают последнюю мысль, испытывают последнее чувство, видят то, что произошло в этот последний миг. Вашему племени такой режим работы сознания может показаться странным. Я же, разумеется, использую его лишь для удобства хранения.

— А почему их тела такие жесткие?

— Их тела продолжают существовать, хотя сознание заперто в прошлом. Они жесткие, поскольку электриче-

ские силы межмолекулярного взаимодействия теперь неспособны к изменению.

— Но со мной не сработало, ведь так?

— Нет. Твой корабль спас тебя. Это примечательное явление. И ты, ты сам — наиболее интересный образец, Иоаким Вооз. Вот почему я тебя сюда привел. Разумы остальных, в сущности, одержимы ничтожными проблемами. Но ты! Ты поставил себе задачей изменить само время, отменить существование всей Вселенной, если потребуется. Мыслима ли более грандиозная одержимость? Ты вознамерился сразиться с Геркулесом, сделать подножку Атланту, пересилить Мать Кали, вызвать на поединок Иисуса, совладать с Йалдаваофом...

Среди этих смутно знакомых имен лишь Атлант и Геркулес что-то говорили Воозу. То были древние, грубые версии образа силы природы у столпников.

— Подозреваю, — кисло проговорил Вооз, — ты собираешься заявить, что это невозможно.

— А могло ли оно в принципе стать возможным? В конце концов, бактерия способна сразить человека. Однако для этого ей требуется неограниченно умножиться, а Иоаким Вооз только один. К тому же между бактерией и человеком почти нет разницы, если сравнивать со всею природой. И вот еще что ты должен понять, Иоаким Вооз. Даже боги, о которых я упомянул, бессильны что-либо изменить. Они бессильны, потому что их нет. Существует лишь сила природы и, в качестве последнего прибежища, непроявленное состояние сознания в промежутках между проявлениями мира. Однако даже это надличностное сознание не может ни-

чего изменить или просто решиться что-нибудь изменить. Реальный мир время от времени становится латентным, а в целом неизменен. Как видишь, в безумии своем взыскуешь ты абсолютно невозможного.

— И тем не менее, Иоаким Вооз, путь к исполнению твоего желания есть.

Узкий изогнутый клюв, почти неподвижный в продолжение всей беседы, накренился, будто в раздумьях. Вооз обнаружил, что лишился дара речи от нарастающего внутри напряжения. И спустя время ибисоголовый чужак заговорил:

— Представь себе следующую ситуацию. Ты идешь по улице в одном из ваших городов. Улица разветвляется, от нее отходят дороги как влево, так и вправо. Оба маршрута приведут тебя на космодром, где припаркован твой корабль. Оба пути отнимут примерно одинаковое время. Всегда в этот момент, в течение всей вечности, ты выбираешь левый маршрут. *А можешь ли ты вместо этого повернуть направо?*

— Совершается только необходимое, — признал Вооз. — Я это знаю.

— Но разве ты никогда не пробовал заставить себя хоть в самой малости *совершить нечто новое?*

— Конечно! — воскликнул Вооз, знакомый с этим тщетным и неприятным упражнением. По его лицу проскочила недовольная гримаса. — Нельзя же знать наперед! Никто не может запомнить свои будущие действия!

— Это так. Ты не в состоянии вспомнить, как жил прежде. Ты не знаешь, что должно случиться. А что не можешь вспомнить, не в состоянии изменить. Возмож-

но, тебе легче было бы что-то изменить, если бы ты помнил; кто знает? Но ты не можешь, а раз не можешь, то обращаешься к науке, к механическим устройствам, которые бы изменили для тебя ход времени. Так ты ничего не добьешься, Иоаким Вооз. Никакому неодушевленному прибору не по силам это для тебя сделать. *Ты обязан сделать это сам.* Ты — таким, каков ты есть — не сможешь. Надличностное сознание, стерегущее в ночи мира, также не сможет. Если это вообще возможно, то совершить его в состоянии лишь новая форма сознания, личная, обитающая в живом существе, и вместе с тем *наделенная памятью.* Такое сознание будет более интенсивным, нежели абстрактное сознание, из коего изначально произошел мир. Оно сможет действовать иначе.

— Ладно, это все очень хорошо, — проворчал Вооз, обдумывая услышанное. — Но у меня нет этого твоего нового сознания. И хотя я прошел ментальную подготовку, я никогда о нем прежде не слышал.

— Конечно, нет. Существовай оно, мир бы не повторялся от фазы к фазе с такой идеальной точностью. Но ты *можешь* его обрести, Иоаким Вооз... если ты достаточно смел.

— Я достаточно смел, — без колебаний ответил Вооз. — Расскажи мне, как.

— Правда? Посмотрим. Лишь богу по силам изменить Вселенную, и ты фактически спрашиваешь, как стать богом, первым за всю историю, поскольку доселе богов не существовало. Ну что ж, очень хорошо. Я тебе расскажу. Чтобы стать богом, ты должен будешь вынести невыносимое. А что тебя впервые подтолкнуло к

этой экстраординарной идее? Трансцендентная боль! Она распахнула дверь новой идее, новому видению. Фактически это событие не было предусмотрено природой. Никогда. Все эти зоны пребывало оно мимолетной, но неощутимой прорехой в брони природы, не-большим недостатком, которым, вероятно, допустимо воспользоваться, дабы свергнуть ее. Но опыт сей тебя сломил, Иоаким Вооз. Ты не сумел его перенести; человеческое сознание недостаточно сильно.

— И тем не менее ты обязан с ним справиться. Лишь испытав подобное, подчинив его себе и перенеся без потери контроля, человеческий разум способен превзойти себя. И если превзойдет себя, то превзойдет и природу. Истинно говорю тебе, Иоаким Вооз, событие это могло стать уникальным, беспрецедентным космическим явлением. Тебя бы катапультировало в новый порядок вещей. *Ты бы вспомнил*, Иоаким Вооз. *Ты бы вспомнил*, и, вспоминая, изменил бы то, что вспоминаешь. Мир вокруг тебя превратился бы в подвластную тебе машину.

Вооз кивнул, задумавшись, что бы на это сказал Мадриго.

Но вести для него добрыми не были.

— Ты утверждаешь, что я должен терпеливо дожидаться следующей манифестации мироздания — а затем попытаться встретить свою беду с иным настроением. Твое предложение смехотворно.

— Я не это предлагаю, Иоаким Вооз. Нет нужды ждать. С моей помощью ты можешь это сделать сейчас. Я могу вернуть тебя к тому ужасному происшествию. *Я могу отшвырнуть твое сознание во времени*

вспять, чтобы ты снова его пережил. Но на сей раз тебе придется к нему подготовиться.

Клюв ибиса выжидательно приподнялся.

— Итак?

Черные глазки блеснули.

Когда до Вооза дошел шокирующий смысл предложения чужака, его словно с размаху в живот пнули. Он вздрогнул и пошатнулся, объятый ужасом.

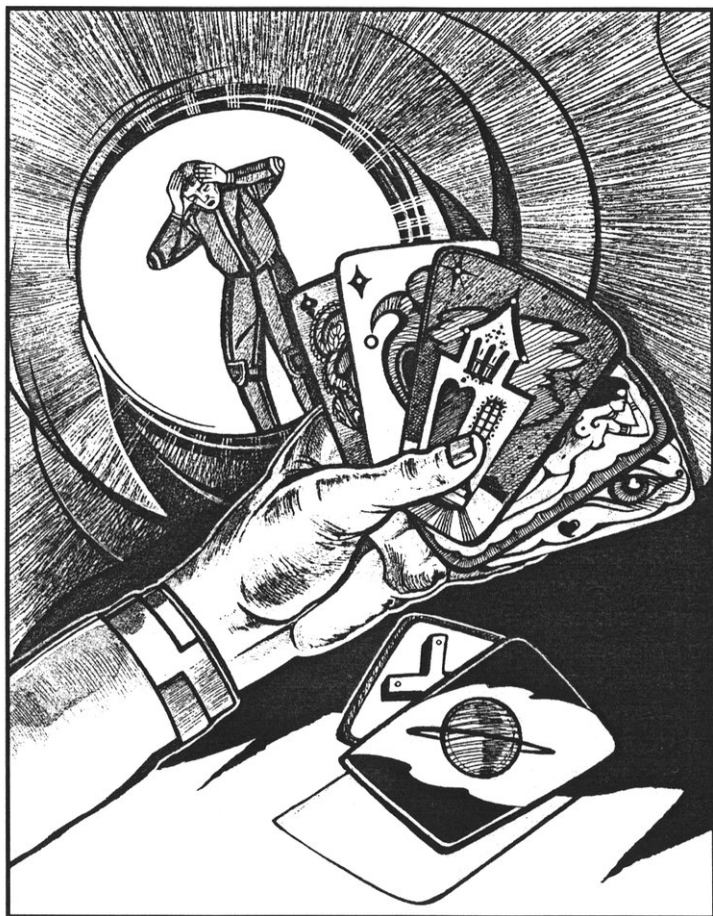
— Нет. Ты же не можешь... ты же не вправе ожидать моего согласия на...

— Ты боишься. Это естественно. И тем не менее ты знаешь, что так или иначе это свершится снова, неведомое число раз по мере поворотов колеса. Вот твой шанс встретить его со знанием. Успех, разумеется, лишь возможен, а не гарантирован. Ты можешь восторжествовать или же скатиться в безвозвратное сумасшествие. Но чтобы стать богом, нужно обрести божественную решимость.

Вооза всколыхнула иррациональная ненависть к ибисоголовому существу, а с нею явилась неконтролируемая паника. Он испугался, что чужак может исполнить свой план без его позволения. Задыхаясь, он отыскал слова:

— Тогда ясно, что твои знания не всеобъемлющи. Ты воображаешь, будто я — или кто другой — в состоянии перенести *это*. Такой способ неприемлем. Должен быть другой путь.

— Другого пути нет. Ты ничего не добьешься, если не подчинишь свой страх. Ибо страх управляет тобой, маленький Червяк. Страх понукает тебя ко всему. Но мои слова не имеют никакого значения. Ты и дальше

будешь уговаривать себя, что чуда можно достичь исключительно вещественными средствами. Я знал наперед, что так случится. Задумайся, сколько раз уже тебе предлагали ту единственную возможность, для которой у тебя духу не хватает.

— Как ты смеешь мне... — Вооз всхлипывал. — Ты не страдал так, как я.

— Червяк может сделаться богом. Но червяк не может стать богом в сердце. Ступай же, маленький Червяк, и живи бесполезной жизнью. Я закончил тебя изучать.

Вооз пришел в ярость. В тот миг он не понимал, чего хочет: атаковать ибисоглавца или обратиться в бегство через ширму позади. В любом случае, перед ним из воздуха внезапно возникла черная воронка. Он опять почувствовал, как его передвигают, переносят через множество головокружительных сцен.

И снова неподвижность. Он стоял на золотой равнине, купавшейся в лучах желтого солнца. Шляпники стояли у своего судна, крохотного на фоне огромных величественных чужих кораблей. Чуть дальше — чужой корабль самого Вооза и *Неутомимая* за ним.

Сколько свободы отпущено ему ибисоглавцем? Он покачал головой, пытаясь стряхнуть тошнотворное чувство провала на ключевом испытании. Стряхнуть омерзение и презрение к любому, будь то человек или чужак, кто осмелится предложить ему испытание, которого он наверняка не перенесет.

У него остались времякристаллы. У него осталась почерпнутая из разговора с ибисоглавцем убежденность, что погоня не *полностью* безнадежна, хотя на-

сколько квалифицированным может считаться это суждение, вопрос отдельный. Можно двигаться дальше.

Теперь пора продумать, как убраться с Мейрджайна, не напоровшись на правительственный крейсер. Помедлив лишь мгновение, он погрузил истукана-Ромри на сани и двинулся к *Неутомимой*.

Пролетая мимо Братцев-Шляпников, он поддался искушению и сбавил ход. Те невидяще взирали друг на друга. Темпоральная атака застала их в таком положении, и последний обмен взглядами сделался безвременным.

На яхте роботы Обсока приветствовали его и тут же принялись выражать озабоченность состоянием Обсока с Мэйси, которых не удается-де разбудить. Вооз пролетел на санях в гостиную и быстро оглядел пару.

Он обратился к одному из бортовых роботов.

— Улетай и выходи на круговую полярную орбиту так, чтобы над северным магнитным полюсом твоя скорость оставалась постоянной. Передавай широкополосный сигнал капитуляции правительственному крейсеру. Если повезет, тебя перехватят, а не собьют, и ты сможешь передать своего хозяина и его друзей врачам.

Робот склонил голову в знак понимания. Вооз развернулся уйти, но остановился. Он уже спас Мэйси от саморазрушения. Однако у него перед нею остается этическая обязанность.

Он полагал, что после отлета с Мейрджайна эффект темпоральной заморозки окажется непродолжительным или излечимым. Но будущая жизнь с Обсоком наверняка приведет Мэйси в то же психологическое состояние, что и раньше.

— Перенесите девушку на мои сани, — приказал он роботам. Покинул яхту с Мэйси на буксире и спустя несколько минут оказался на борту своего судна. Пронаблюдав, как улетает *Неутомимая*, прикинул, когда примерно должен выдвинуться на ее перехват эконосферный крейсер, и взлетел сам.

Он поспешил в противоположную сторону, летя низко и не петляя. Над южным магнитным полюсом поддал мощности и метнулся прочь, укрываясь от крейсера за планетой. Вскоре он вышел на свехсвет и оказался в безопасности.

И тогда вспомнил, что позабыл кое о чем. Надо было забрать времякристаллы из кисета Ромри. Если Ромри очнется после темпоральной заморозки, его за эти камни по головке не погладят.

Встреча носила настолько секретный характер, что по ее завершении все присутствовавшие, кроме трех человек, обязаны были пройти процедуру стирания памяти. Привилегированная тройка руководила совещанием. Двое были эконосферными консулами. Третий, при множестве адплантов, нетерпеливо оглядывавший аудиторию властными синими глазами, возглавлял департамент науки. Все трое входили в Клику, полутайный внутренний круг специалистов, которым правительство эконосферы ограничивало и защищало свои бизнес-интересы.

Они восседали триумвиратом на традиционном подиуме, а перед ними сидели на разложенных подковой подушках около дюжины консультантов. Эти тоже работали на правительство — здесь собрались ученые, философы, полицейские служители. Исключение составлял немногословный человек, которому, чтобы добраться сюда, пришлось преодолеть долгий путь с Аврелия, знаменитого мира столпников. Ему троица выказывала несомненное, впрочем, не слишком охотное, уважение.

Когда все расположились на своих местах, и не ранее, консультантам сообщили, для какой цели они призваны сюда. Предполагалось обсудить нарушения ста-

тии 70898/1/5, о допустимых средствах измерения времени. В этой статье, сформулированный так, чтобы не привлекать лишнего внимания, содержался фактический запрет на темпоральные путешествия.

Первая часть заседания, официально обозначенная как вводная, на этом была почти окончена. Собравшиеся просмотрели запись полицейского допроса. На голоэкране возник человек с тощим лицом, скорей еще молодой, нежели средних лет, пьяно навалившийся на удерживающие его в кресле ремни. Разум его прокручивали в обратную сторону с такой же легкостью, как могли бы поставить на обратное воспроизведение голосовую запись.

Этим человеком был Гар Ромри. Отойдя после темпоральной заморозки, он обнаружил себя под арестом по обвинению в торговле запрещенными артефактами; все его гражданские права были отозваны в интересах государственной безопасности.

— Он псих, — бормотал Ромри. — Самый отмороженный псих, какого я в жизни встречал. Картами клянусь, я рад, что от него смайнал...

Ромри обмяк в кресле: из него выкачали всю историю. Картинка померкла.

Воцарившееся молчание нарушил директор по науке Кир Чжай Хеврон.

— Сведения, полученные от этого человека и от другого преступника, Радальце Обсока, чей допрос вы также имели возможность просмотреть, а равно — от роботов, сопровождавших последнего, позволили провести вероятностный анализ периода, проведенного беглецом, Иоакимом Воозом, на странствующей планете.

Вероятность, что беглец получил доступ к определенной информации о контроле над временем, которая, однако, осталась неизвестна его подручному Ромри — вспомните, как удивило Ромри решение Вооза так быстро покинуть комплекс в момент, когда, по всем предположениям, их ждал великий успех, — составляет в среднем шестьдесят восемь процентов. Кроме того, обладание времяпреломляющими кристаллами наверняка открыло путь к незаконным опытам, из каковых экспериментов, по нашим расчетам, с вероятностью девяносто семь процентов были почерпнуты запрещенные данные, недоступные в том числе и самим властям, ведь ранее все циркулировавшие времякристаллы были конфискованы и помещены под интердикт.

— Вы можете спросить, почему не была предпринята экспедиция на Мейрджайн с целью проверить справедливость этих выводов. В действительности, хотя с момента обсуждаемых событий прошло не более стандартного года, планета уже исчезла в Сияющем Скоплении, и установить ее нынешнее местопребывание не представляется возможным.

— Слово предоставляется гражданину Орскову, декану корпоративных лабораторий Мосса.

Прославленный академик был седовлас и дружелюбен, но чуть нервничал, подергивая головой, при разъяснениях своей мысли. Он не стал подниматься.

— Несколько месяцев назад департамент попросил нас провести новое исследование Зеркальной Теоремы, — начал он. — Тем, кто с нею, возможно, незнаком, я поясню, что Зеркальная Теорема описывает движения точечных масс через вечность. Коротко говоря, она

утверждает, что для сечения, выполненного в произвольный момент времени, будущие конфигурации мировых линий совокупности всех точечных масс во Вселенной оказываются точным отражением конфигураций прошлого. Выражаясь менее техническим языком, теорема утверждает, что по прошествии достаточно долгого промежутка времени Вселенная периодически повторяет себя.

— С философской точки зрения очевидно, что в этой теореме имеется недостающее звено. Теорема рассматривает замкнутую систему и предсказывает, что ее будущее в точности повторяет прошлое, исходя при этом из механистического детерминизма движений масс. Грубой иллюстрацией этого принципа могут послужить представления Лукреция, философа донаучной эпохи. Ведомый чисто индуктивными, наблюдательными методиками, Лукреций пришел к картине мироздания, которая во многих отношениях поразительно точна. Он изображал Вселенную совокупностью частиц или атомов, падающих в бесконечной пустоте. При падении эти частицы сталкиваются, связываются и перепутываются, разлетаются и расходятся, а непостоянные конфигурации, ими образуемые, порождают миры и то, что в них содержится. Поскольку частицы обречены падать вечно, а число доступных им конфигураций ограничено, из аналогичных соображений вытекает вечное повторение одних и тех же событий, обстоятельств, существ и миров.

— Представление Лукреция о вечном падении можно заменить его современным эквивалентом, законом сохранения массы-энергии, который, говоря обобщенно,

означает бесконечное существование заложенного в веществе момента движения. Однако Зеркальной Теореме недостает члена, который бы позволял утверждать ее строгую справедливость. Теорема кажется верной не потому, что это математически необходимо, а просто оттого, что она описывает *замкнутую* систему. Неизвестно, что произойдет, если в эту систему какими-либо непредставимыми пока средствами ввести дополнительный, внешний фактор. Что же может явиться внешним относительно Вселенной, спросите вы? Вот поэтому-то данная особенность Зеркальной Теоремы никогда не воспринималась достаточно серьезно, и вот почему для всех практически важных нужд теорема считалась строгой.

— Тем не менее стоит полагать, что конфигурации, доступные нашей Вселенной, *не* исчерпывают всего множества *возможных* конфигураций, и следовательно, существование альтернативных вселенных по крайней мере допустимо.

Академик умолк, кивнул сам себе и рассеянно заулыбался.

— Ну и? — нетерпеливо нарушил молчание директор Хеврон. — Что же показали ваши исследования?

— М-м? А, да. Извините. Изменений никаких. Мы не смогли доказать Зеркальную Теорему в общем случае. Изменить ход времени по-прежнему теоретически возможно.

Один из присутствовавших консулов эконосферы угрюмо кивнул и подхватил:

— Какой бы экстраординарной ни представлялась такая возможность, мы обязаны рассмотреть ее серь-

езно. С тех самых пор, как была осознана теоретическая возможность опровержения Зеркальной Теоремы, мы принимаем во внимание то обстоятельство, что (как бы низка ни была соответствующая вероятность) инструменты, способные нарушить бесконечно разворачивающийся ход событий, *могут* существовать. Мы ведь все понимаем, что это будет означать, не так ли? Это значит, что величественная стабильность, достигнутая эконосферой и гарантируемая космологическим принципом вечного возвращения, обнулится. В следующем цикле эконосфера может не возникнуть, никто из нас не будет существовать. Ограничения на исследование времени призваны охранить нас даже от такой маловероятной возможности.

О, грандиозность гротеска, размышлял Мадриго, прислушиваясь к разговору. Политическая идеология приписывает себе космические пропорции, а еще гротескней преувеличение значимости самого человечества.

Эконосфера медленно, но верно клонилась к упадку, величием своим уже в значительной мере была обязана прошлому, а не настоящему, однако придерживалась традиционного кредо неизбежности и стабильности. Позаимствовав из философии столпников идею вечного города, она применила ее не к небесному царству галактик, как полагалось бы, но к собственному существованию. Столкнувшись с неизбежностью коллапса и исчезновения, эконосфера находила утешение в более великой, абсолютной неизбежности вечного космического возвращения. Эконосфера не исчезнет никогда, поскольку, в определенном смысле, ничто не исчезает навеки.

Ныне же лидеры ее поддались параноидальным подозрениям, что даже в такой, сопряженный с грандиозными природными механизмами, порядок вещей кто-то способен вмешаться. Мадриго их поведение напоминало психопатологические религии древности, где доходили до такого идиотизма, что отправляли людей под трибунал за саботаж дела Господня.

Ученые, сидевшие на полу, сформулировали встречный вопрос. Ничто не лежит за пределами природы, указали они. Каким же образом, в таком случае, может надеяться человеческий разум отыскать свежий импульс, способный дать ему толчок для изменения хода истории, даже если бы это и было технически допустимо? Разве не противоречит это принципу всеобщего предопределения, который, как предполагается, применим и к людским поступкам тоже?

— Абсолютный детерминизм природы еще ни разу не был окончательно подтвержден, — возразил декан корпоративных лабораторий Мосса. — Если изменение хода истории возможно, значит, природа обладает свойствами, которые даже сейчас в определенной мере остаются сокрыты от нас, а потенциально неопределимы вовсе.

— Тем не менее мы обязаны со всемерным вниманием отнестись к поразительному факту: этот кораблеводец, Иоаким Вооз, скорее всего уже обладает уникально новым ментальным качеством, способным привести его к успеху в этом направлении. Неопределенность природы, вполне вероятно, уже выдала себя.

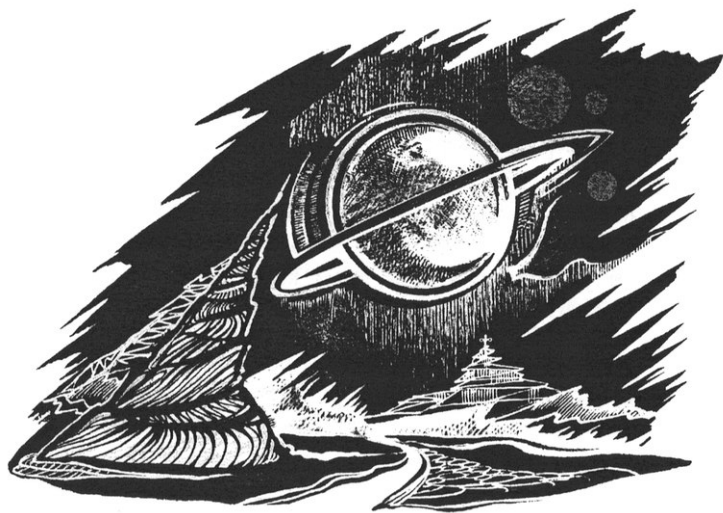
Эта более деловитая ремарка принадлежала человеку с воротничком главы отдела систематизации ис-

следований департамента науки. Вероятно, директор Хеврон был его сторонником, поскольку свой черед кивнул и добавил:

— Вы правы, здесь что-то несомненно интересное. Мы, разумеется, уже знаем, как беглец достиг нынешних своих амбиций. Они стали следствием весьма необычного переживания, случайной комбинации функций кремниевого скелета и сенсорной регистрации болевых импульсов. Надо полагать, эта случайность и внесла диссонанс неопределенности в ход событий, если таковой существует в природе... — Он резко развернулся к безмолвному до тех пор человеку в серой униформе, крепкого сложения, но с заметным брюшком. — Какова предельная боль, которую способен испытать человек? Известна ли ее мера?

Он обращался к директору службы очистки сыскного ведомства; эта ветвь департамента полиции сильнее прочих была завязана на почти невыполнимую задачу соблюдения политических законов всея эконоферы. На миг шеф полиции принял смущенный вид, но тут же спохватился и выпятил губу в зловещей полуусмешке.

— Разумеется, этому вопросу было уделено определенное внимание, — начал полицейский внушительным баритоном. — Неизменная проблема в том, что, продолжая наращивать уровни болевых ощущений, становится все труднее удерживать субъекта в сознании. Таким образом, абсолютный болевой порог нами так и не достигнут, хотя это утверждение может показаться вам странным. Глюк кремниевого скелета, вероятно, позволяет обойти это ограничение. Я прослежу, чтобы его исследовали.

— Пожалуйста, не надо, — сказал Хеврон вежливо, но непреклонно. — По крайней мере, не сейчас. Пока мы не разберемся с этим делом. Хватит с нас одного Иоакима Вооза, не нужно, чтобы вокруг еще такие же шлялись.

В продолжение совещания Хеврон время от времени искоса поглядывал на Мадриго, словно приглашая его присоединиться к дискуссии. Теперь Мадриго поднялся, нарушив тем самым протокол — все приглашенные консультанты обязаны были сидеть на полу.

— Позвольте мне отрекомендоваться, — молвил он, кутаясь в мантию. — Мне известно о субъекте, которым вы интересуетесь, больше, чем кому бы то ни было другому. Я был его наставником на Аврелии.

Он помолчал, обводя собравшихся холодным взглядом.

— Прежде всего замечу, что любой столпник, получивший достаточную подготовку, расценит ваше здешнее собрание и все высказанные на нем гипотезы относительно потенциального нарушения законов природы как совершеннейший идиотизм. Именно такого поведения и стоит ожидать от адептов чистой науки. Они загипнотизированы своими счетными способностями, теряются в слепых ответвлениях логического лабиринта, утрачивают чувство меры. Они забывают также, что их наука зиждется на глубинном философском фундаменте. С точки зрения подлинной философии изменить predetermined во времени не представляется возможным. Категорически. Что бы ни произошло, сле-

дующий цикл Вселенной полностью повторит предшествующий.

— Насчет Иоакима Вооза я вынужден сообщить, что разум его оказался помрачен пережитыми мытарствами, и теперь даже я бессилён ему помочь. Уверен, что он полностью обезумел и не имеет никаких шансов исцелиться. Не пристало правительственным чиновникам всерьёз обсуждать его горячечный бред.

Когда Мадриго замолчал, поначалу воцарилась тишина, но тут же ее нарушило бурное обсуждение. Один из министров эконоферы поднял руку, и шум прекратился.

Он посоветовался с двумя коллегами; остальные не смогли разобрать, о чем. Затем развернулся к залу.

— Это собрание проводится по той причине, что создалась ситуация угрозы структуре времени, — сказал он холодно, — и, следовательно, существованию самой эконоферы. Мы приказываем найти и уничтожить Иоакима Вооза. Столпника же, — он окинул Мадриго недружелюбным взглядом, — следует задержать до тех пор, пока эта задача не будет выполнена, на случай, если нам потребуется его содействие.

Услышав, что его намереваются поместить под стражу, Мадриго понял основную причину такого решения: не дать ему предупредить Вооза, даром что стирания памяти было бы вполне достаточно. Чиновники эконоферы зачастую придерживались неоправданно высокого мнения о ментальных способностях столпников.

Он наблюдал, как заканчивается совещание, и отметил хищный блеск в глазах начальника полиции, пред-

чувствующего охоту. Хотя и этот человек спустя несколько минут должен был забыть, почему объявленный в розыск представляет угрозу обществу.

— Красиво, — сказала Мэйси.

Вооз разложил на столике карты столпников. Мэйси лениво перебирала их и как раз дошла до двадцатой карты Старшего Аркана. *Откровение*. Вуаль, закрывавшая прежде пространство между столпами Иоакимом и Воозом на карте Жрицы, отдернулась и повисла на краю карты, явив странную сцену. Мифическая получеловеческая фигура с огромными подрезанными крыльями, неуверенно развернув их так, что они наполовину раскинулись по спине, парила в горизонтальной позе над неразличимым ландшафтом. Ангел, как называлось это создание, подносил к губам длинную тонкую трубу, которая и сама словно бы уходила в бесконечность над этой местностью. Вероятно, труба издавала громоподобный звук, такой силы, что группу людей, беспомощно воздевших руки на ее пути, буквально разносило в стороны.

Растворение, таков был смысл карты: на языке метафор она описывала момент, когда Вселенная в огненном коллапсе встречает свой конец. Столпы ее существования падут друг на друга, и начнутся долгие зоны латентной, непроявленной фазы цикла.

Едва уловимое движение корабля прекратилось. Судно завершило недолгое перемещение по космо-

дрому и вкатилось в подземный ангар. Вооз прибег к такой предосторожности, чтобы его раньше времени не обнаружили власть предержащие.

Он посмотрел на Мэйси со своей кушетки, через столик. Они провели вместе немногим более года, укрываясь в космосе или на мирах окраины от полиции, которая, не сомневался он, гонится за ним. Она вышла из темпоральной заморозки на расстоянии ровно десяти световых часов от Мейрджайна, а когда к ней вернулся дар речи, Мэйси рассказала, каково это — быть уловленной в одном моменте времени, но подчеркнула, что такое переживание доступно лишь отдаленному описанию, через грубую аналогию с хронаксией — растяжением субъективного времени у скелетоида, мужчины или женщины. На нее это произвело такой эффект, что глаза Мэйси еще несколько дней оставались затуманенными и отстраненными.

Ему бы стоило с ней расстаться, но он не мог. Он чувствовал, что она еще не вполне избавилась от мыслей о самоубийстве, да и обязательства столпника продолжали над ним довлеть. Он остановился на курсе ментальной терапии, который так умело применили к нему самому в его бытность мальчишкой в Тете, и о методиках которого он впоследствии обрел определенное представление.

Странное дело, чтобы человек, настолько склонный к самоуничтожению, озаботился устранить это чувство в другом. Мэйси, конечно, понятия не имела, что с ней делают. Практики столпников не отличались подобным формализмом. Она понимала только, что беседует с

Воозом по душам, а ее отношение к себе самой потихоньку меняется к лучшему.

За этот год они близко узнали друг друга. Вооз, у которого язык малость развязался после признания Гару Ромри, а также от конфиденциальности их новых взаимоотношений терапевта и пациентки, даже открыл Мэйси истинный смысл своей миссии.

Она увлеченно слушала, не выказывая ни критики, ни осмеяния, чего он ожидал бы от многих.

— Но что на это скажет твой наставник? — спросила Мэйси наконец.

— Мадриго? — поморщился Вооз. — Он полагает, я пал жертвой кахексии. Он не может признать, что мои попытки небесмысленны.

— Кахексии?

— Умственного расстройства. Плохо настроенного состояния ума. Когда столпники употребляют этот термин, значит, психическая болезнь весьма серьезна.

— А *ты* не думаешь, что она у тебя присутствует?

— Разумеется, присутствует. Ошибочно полагать, однако, что она зиждется на безумии. О да, все остальные случаи кахексии производны от безумия. Но не мой. Мой — основан на реальности. Реальности более глубокой, чем определяющая обычное здоровье. Даже Мадриго не в состоянии это осознать.

Он вздохнул, ненадолго припоминая их беседу, и поднялся.

— Пора мне отлучиться на поиски друзей, Мэйси. А ты, если хочешь, сходи в город. Или оставайся здесь. У тебя ведь свой ключ есть.

Она кивнула и продолжила перебирать колоду. Вооз поколебался. Он бы предпочел забрать карты себе: он всегда их при себе держал, если мог. Но решил, что это было бы невежливо. Он сошел с корабля, поднялся в лифте на поверхность и осторожно выбрался на улицу.

Он задумался, нельзя ли было на Мейрджайне вернуть всю затею удачнее, но пришел к выводу, что никакого этического способа это сделать, не засветившись перед властями, не имелось. Поскольку теперь он почти наверняка в розыске (хотя и не слышал, чтобы его официально объявили беглецом), необходимость держаться вблизи своего корабля превратилась в решительное неудобство. В общем-то именно по этой причине он почти год тянул, рыскал по окраинам эконо-сферы, и лишь затем счел, что теперь будет сравнительно безопасно явиться на Катундру, планету Центральной Клики, где находились институты правительства (хотя и лишь несколько из них): центр наук и образования, обитель злодеев более изощренных и омерзительных, чем могли себе вообразить обитатели окраинных слаборазвитых планет.

Мэйси, по его предположению, скучать тут не должна была. Заходя в другие порты, он время от времени поглядывал на ее эротические увеселения, когда обозревал корабль, с позиции невольного вуайера.

Однажды она более или менее решительно предложила ему себя, но он вынужденно отказался. Много лет назад, отключив скелетные функции, он подавил в себе и сексуальное влечение.

Он глубоко вздохнул. Наконец-то он на Катундре, в городе Катундра (на всех мирах Клики столица планеты

носила название, идентичное самому миру). Здесь, в дозволенном кораблем радиусе десяти миль свободы, живет человек, который ждал его все эти годы.

Он некоторое время прогуливался по сияющим улицам, приказав кораблю проверить, нет ли за ним хвоста. Он был в потрепанном скафомоде, выдававшем гостя из внешнего мира, и на него непрерывно изливались потоки рекламы и приглашений посетить места, которые, по мнению распространителей, заинтересовали бы туриста; все эти объявления он бесцеремонно отметал. Наконец, удовлетворившись рекогносцировкой, он вошел в транспортное агентство. Предметом гордости жителей Катундры служила суперсовременная транспортная система, работавшая по адаптированному от межзвездных двигателей принципу мгновенного перемещения; ему нужно было только дождаться своей очереди перед одной из множества будок, набрать номер и войти. Дверь с шипением затворилась за ним, запечатав отделанный керамическими плитками куб. Его подхватило сложное поле однонаправленных электростатических сил, которые едва уловимо разделили друг от друга в каждом атоме его тела положительные и отрицательные заряды. Затем включились более мощные односторонние силы, воздействуя на эти заряды, и Вооз понесся по керамическому туннелю. Он пролетел около тридцати промежуточных будок, и пока его маршрутизировали к пункту назначения, скорость его прибывала и убывала так, чтобы миллионы других, проходивших одновременно с Воозом через те же транспортные точки, не врезались в него. Разумеется, Вооз не осознавал происходящего. Весь процесс, включая кру-

говое перемещение примерно на десять миль, уложился в стандартный интервал — одну двадцатую секунды. Он осознал только, что свет снова зажегся, а номер на стене камеры внезапно изменился. Он вышел наружу и оказался в доме Абана Эбарака.

На миг Вооза охватила дезориентация; транспортная система была превосходна, и это ощущение имело специфичную для него природу. Пока Вооза несло через поля ускорителей, корабельные лучи не могли осуществлять интегративных функций, хотя и продолжали отслеживать его перемещения. Застрянь Вооз в системе даже на несколько минут, он бы наверняка погиб.

Он стоял в небольшом вестибюле. По одну сторону имелось широкое окно (Вооз знал, что оно настоящее, а не дисплейное), из которого открывался захватывающий вид на джунгли небоскребов Катундры; квартира Эбарака находилась на высоте около полумили над землей в жилом блоке. Самого Эбарака нигде не было видно, хотя Вооз получил сигнал подтверждения, прежде чем войти в будку. На самом деле ученый ожидал его визита уже несколько дней.

Помедлив и придя в себя после перемещения, Вооз шагнул к двери и открыл ее. За дверью оказался аккумуляторный кабинет. Эбарак сидел над экраном ридера. Он поднял взгляд на гостя. Ученый был невысок и опрятен, с бледным лицом и изящным носом, а мягкие синие глаза его, когда Эбарак на кого-нибудь или что-нибудь внимательно смотрел, словно бы становились тверже кремня.

— А, привет, Иоаким. Извини, что я не вышел тебя встретить. Я тут как раз кое-что читаю. У меня память малость заржавела, ты же знаешь.

Как и многие ученые, Эбарак до сих пор не доверял адплантам, полагая, что те расхолаживают интеллект. У него не было ни одного модуля памяти, а калькулятор он адпланировал только стандартный. Вооз увидел, что текст на экране ридера — из эконосферного Индекса запрещенных книг: *О случаях релятивистского обращения событий* Уитлоу. В этой работе обсуждался способ кажущегося обращения времени — незначительного, мелкомасштабного, — без нарушения законов относительности.

Ученый поднялся и выключил ридер. Губы Эбарака сжались в тонкую полоску.

— Ты принес их?

— Да. — Вооз вынул из кармана скафомода мешочек. Передал Эбарaku; тот развязал шнурок и высыпал на ладонь несколько кристаллов.

— Как непримечательно они выглядят, — пробормотал он. — Не так ли?

Положив мешочек на стол, он зажал между большим и указательным пальцами камень и стал внимательно вглядываться в него. Спустя миг, покрутив камень от грани к грани, Эбарак различил небольшую сценку. Он увидел самого себя в своей лаборатории. Он вкладывал предмет размером с этот самый камень в инструмент с длинной сверкающей трубкой на конце.

Он улыбнулся. Это было его собственное будущее, удаленное на несколько минут.

Он не в первый раз сталкивался с такими камнями. Ранее ему удалось провести беглое исследование двух образцов, привезенных из первой экспедиции на Мейрджайн, но затем министерство науки, где Эбарак тогда работал, в панике свернуло все эксперименты по проекту и конфисковало кристаллы. Он полагал, что камни были уничтожены.

— Спасибо, — произнес он с чувством. — Спасибо тебе.

— Когда я тебя снова увижу?

— Позвони через несколько дней. А теперь лучше уходи. Мне нужно поработать.

— Да, конечно.

Вооз неохотно, нерешительно развернулся уходить. Он был не против остаться, понаблюдать и поассистировать товарищу по заговору, но понимал, что Эбарак не желает его присутствия, а кроме того, чем дольше он здесь останется, тем большую опасность навлечет на ученого.

Он набрал номер транспортного агентства, откуда прибыл, и вернулся на улицу, испытывая некоторую дезориентацию. Снова побродил в толпе. Зашел в ресторан, сел и принялся наблюдать за людьми через прозрачную витрину. По опыту предшествующего визита, когда он искал содействия Абана Эбарака и в конечном счете заручился им, Воозу было известно, что Катундра — место преувеличенных маньеризмов. Люди, встречаясь на улице, приветствовали друг друга с напускной обходительностью и сложно жестикулировали. И значит, отметил для себя Вооз, сдержанная деловитость Эбарака сразу выделяет его из толпы.

Спустя некоторое время он вернулся на корабль. Мэйси отсутствовала. Он сел в кресло, расслабился и впал в полузабытие. Корабль, не дожидаясь приказа, начал шарить кругом шпионскими лучами, транслировавшими ему своеобразный монтаж сценок окружающего города.

Он не уделял им особого внимания; так может человек дремать под включенное фоновое видео. Когда луч выхватил Мэйси, он слегка заинтересовался. Вряд ли это совпадение, особенно в таком огромном городе. Вооз понял, что корабль показывает ему Мэйси гораздо чаще, чем полагалось бы при случайной выборке, и сообразил, что судно следует его подсознательным инструкциям присматривать за ней.

Он обычно не зависал на ее эскападах, но на сей раз, движимый неким неоформленным импульсом, зафиксировал изображение. Мэйси была в привате, с двумя другими: мужчиной и женщиной. Женщина — пышка, как и Мэйси, с тяжелыми бедрами и грудями. Образ нимфы на Катундре давно вышел из моды. Все трое обнажены, не считая респираторов на мужчине и женщине. Они держали в руках какие-то распылители и орошали Мэйси чем-то вроде жемчужного тумана. Туман оседал на ее коже и, казалось, впитывался, дрейфуя ко рту и ноздрям. На лице Мэйси возникло ощущение невероятного, всевозрастающего экстаза.

Вооз понял, что это наркотик, усиливающий сексуальное возбуждение. И еще понял — по лицу Мэйси, — что она активировала некоторые скелетные функции.

Мужчина и женщина отшвырнули распылители, сорвали с голов респираторы и вместе повалились на

Мэйси. Спустя миг все трое уже стонали и сладострастно елозили по кровати. Вооз, понаблюдав за наслаждением невероятной интенсивности, которое испытывала Мэйси, поймал себя на неожиданной мысли и тут же полностью очнулся от полудремы.

А не может ли быть так, что ужасающий *негативный* опыт его прошлой жизни уравновесится *позитивным* переживанием равной интенсивности? Возможно ли испытать наслаждение или счастье, соответствующие пережитым ранее боли и унижению?

Не может ли *в этом* состоять его спасение? Во взаимокompенсации эффектов?

Он медленно отключил канал луча, где продолжался негасимый экстаз Мэйси. Приказал отвести раскинутые по городу шпионские лучи и остался сидеть один во тьме. Он размышлял. Удивительное дело, но такая мысль никогда прежде не являлась ему на ум. В конце концов, равновесие — один из базовых принципов колоды столпничьих карт...

Но нет, нет. Дурацкая, абсурдная идея. Наверное, он так долго существовал бок-о-бок с девчонкой, что начал проникаться ее настроением.

Он переключился на размышления о времякристаллах и о том, сумеет ли Абан Эбарак чего-нибудь с ними добиться.

Спустя два местных дня к Абану Эбараку явился другой гость, на сей раз совершенно неожиданный.

Однако не без предупреждения. Эбарак разработал простое устройство, проецировавшее непредсказуемо мелькавшие в кристаллах картины на экран (хотя и не разобрался пока, можно ли зарегистрировать изображения со всех граней одновременно). На экране он увидел, как открывается дверь лаборатории и внутрь проходит высокая худощавая фигура в уличном плаще с капюшоном и высоким воротником. Эбарак несколько секунд присматривался к чертам ее лица, прежде чем изображение исчезло.

Возобновив столь бесцеремонно прерванные много лет назад опыты, он сумел откалибровать углы преломления света в кристаллах и определил теперь, что сцена, зарегистрированная там, отделена от настоящего времени пятью минутами в любом направлении временной оси. Поскольку ничего такого еще не произошло, то вскоре случится.

Он терпеливо выжидал, пока за дверью не раздался негромкий звук.

— Входи, Кир, — проговорил он, не оборачиваясь.

Дверь отворилась; вошел Кир Чжай Хеврон, директор департамента науки и член эконосферной Клики.

— Как ты меня узнал? — с неподдельным изумлением поинтересовался Хеврон. Он расстегнул пристежки воротника, откинул капюшон и сорвал с шеи плоский предмет телесного цвета. Немедленно лицо его начало менять очертания; нейрологическое воздействие устройства на лицевые мышцы прекратилось, и проявились подлинные черты, тонкие и изящные, подобные чертам самого Эбарака, с тем небольшим отличием, что, когда Хеврон к чему-нибудь внимательно прислушивался или увлеченно говорил, в линии губ и выражении глаз его проявлялась скрытая страсть сродни сексуальной.

— Глаза, Кир, — сказал Эбарак. — Ты забыл замаскировать глаза. Твой гаджет меня не одурачит.

Его позабавило это обстоятельство. В свое время ему попадались результаты исследования, согласно которому у тридцати восьми процентов научных работников — куда большей доли, чем мог объяснить случай — глаза были одного и того же, стально-синего оттенка. Ученые пока не пришли к единодушному мнению о том, что это означает.

Хеврон вздохнул. Люди его класса имели привычку скрывать свой истинный облик, путешествуя куда-либо в одиночестве. В этом случае у Хеврона была на то и другая причина. Являясь сюда, он уже подвергал себя риску.

— И еще вот что, — продолжил Эбарак. — Ты, вероятно, полагаешь, что я увидел на мониторе, как ты проходишь в вестибюль. Это не так; я наблюдал за тобой из лаборатории, и загодя.

Он крутанул колесико регулировки, промотал запись в обратную сторону и воспроизвел сцену прибытия Хеврона.

— Временные кристаллы? — спросил Хеврон, несколько мгновений восхищенно наблюдавший запись.

— Да. Ты, конечно, уже знал, что они у меня. Именно поэтому ты здесь.

Он помолчал.

— Будь они надежней, получилась бы отличная охранная система.

— Но и парадоксов бы хватало? — предположил Хеврон, когда картинка стала угасать.

— Не думаю. В реальности никаких парадоксов не существует.

Эбарак отвернулся от экрана, выключил аппарат и посмотрел в лицо Хеврону.

— Я бы тебе в любом случае дал знать, что кристаллы у меня. Ты понимаешь это, не так ли?

— Я? — кисло протянул Хеврон. В лаборатории ему стало жарко, и он стянул плащ. Перекинув его через руку, он посмотрел на Эбарака с видом школьного учителя. — Ты обязан был известить меня *немедленно*. Дело это чрезвычайной важности. Вопрос времени, когда ищейки Орма вышли бы на твой след — и на след этого Иоакима Вооза тоже. Я буду защищать тебя, пока смогу, но тебе следовало бы во всем мне признаться.

— Орма?

— Он теперь начальник службы Очистки. И он скор на расправу, уверяю.

— Как ты понял, что кристаллы у меня?

— Мои люди за тобой следили. Ты однажды, много лет назад, встречался с Воозом. Мне показалось, что он может обратиться к тебе за помощью.

Эбарак поднял брови.

— Тебе было известно о моих связях с Воозом?

— Ты же сам мне тогда рассказал.

— Разве? — рассеянно протянул Эбарак. Глаза его остекленели; он погрузился в тщетные воспоминания. Настал черед Хеврона улыбнуться, отчасти досадливо. Эбарак презирал адпланты памяти, и его знания о прошлом изобиливали пропусками на месте таких вот мелких деталей.

— Сколько кристаллов ты получил от Вооза? — спросил Хеврон.

— Двенадцать. Но у него наверняка есть и другие.

— Покажи мне.

Эбарак неохотно поднялся, отошел к сейфу, пригнулся к панели голосового замка, негромко просвистел кодовую мелодию и отпер прочную металлическую дверцу. Вытащил мешочек, полученный от Вооза, аккуратно извлек оттуда один кристалл и протянул Хеврону.

Директор поднес кристалл к свету и вгляделся в него. Хмыкнув, покатал между пальцев.

— Он настоящий! И какой прозрачный! Все как в старые добрые времена, Абан! На сей раз попробуем сделать так, чтоб их у нас не отняли.

Он вернул Эбарaku камень.

— Но нужно действовать скоординированно. Надеюсь, ты не подумывал о самостоятельной работе с ними? Ты так ничего не добьешься. Успех принесет лишь командная работа. — Он задумчиво постучал костяш-

ками по челюсти. — К тому же твои возможности здесь весьма ограничены — а если *Орм* пронюхает о твоих прежних контактах с Воозом, то постарается ограничить их еще сильнее.

Эбарак крутанулся на стуле, поднял его так, чтобы оказаться на одном уровне с директором, и стал глядеть в пространство, словно не желая слышать слов Хеврона. Хеврон перегнулся через край стола, подпер подбородок руками и взгляделся в лицо старого друга.

— Вижу, ты недоволен.

— Я просто не уверен, — проговорил Эбарак нейтральным тоном, — что лица, придерживающиеся подобных философских воззрений, пригодны к научной работе.

Хеврон не обиделся:

— Ох, эта твоя чистая наука! Отлично. Именно за такую позицию мы тебя и ценим.

— К тому же моя цель разнится с вашей.

— Ну и что? Ты в любом случае приближаешь ее достижение... О да, я знаю, тебе это неинтересно. Ты привержен лишь чистому поиску знаний. И однако, твоя деятельность способна ускорить великое преображение. Может стать возможным изменение хода истории. Подумай только, что можешь ты выпустить в мир! Простой поиск знания навлечет на человечество такие бедствия, что сам воздвигнет себе препоны философских соображений.

— Вынужден заметить, что эти кристаллы не годятся для вашей цели. Во всяком случае, у меня нет оснований предполагать, что годятся.

— Ты поделился этим мнением с Воозом? Ведь его цель, как ни крути, *совпадает* с моей.

— Он человек одержимый, и даже тебе до него далеко. Он сам себе эксперт.

— И ты эксплуатируешь его одержимость, чтобы достичь *своих* целей. Вот видишь, мы прекрасно друг друга понимаем. У тебя нет выбора, кроме как сотрудничать с моей командой. Я тебе нужен, чтобы Орм до тебя не добрался — если смогу тебе в этом помочь. В противном случае, друг мой, ты вряд ли останешься жив на достаточно продолжительный срок, дабы в интеллектуальной чистоте своей извлечь новую теорию времени из сияющих глубин сих кристаллов.

Эбарак резко обернулся к Хеврону.

— А *ты* никогда не прикидывал, какую угрозу на себя навлекаешь? Ты член Клики, но планы твои граничат с государственной изменой. Не думаю, что, если все откроется, ты умрешь легкой смертью. Из тебя сделают показательный пример для прочих преступников.

— Умру я легкой смертью, не переживай, — тихо ответил Хеврон. — Об этом уже позаботились. Уверяю, я отдавал себе отчет в том, на что иду. И, подобно мне, это понимает твой друг Иоаким Вооз, даже если не понимаешь ты. *Он* верит, что вырваться из мертвой хватки предопределения возможно. Тебе никогда не казалось, что эта хватка сковывает тебя во всех поступках, Абан? Тебя никогда не угнетала недоступность оригинальности?

— Нет, потому что твои слова имеют отношение только к философии, а значит, являются сущим вымыслом.

— Это факт. Как упрям ты в своем отрицании реальности!

— А меня поражает твоя безрассудность, — мягко, но настойчиво заметил Эбарак. — Ты занимаешь столь важный пост, а скользишь по самой кромке горизонта событий. — Он употребил современный им аналог более древней идиомы *бежать по тонкому льду*.

— Да, Абан, но ведь я могуществен. Ты вынужден держаться в безвестности, полагая, что неизвестность защитит тебя, я же могу прикрывать себя всеми ресурсами эконосферы. Кроме того, это теперь дело крайней важности. Я должен тебе кое о чем сообщить. Ты однажды говорил, что, даже если способ изменить предначертанный ход событий найдется, внесенные им перемены окажутся тривиальны. Лучшие умы эконосферы я собрал для анализа этой проблемы, и вывод их таков: небольшое изменение в *этой* Вселенной до неузнаваемости преобразит следующую. Перемены, вносимые в нынешнем цикле, могут оказаться тривиальными, как ты и предсказал, или вовсе неощутимыми. Но лишь в течение латентного периода, а не вещественного, проявляются истинные последствия. Вот тебе аналогия: внеси кристаллы квасцов в воду, нагрей раствор; кристаллы растворятся и исчезнут. Охлади раствор, и кристаллы появятся снова, *такими же, как были*. Но что, если нагретый раствор перемешать? В этом случае все изменится. Кристаллы в следующем акте своей материализации образуют совершенно иную конфигурацию.

Эбарак напряженно вслушивался, стараясь понять, куда клонит Хеврон.

— Так что, Абан, гонка уже началась. Кто бы ни одержал в ней победу, призом ему будет ключ к невероятной мощи... если эту мощь вообще возможно контролировать. Я чувствую, что победу *кто-нибудь* да одержит; процесс уже не остановить. Но кто? Если результатов не добьешься ты, тогда, возможно, преуспеет Иоаким Вооз. И когда, не обретя власти над своими судьбами, возляжем мы на смертный одр, то по-прежнему пребудем в неизвестности, что станет с нами в следующей нашей инкарнации; вполне вероятно, что в той форме, какая была нам присуща, мы исчезнем и не повторимся более никогда.

— Скажи, — продолжил Хеврон после долгой паузы, — у Вооза была при себе женщина?

— Нет, никого с ним не было.

— Есть сведения, что с Мейрджайна он бежал в сопровождении женщины. Он в городе?

— Думаю, да.

— Он уязвим, ибо физически зависит от своего звездолета. Он не в состоянии далеко от него отойти... может, корабль даже не на космодроме, а рядом, спрятанный. Я проведу расследование...

Он потупился и не закончил фразы. Эбарак также промолчал. Хеврон, понимал Эбарак, считает женщину источником важной информации о Воозе. Но ему не хотелось интересоваться, какие последствия для нее способно возыметь такое мнение.

Он лениво потянулся к проектору и снова включил его. На экране сформировалось выдернутое из недавнего времени изображение. Он с облегчением увидел, как спустя несколько минут в будущем Хеврон, снова в

капюшоне и с поднятым воротником плаща, покидает лабораторию.

Источая проникнутый феромонами мускусный аромат пота, Ойстрах Орм шел вдоль ряда молодых сотрудников, которые согнулись за своими мониторами. Каждый молодой полицейский испытывал смешанный с похотью трепет ужаса при его приближении.

Всем сотрудникам департамента приходилось мириться со специфическими вкусами Орма. Он предпочитал молодых мужчин, но при этом гетеросексуалов, чье естественное отторжение подавлял своей властью. Неизменным рецептом сексуального азарта служила ему смесь омерзения, ужаса и неохотного, однако неудержимого влечения. Для этого он применял не только свои служебные полномочия и физическую мощь, но и грубые химические средства. Пот его содержал концентрированные органические соединения, способные превозмочь сопротивление почти любого мужчины.

— Начальник?

— Да? — Орм направился к тому, кто поднял руку. Пригнулся к экрану, положил руки на плечи юноши и слегка сдавил шею, приникая к голове подчиненного.

— Взгляните, начальник.

Полицейский тасовал колоду диаграмм, пытаясь отсортировать отслеженные в городском траффике сигналы и вывести на монитор.

Орм нахмурился, вперившись в мерцающий, быстротечный узор пастельных тонов.

— Похоже на обычный шум. Наверное, просто перекрестное отражение.

В этом отделе хвастали, что могут перехватить любой сигнальный луч в городе.

— Именно так я и подумал вначале... что это двойное отражение, потому он и такой слабый... В норме он сливается с общим траффиком, но...

— Да? — Рука Орма ласкала затылок подчиненного.

— Уровень сигнала неизменен, начальник. Это, скорее всего, целенаправленное излучение.

— Но слишком низкое. Не может это быть полезный сигнал.

— Да. Но и применяемую в нем схему мультиплексирования я не узнаю.

— Держи меня в курсе. Если нужны более селективные фильтры, позови.

— Слушаюсь, начальник.

Рука Орма снялась с шеи подчиненного. Он прошел дальше, покинул комнату с рядами мониторов и направился туда, где сортировались доклады.

— Ну?

Перед концентратором данных сидел офицер, чьи седые волосы были заплетены косой. Глаза офицера остекленели; он быстро впитал свежую порцию данных через серебряный нерв большого пальца и адплант. Одновременно перед ним развернулся широкоугольный голодисплей, хотя Орм не видел, что на экране, с того места, где остановился.

Офицер вышел из трансоподобного состояния.

— Начальник, все сходится. Два положительных результата, значительная вероятность перекрывания за этот год. Похоже, он направляется сюда.

— Да? Вот наглец.

Орм принял от офицера планшет и изучил сводку. В подобных случаях основная трудность проистекала из полной бесконтрольности миграции или торговых перевозок на всех или почти всех планетах эконотферы. Можно было приземлиться и улететь, не столкнувшись ни с кем, и даже оплатить стоянку корабля, не оставив следов своей личности. Несмотря на это, работа детективов на практике была не так уж сложна. Широко раскинутая сеть шпионов, информаторов и терминалов предоставляла статистической службе до миллиарда небольших фактов на каждое дело, и по прошествии достаточного времени та неизменно выдавала результат. Удавалось отследить даже самые тривиальные объекты, к примеру, грузы.

— Ты думаешь, он на полном серьезе сюда полетит?
— задумчиво спросил Орм. — На Катундру?

Такой поступок представлялся безответственным... если, конечно, у отчаянного кораблеводца не нашлось достаточно веских поводов, чтобы рискнуть.

Он вспомнил загадочные сигналы на минимальной мощности, перехваченные полицейскими. Возможно, здесь какая-то связь с физической зависимостью бывшего столпника от переоборудованного грузовоза. Ромри на допросе упоминал о необычной коммуникационной системе корабля.

Если Вооз уже в Катундре, то ловушка Орма захлопнулась.

— Не исключено, — промурлыкал он с наслаждением, — что мы этого субчика достанем быстрее, чем рассчитывали.

Он улыбнулся, охваченный предвкушением близкого конца погони. От этого начальник полиции еще сильнее вспотел, капли пота, испаряясь, выпустили в воздух новую порцию летучих феромонов, и ощущение сексуального присутствия Орма дополнительно укрепилось.

Двигаясь с могучей грацией пумы, он направился обратно в комнату с мониторами.

Взгляни.

Капитан Иоаким Вооз проснулся.

Он был один. Мэйси не появлялась на корабле уже больше трех дней, но это его не удивило. Ее отлучки удлиннялись.

Он не ответил. Но почувствовал, как тычется в его мозг конец очень длинной палки. Палка представляла собой шпионский луч, вытянутый миль на семь или даже больше.

На другом конце луча находилась Мэйси. Вначале он удивился, что корабль посчитал нужным разбудить его ради очередного эротического приключения. Прошла почти минута, прежде чем Вооз сообразил, что происходящее не имеет ничего общего с эротикой.

Мэйси пристегнули ремнями к стулу. Рядом были двое мужчин в свободных, развевающихся при ходьбе одеяниях представителей привилегированного класса. Их вид поначалу озадачил Вооза. Мужчины ничем не напоминали полицейских.

Один склонился к Мэйси, внимательно прислушался. Мэйси о чем-то говорила. Очевидно, под наркотиками. Наркотических средств, способных полностью развязать человеку язык на любую тему, без малейшей воз-

можности лжи или утайки, было неисчислимое множество.

— Расстояние? — спросил он.

Ответ совпадал с его ожиданиями: несколько больше семи миль.

— Покажи, где это место.

Корабль загрузил ему в адплант карту нужного участка. Вооз, не теряя больше ни мгновения, влез в скафод и пошел в кладовую. Выбрал из ассортимента оружия пистолет и лучевой резак, засунул в два из множества карманов своего костюма. Переместился на камбуз, откупорил флягу, сделал долгий глоток питательного сиропа с глюкозой.

— Поднимись наверх, — приказал он кораблю, — и будь готов ко взлету, когда я вернусь.

Когда он покидал борт, корабельные роботы уже сновали туда-сюда. Вооз направился в ближайшее к космодрому транспортное агентство, а оттуда переместился в другое, небольшое, на десять будок, чей адрес ему пришлось почерпнуть из карты, загруженной кораблем в мозг.

Он появился в почти безлюдном переулке. Безликая стена дома позади уходила словно бы в бесконечность. Впереди, на другой стороне улочки, через сложное переплетение просветов между строениями открывался уже привычный вид на трехмерные урбанистические джунгли города Катундры; искусственные солнца озаряли нижние уровни, изгоняя оттуда мрак.

Он помедлил, смежив веки и приходя в себя, потом волна тошноты схлынула. Он повернул налево и пошел

вдоль стены, пока не достиг входа. Он знал, куда направляется.

Безликое здание выполняло множество функций. В нем размещались несколько тысяч квартир, офисов, частных мастерских, клубов, борделей и разнообразных увеселительных заведений, образуя лабиринтоподобную внутреннюю структуру. Общая черта у них у всех была только одна: секретность. Единственный способ отыскать нужное помещение состоял в том, чтобы набрать в транспортном агентстве номер, который загодя сообщали хозяева, если он не был известен посетителю по предыдущим визитам. Такая секретность стоила дорого.

Но Иоакиму Воозу она помешать не могла. Он прошел через вестибюль и оказался в длинном туннеле прямоугольного сечения, с грубо отделанными серыми стенами, множеством лифтовых шахт и вентиляционных прорезей. Царила могильная тишина. Атмосфера была тревожная и мрачная.

Вооз проехал в бесшумных лифтах мимо бессчетных этажей молчаливых коридоров, пока не оказался у серой двери без номера. Вышел, извлек из скафомода лучевик и начал вырезать в двери прямоугольную дырку.

Радиационное лезвие устройства было почти невидимо и, врезаясь в металл, проникало на максимальную глубину при минимальном тепловыделении. Основная трудность в работе с лучевым резаком такова, что образуемые им прорезы очень тонки, и рассеченный лист металла стремится сомкнуться в прежней конфигурации, когда луч убирают. Чтобы этого не слу-

чилось, Вооз прижал к выбранному участку присоску, а когда лучевик выключился, слегка поводил ею по поверхности; вырезанный кусок металла провалился внутрь помещения.

Он знал, что как только дверь откроется, сигнализация замолчит. Комната была пуста. Он бегом пересек ее и, почти не затормозив, нанес по второй двери одно-временный удар кулаком и ногой в ботинке.

Пластиковая панель разлетелась на осколки под его усиленным корабельными лучами ударом. Пробив себе путь через ее фрагменты, он появился во второй комнате, убрал лучевик и выхватил пистолет.

Вооз за много лет, проведенных в симбиозе с кораблем, привык полагаться на его предзнание. Он уже знал, что обнаружит в комнате. Допрос завершился. Мэйси обмякла, но ремней с нее не сняли. Двое в мантиях, за миг до того сидевшие спокойно, вскинулись на вопль сигнализации и смотрели на Вооза с малопонятным равнодушием, частично объяснявшимся тем обстоятельством, что сделать они все равно бы ничего не смогли. В комнате имелся только один выход, и Вооз загораживал его. Никто из присутствующих не был вооружен. Обитатели безликого здания, как правило, считали его анонимность достаточной защитой.

Более высокий из двоих, человек с ясным и прямым взором синих глаз, поднял брови, спокойно отдав должное возможностям незваного гостя.

— Капитан Иоаким Вооз, полагаю я? — произнес он, помедлив.

— Откуда ты меня знаешь? — рявкнул Вооз.

— А кто ж еще это мог быть, капитан? Но, признаюсь, я не предполагал, что вы тут появитесь. Вы располагаете даже большими ресурсами, чем мы думали.

Вооз помахал стволом, отгоняя двоих мужчин в угол. Его слегка озадачило, что синеглазый употребил архаичное обращение *капитан* вместо привычного *кораблеводец*. Он сделал шаг к Мэйси, поднял ее за подбородок своей ручищей и заставил посмотреть себе в глаза. Взгляд Мэйси не выражал ничего.

Он ослабил застёжки на ее запястьях и талии.

— Вставай, — приказал он. Мэйси не ответила, и он сам поднял ее. Она неуверенно покачалась из стороны в сторону, оперлась на его плечо. Он отступил, направив ее к двери и продолжая угрожать неизвестным своей пушкой.

— Остановитесь, — произнес высокий.

Вооз намеревался сбежать через транспортную будку, которую заметил в первой комнате. Он пожалел, что не убил этих двоих сразу, но остановился. Что-то было во всем этом странное.

Помимо неформальной одежды, помимо скрытности — в поведении этих двоих было что-то странное. Тот, кто пониже ростом, тупоносый, с волосами песчаного цвета, ничего не говорил и не выдвигал никаких предложений, лишь смотрел на высокого, как ученик на учителя. Вооз опознал этот взгляд. Многие философские или оккультные группы вынуждали адептов к тому, что Мадриго именовал телемическим переносом — подчинению воли индивида высшим членам ордена.

— Я полагал, что вы на правительство работаете, — заметил он.

— И да, и нет. Позвольте отрекомендоваться. Я Кир Чжай Хеврон, директор департамента науки. Мой друг... — он указал на второго, — также работает на правительство. Однако сегодня мы действуем без официальных полномочий. Если начистоту, то мы, как и вы, совершаем преступление.

Он улыбнулся без тени веселья, но в явной попытке завоевать доверие Вооза.

— Думаю, нам надо поговорить. Без моей помощи вы вряд ли выберетесь с Катундры. Понимаете ли, вы не просто владелец нелегальных инопланетных артефактов. Уверен, что вы понятия не имеете, какой ужас наводит на правительственных шишек само ваше существование, и какие усилия предпринимаются, чтобы вас найти.

У Вооза возникло сразу несколько вопросов, и в частности, как этим людям удалось найти Мэйси. Однако затем ему пришло в голову, что Хеврон, если это настоящее имя, вполне возможно, попросту скармливает ему информацию, выуженную из сознания самой Мэйси. Вполне вероятно, что она стала жертвой случайного похищения, призванного удовлетворить извращенные вкусы пресыщенных катундранцев. Этот человек явно заговаривает ему зубы, и каждое проведенное тут мгновение лишь увеличивает угрозу.

Он снова поспешил к двери.

— По крайней мере, позвольте мне вызвать сюда Абана Эбарака, чтоб он с вами поговорил, — торопливо продолжил Хеврон.

Вооз снова остановился. Этого они от Мэйси узнать не могли бы.

— Вы знакомы с Эбаракком?

— О да, да. Мы с вами оба участвуем в его проекте, в том или ином смысле.

— Какой у него номер?

Хеврон процитировал длинную строчку цифр, которую Вооз сравнил с хранившейся у него в адпланте. Он кивнул, не теряя, однако, подозрительности.

— Идемте, — сказал он.

Когда двое переместились в другую комнату, он набрал номер. После недолгого ожидания на пластине видеофона, вделанной в стену рядом с будкой, появилось лицо Эбаракка. Вооз схватил Хеврона и подтолкнул туда.

— Ты знаешь его?

Эбарак осторожно кивнул.

— Да. Он директор Клики.

— Чего мне ожидать от него?

Эбарак замялся; он явно не хотел делиться ничем компрометирующим по публичной сети.

— Ты можешь считать его нашим союзником, — промямлил он наконец.

— Тогда мы идем. Оставайся там.

— Я же предлагал вызвать Абана *сюда*, — запротестовал Хеврон.

— В будку лезьте, вы оба.

Под прицелом его пушки те повиновались. Вооз отошел, снова набрал номер, затащил в будку Мэйси и спустя миг вышел у Эбаракка в вестибюле.

Присутствовал только ученый.

— Они в гостиную пошли, — объяснил Эбарак. — Присоединишься?

— Они накачали Мэйси сывороткой правды. Надо ей кровь прочистить.

— Давай ее сюда.

Он провел Вооза в лабораторию и помог уложить Мэйси в кресло. Исчез в кладовой и появился вновь спустя несколько минут, держа шприц для подкожных инъекций с небольшим количеством бесцветной жидкости.

С тихим шипением препарат отправился в кровоток Мэйси.

— С ней все будет хорошо. Но в любом случае, вряд ли они ее чем-то опасным зарядили.

— Ты не хочешь мне рассказать, что все это означает?

Эбарак сухо усмехнулся.

— О, да это опять философия. Людское развлечение, которое, как мне кажется, способно породить почти бесконечный ассортимент фанатиков.

— Я так и предполагал, — буркнул Вооз.

Мэйси вроде бы заснула. Эбарак разместил ее в более удобной позе на глубокой кушетке.

— Видишь ли, в правительстве, не исключая самой Клики, пустило корни специфическое общество оккультистов, и верования их граничат с государственной изменой. Кир Хеврон, тот высокий в соседней комнате, возглавляет общество. И по совместительству — является директором департамента науки. — Он передернул плечами. — У меня не было повода тебе раньше рассказать, но мы оба, ты и я, в некотором смысле под его защитой. Меня также обязали сотрудничать с об-

ществом по вопросам исследований временных кристаллов.

— Их верования, граничащие с изменой, — спросил Вооз, — имеют отношение к исследованиям времени?

— Да. Цели общества, грубо говоря, таковы же, что и у тебя. Но философская подоплека их совершенно иная.

Кир Чжай Хеврон незаметно для Эбарака прокрался в лабораторию.

— Это правда, капитан Вооз, — тихо проговорил он. — И все же, полагаю, вы сумеете проникнуться ею.

— Что ж за философия такая диктует вам похищение безвинной женщины? — резко бросил ему Вооз.

— У меня нет перед вами оправданий, — невозможно ответил Хеврон. — Наша Великая Работа такой важности, что цель оправдывает любые средства. В данном случае я счел, что ваша подруга способна дать нам ключ к вашей достопочтенной персоне, капитан. И я рад, что поступил так.

Он подошел ближе, не удостоив Мэйси взглядом. Директор Клики смотрел только на Вооза, и прямой взор его вызывал у капитана беспокойство.

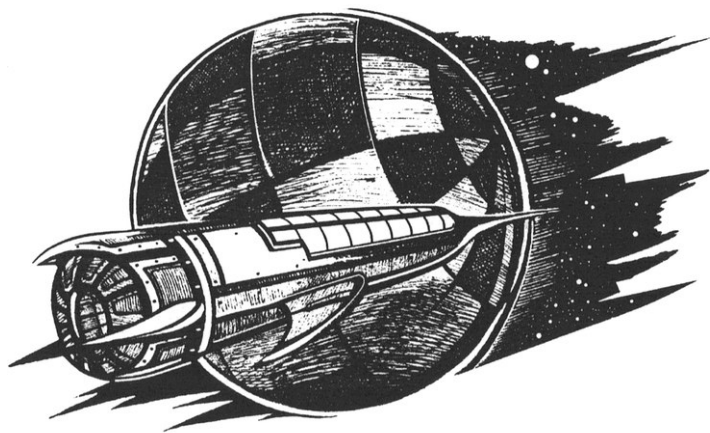
— Пожалуйста, слушайте внимательно. Я поясню вам суть нашей доктрины. Мы отвергаем концепцию абсолюта огня разума, о которой проповедуют столпники. Мы полагаем, что это состояние не является окончательным, но лишь вялотекущим, сонным, бездейственным. Вселенная находится в стадии затишья, будь то активный или латентный ее цикл. Данное мнение подтверждается тем, что в ней ничто не претерпевает принципиальных изменений. Зеркальная Теорема дока-

зывает это. Предопределение, так его называют. Но что значит оно? Для членов нашего общества — лишь то, что существование Вселенной еще не претерпело эволюции к подлинному сознанию и Истинной Воле. Если точнее, таковое сознание уже существует, будь то в форме огня разума или меньшего сознания любого из нас, однако оно пассивно и неспособно управлять собою.

— В таком состоянии Вселенная уподобляется цветку или какому-то другому растению; открывается днем, закрывается на ночь и не делает ничего больше. Открытие и закрытие, разумеется, соответствуют проявленной и латентной стадиям цикла. И так продолжается... никто не ведает, сколько.

— Но это существование не вечно. Вселенная способна к дальнейшему развитию. Есть высшая судьба — эволюция к новому, более интенсивному сознанию, не пассивному, а нацеленному на перемены, инновации. Лишь существа, наделенные индивидуальным сознанием, могут совершить этот шаг, и, несомненно, такова истинная причина существования их — органических созданий — в этой Вселенной. Мы верим, что особая миссия человека — сгенерировать новое сознание. Мы суть высшая точка творения. Но мы все еще стеснены ограничениями вещественного мироздания. И можем, пожелаем мы того, стать его властителями.

Вооз отвернулся. Неудивительно, что этот Хеврон заинтересовался им, подумалось ему. Он вспомнил Гара Ромри. Более чем вероятно, что тот выдал секреты путешествия Вооза на допросе.

— Вы теперь видите, сколь близки наши цели, капитан, — продолжал Хеврон. — Отличие в том, что вы просто убегаете. Вы не осознаете, что конечной целью выступает скорей жажда приключений. Создать совершенно новые события! Обрести власть над временем, пространством и веществом! — Глаза его засияли. — Стать *богами*, иначе говоря. Таково наше будущее — будущее за пределами привычного нам мертвого времени.

— И если кто достоин места в наших рядах, то это вы, капитан, — тихо добавил Хеврон. — Видите ли, я все о вас знаю от вашей девушки. На Мейрджайне вы встретили ибисоглавца, который поведал вам тайну высшего сознания. — Он махнул рукой. — Технические исследования не требуются. Ключ — в собственной *воле*. Сосуществование во ад и возвращение оттуда невинным — секрет обожествления.

— Вот только этого никто не может, — горько отозвался Вооз.

— Даже если иного пути *нет*? Вооз, подумайте. Мы сорвиголовы. Кто-нибудь где-нибудь всегда совершает то, на что не отваживаются остальные. Быть может, именно нашему обществу предназначено воплотить инструкции ибисоглавца.

— Вы не рискуете. Если попытаетесь, вас постигнет неудача. Вы не перенесете этой агонии. Я и то не сумел. Никто не сумеет, и независимо от того, кто подвергнет себя этому, дело будет провалено.

— В любом случае, — добавил он после паузы, — как насчет более широкой перспективы? Вселенная по-

родила миллионы видов, и любой из них может оказаться способен к такой трансформации. Например, ибисоголовые представляются мне более предпочтительными кандидатами, нежели мы, люди.

Хеврон рассмеялся.

— А разве вы не впадали в тот же грех, капитан? С какой стати *вы* должны стать камешком, который сдвинет лавину? Но такое соображение вас не останавливает. Мы полагаем, что человек *уникален*. Снова и снова проявляется его превосходство над остальными расами, ведь им, даже если они более развиты интеллектуально, недостает человеческой смелости. Ибисоглавец пытался принизить это могучее качество людей, приравнявая его к одержимости. Но именно благодаря такому качеству, верим мы, человеку суждено унаследовать новую Вселенную. Взгляните!

Он вдруг выбросил вперед руку ладонью наружу. На миг-другой словно бы сконцентрировался, затем на ладони проявились бледные слова, налились кроваво-красным:

УДАЧА
СОПУТСТВУЕТ
СМЕЛЫМ

— Идентифицирующий девиз нашего общества. Стигма, проявляемая волевым усилием. Вы тоже можете ее получить, если хотите.

— Надеюсь, *ты*-то не приверженец их доктрины? — спросил Вооз у Эбарака.

Эбарак усмехнулся прежней слабой усмешкой.

— Я ученый, — ответил он. Побарабанил костяшками пальцев по рабочему столу, извлекая гулкий звук. —

Вещество и сила — реальны, идеи — нет. Что же до веры, не подкрепляемой доказательствами, то мне некогда этим заниматься.

Хеврон взмахнул рукой, позволив девизу поблекнуть.

— Абан не слишком масштабно мыслит. Наука покоится на философском фундаменте, без философской мысли она ничего не стоит. Ваш собственный наставник указал мне на это, капитан. Но что-то говорит мне: вы не склонились на нашу сторону.

— Нет, — сказал Вооз. Ему не понравился ни сам Хеврон, ни его философское общество, которое, чуял он, не остановится ни перед чем. — Ваше учение заинтересовало меня, однако мои цели полностью негативны. Меня не заботит будущее существование, в какой бы то ни было форме.

Хеврон не выказал никакого разочарования.

— Но мы так или иначе вынуждены работать вместе. — Он развернулся к Эбарaku. — Я в любом случае собирался сегодня связаться с тобой. Оrm вот-вот достигнет капитана Вооза. И вполне возможно, что твои с ним контакты тоже от него не укроются. Я не могу его больше задерживать; вам лучше скрыться. Давайте перенесем все действия на окраинную планету, которую я выбрал для этой цели. — Он развернулся к Воозу. — Кристаллы, оборудование и большую часть персонала отправим на нескольких кораблях в разных направлениях. Вы улетите первым. Потом сможете к нам присоединиться.

— Почему я должен позволять *вам* диктовать мне эти действия? — враждебным тоном перебил его Вооз.

Директор Клики усмехнулся.

— Вы что, настолько беспечны? Вы не понимаете, почему исследования времени под запретом? Что бы тут ни болтал Абан, а ученые правительства полагают изменение времени *возможным*. Клика — традиционалистская организация, как и любое правительство в любой ситуации. В ее глазах исследования времени чреваты катастрофой. Если я скажу, что Очистка уполномочена установить ваше местонахождение и взялась за эту работу с небывалым рвением, поверите ли вы, какой риск навлекли на себя уже самим прибытием сюда? Возможно, возвратясь к себе в офис, я получу донесение о том, что ваш корабль проследили до Катундры. Я сумею оттянуть атаку на несколько часов, но не больше. Итак, поступайте по слову моему: берите свою девушку и улетайте, пока не слишком поздно.

Новости эти ошеломили Вооза. Он почувствовал себя уязвимым, осознал, что окружающий город по сути представляет собой вражескую территорию — а он здесь в милях от своего корабля, сочлененный с ним лишь пуповинами тонких лучей. Неужели их может оказаться достаточно, чтобы его отследили? Ему прежде не приходила в голову такая мысль. Он подразумевал, что правительство упадочной эконоферы не имеет доступа к новейшим технологиям, а лучи интегратора останутся для них незримы. Но он принимал во внимание лишь обычные методы слежки...

Его встревожило также, что завеса приватности над его миссией изменить время оказалась сорвана. Другие умы сочли это возможным, приравняли к политической интриге, и оттого концепция налилась парадоксальной ирреальностью. Он сомневался, что эти люди ему дру-

зья. Стремление Хеврона к сотрудничеству, скорее всего, продиктовано тем, что у Вооза до сих пор с собой клад времякристаллов.

Мэйси шевельнулась, резко открыла глаза и стала испуганно озираться.

Вооз успокаивающе положил руку ей на плечо.

— Хорошо, — обратился он к Хеврону, — мы поступим, как вы советуете.

И вновь небеса цвета лимонного шербета. И вновь, сидя на склоне холма, любовался он угасающей Вселенной.

Вот только на сей раз холм был другой, и бурливший жизнью город в долине — тоже. И на сей раз рядом с ним сидела Мэйси, а его мысли и чувства были сравнительно смешанными.

— Ты долго добирался, — проговорила она.

— Я допустил ошибку, — сказал он. — Остановился на Алькадроне купить топливные элементы. Меня засекли агенты Очистки. Пришлось убить троих.

Вскоре после отлета с Катундры они с Мэйси расстались, поскольку Вооз полагал риск задержания слишком высоким и не желал втягивать ее в это дело. Она, впрочем, настояла на встрече. Когда он прибыл на Шаунс, выбранный Хевроном мир, она уже ждала его.

Он двигался запутанным, блуждающим курсом, и путь отнял восемь стандартных месяцев; но не осторожности одной ради. В определенном смысле Вооз утратил глубинное чувство своей цели. Он должен был бы чувствовать надежду и облегчение, ведь появлялся намек на успех его миссии, но было похоже, что само путешествие истощило его силы, а железная твердость устремлений вопреки всему надломилась, выставляя

все его усилия в непрезентабельном тривиальном свете.

— Хеврон наверняка здесь, — произнесла Мэйси.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Почему ты так думаешь?

— Эбарак юлил в последнюю нашу встречу, и вокруг него отирались какие-то официалы. Наверное, Хеврон прилетел посмотреть, как у них дела с исследованиями. Впрочем, Эбарак мне и так бы не сказал.

Вооз хмыкнул. С Эбараком он уже встречался, и ученый ему тоже ничего не сказал.

Хеврона, вероятно, разочаруют достигнутые Эбараком результаты. Научная ценность их была огромна, однако к удовлетворению распаленных амбиций директора и его группы никакого отношения не имела.

— Они создали новый миф о будущем, — пробормотал Вооз. — Миф о Вселенной, контролируемой оператором, и оператор этот — человек. — Он покачал головой. — Люди в ролях новых богов новой Вселенной. Какой абсурд. Антропоморфизм, доведенный до предела. Они совсем слетели с катушек.

— Слетели с катушек?

— Извини. — Мэйси не поняла идиомы, имевшей не вполне ясное техническое происхождение. — Утратили перспективу. Мозгами поехали. — В его словах прозвучала горечь. — Я имею в виду, что сотрудники Хеврона, скорее всего, обезумели и наверняка отчаиваются. Стремное зрелище.

Мэйси вдруг рассмеялась неприятным издевательским смехом. Он удивленно и чуть испуганно обернулся к ней.

— Да ты сам тот еще фрукт, Иоаким. Ты судишь об их безумии, но своей манечки не замечаешь. Как это смешно!

— О чем ты?

— Ну, разве твои цели не совпадают в конечном счете с их целями, разве не настолько же ты эгоцентричен? Ну да, они рехнулись, с этим я согласна. Но по этому же самому определению безумен и ты.

— Я никогда и не надеялся, что ты сумеешь меня понять, — ответил Вооз, снова отворачиваясь от нее. Он был несколько разочарован явным отсутствием ее симпатии.

— А почему бы и нет? Потому что я невежественна? Но ты помни, я *скелетница*. — Она поднялась и резко, бесстрашно выступила перед ним. Крупные груди едва не выскочили из блузки, когда она склонилась к нему. Лицо ее выражало недовольство и мольбу. — Ну почему ты не можешь просто *зачеркнуть* это вот всё? Почему ты не перестаешь себя терзать? У тебя еще достаточно времени *пожить*!

— Пожить? — устало отозвался Вооз. — Жизнь и доставляет мне основные проблемы.

Он сам не понимал, отчего снова берется ей что-то объяснять. Впервые с детских лет его так резануло чужим непониманием.

— Ты сама сказала, что лишена надлежащего философского образования. По этой причине ты не в состоянии понять, почему я так страшусь невыносимого прошлого. Потому что прошлое есть будущее.

— Ну вот, опять. — Мэйси махнула рукой. — Философы все придурки, ты меня слышишь? *Придурки*. По-

чем тебе *знать*, что история повторяется? Это ведь обычная теория. Люди так *думают*. Возможно, мир не повторяет себя так, как ты утверждаешь. Возможно, он просто пребывает вовеки в постоянной изменчивости.

— Это утверждение было научно доказано.

Мэйси, к невероятному удивлению Вооза,отреагировала вздохом омерзения и резким толчком рукой в его подбородок.

— Самой толстой книги на свете не хватит, чтобы перечислить все утверждения, которые считались *научно доказанными* и были опровергнуты. Все, чем занимаются ученые, это возня с философскими идеями. Какой-нибудь мудрец говорит: мир-де состоит из лимонов и бананов. Ученые берутся за работу и начинают расчеты, пока не выводят некое *уравнение*, где связаны лимоны и бананы. Пятнадцать миллионов лимонов и пятнадцать миллионов бананов, или что-то в этом роде. Вот оно, твое доказательство. Какие ж вы идиоты.

Вооз не поднял головы. Частью сознания он отвергал рассуждения Мэйси как тупые и невежественные. Но другой частью себя, уязвленной и надломленной в последние месяцы, воспринял их под неожиданным углом, менявшим привычную перспективу вещей.

Почем тебе знать? Как может он быть *уверен*, что вечное космическое возвращение — правда? Как может в этом быть уверен кто-то еще?

Может ли бактерия, сколь бы ни пыталась, постичь циклы космической эволюции?

Наблюдая за жизнью города внизу, он вспомнил, как в другом случае отметил для себя стремление эконо-сферы, в увядающей славе своей, саму Вселенную на-

полнить аурой ностальгии — субъективной, порождаемой человеческим воображением и несомненно иллюзорной в космических масштабах. Рассуждая аналогично: разве не может вся человеческая мысль оказаться неприложима ко вселенской безграничности? Возможно, любая идея, сколь ни мелкая или тривиальная, против нее все равно что манящее очарование города внизу? Мысль эта была ему внове и шокировала, но он удивился скорее тому, отчего она никогда прежде не являлась ему на ум; отчего ему не приходило в голову, что Мадриго, в бесстрастии и мудрой рациональности — воплощение здравомыслия, парagon интеллекта, — может оказаться жертвою единственной неопровержимой истины человеческого познания: *нельзя познать всё*.

Если столпники ошибаются, это облегчит его страдания. При мысли об этом его окатила волна радости. Страха больше нет! Боль не вернется! Он волен жить, а потом не жить больше никогда!

Как же смогли слова простой, необразованной Мэйси за считанные мгновения разорвать окружавшую его десятки лет мрачную завесу? Нет, это невозможно... безрассудная суицидница не может знать лучше Мадриго...

Он вдруг поймал себя на том, что машинально извлек из кармана колоду карт столпников и стал перебирать ее пальцами. Он опустил взгляд; его смутила неожиданная мысль, что эти божественные, проникнутые надмирным смыслом символы могут в конечном счете оказаться выдумкой... Тут Мэйси выхватила карты у него из руки и отшвырнула прочь. Он увидел, как они разлетаются по синей траве на склоне холма.

Затем она быстро расстегнула блузку и сорвала с себя, оставшись нагой. Он увидел в ее глазах экстаз и экзальтацию. И понял, что она активизирует скелетные функции, одну за другой. Она наклонилась к нему, положила руки на плечи; от нее исходил пьянящий аромат, налитые груди со вздыбленными сосками заполняли все поле зрения.

— Забудь обо всем, Иоаким, — прошептала она. — Вспомни, что ты скелетоид. Давай же! Включи скелет! Почувствуй, как он воссияет внутри тебя!

Он сидел неподвижно, не отвечая. Она прижалась к нему щекой.

— Философия — не реальность. А то, что дают тебе кости, *реально*. Ты не позволял себе пережить ничего хорошего с той самой поры, как это произошло. Иоаким, вот твоя трудность. Ты должен научиться *радости*. Это единственный путь стереть прошлое.

Представление Вооза о себе и мире расплывалось. Он не испытывал сексуального возбуждения, но в конце концов ответил на просьбы Мэйси и извлек из памяти почти забытые управляющие сигналы.

Это было как вдохнуть полужнакомый аромат. *Живость* пришла вновь: впервые за долгие годы он познал взаимосвязь эмоций и ощущений, восторг от восприятия предметов вокруг, звуков и запахов, дуновения ветра на коже. *Подъюстированная реобаза*: все его ощущения стали резче и четче, нежели у обычного человека, не скелетоида. *Подъюстированная хронаксия* замедлила время; Мэйси приближалась к нему в балетном танце, где задействовано было каждое движение ее тела, вплоть до кожных пор.

И наконец, под ее умоляющий шепот, включилась функция секса.

Она помогла ему выбраться из скафомода и похожей на саван поддевки.

— Выше, — взмолилась она. — До предела. Ты можешь это выдержать.

Ее руки скользили по его покрытой рубцами коже. Он повиновался. Все настройки взметнул на максимум, пока разум не сдался под напором впечатлений и ощущений; если б не помощь корабля, он бы сейчас обезумел.

О, сладкое безумие! Кипящий котел страсти, мир безграничной эротики, делирий наслаждения, которым унесло его личность, а вместо нее явилось — удовольствие! Безграничное возбуждение! Они сплетались в объятиях, пока не перестали разбирать, кто где, и в уплотнявшихся среди тумана сексуального возбуждения сполохах он ощутил, как его корабль, припаркованный на уровне земли рядом с городом, помогает капитану набрать обороты и вздыбить фаллос — без корабля он бы не сумел этого сделать, хотя никогда прежде и не просил о таком содействии.

Его личность заполнило ощущение твердого, объемистого объекта. Он стал башней силы. Затем — пенетрация. И заполнил ее личность тоже, доминантой и резким целеустремленным проникновением.

В огонь. В пылающий, бурлящий, полный надежд мир.

В пониженной гравитации Шаунса Киру Чжаю Хевро-ну было слегка не по себе. Он немного нарастил вес за счет тонкого скафомода, немногим толще сорочки с

длинными рукавами, но комфортней ему не стало. Он предпочитал свободно развевающиеся на ветру одежды.

Если бы не известие о прибытии Вооза, он уже вернулся бы на Катундру.

— Это вот его корабль, вы сказали? — уточнил он, указав через низкое окно верхнего этажа на возносящийся над крышами силуэт корабля, необычный своей стремительной, чуть скругленной формой. Другие суда, припаркованные на космодроме, выглядели менее... целеустремленно.

— О да, великий магистр, это его корабль.

Дюжина адептов Телемы расселась в позах формального почтения лицами к великому магистру Хеврону. Девятерых он спешно призвал с Катундры, и они прилетели только сегодня утром. Хеврон отвернулся и сел на свое место, оправив накиннутую поверх скафода тогу.

— Те из нас, кто прибыл сюда прежде вашего, — произнес он, — дали оценку работе гражданина Эбарака и наших ученых над времякристаллическими артефактами. — Он помедлил. — Ученых на эту встречу не вызвали по соображениям тактического характера. Лучше, чтобы то, что вы сейчас услышите, не достигло ушей Эбарака.

— Результаты оказались обескураживающими. Вряд ли от времякристаллов будет хоть какая-то польза для нашей задачи. Но, впрочем, я склонялся к такому выводу еще до отлета на Шаунс. Как вы знаете, мы получили новую информацию. Претерпев страдания, человек может разумом уподобиться божеству.

Его последователи — все мужчины, ибо женщинам не позволялось продвигаться в высшие круги Телемы, — никак не отреагировали на упоминание конечной цели странствия. Дисциплина включала подавление эмоций. Они соблюли ее. Хорошо.

— Итак, секрет не в каком-либо техническом устройстве, но в силе воли. Однако может ли человек испытать страдания достаточной интенсивности? По определению, боль эта трансцендентальна и, значит, непереносима. Один индивид, впрочем, перенес такие страдания, но трансформации избежал; это кораблеводец Иоаким Вооз, человек странный и отмеченный несмыслаемой стигмой своего опыта.

Он замолк почти на десять секунд, после чего уронил в нарастающую тишину:

— Вернее будет сказать, что Вооз уже не человек. Тело его неспособно самостоятельно поддерживать жизнь. Оно зависит от вспомогательной адплантной машинерии корабля, интегрирующего все соматические функции с коммуникационным лучом. Корабль, а не тело, ступающее меж людьми, и есть ныне Вооз.

Он снова указал в окно, за которым четко прорисовывался силуэт корабля Вооза недалеко от космодрома. Хеврон не знал, что в этот самый миг корабль вводит Вооза в экстаз исключительно позитивных переживаний.

— У нас уникальная возможность исследовать инструменты, доказанно пригодные для достижения трансценденции. Кто контролирует этот корабль, контролирует самого Вооза. Таким образом, мы используем его как подопытное существо. Говорят, что на Мейрджайне

инопланетянин предлагал Воозу заново пережить ту агонию, чтобы Вооз попытался ее превозмочь. Хотя Вооз не обладает достаточной для этого смелостью, мы можем принудить его к этому. Снова и снова, если потребуется. Поскольку он провалил испытание однажды, он провалит его снова и снова, но в неудачах своих снабдит нас ценными данными. Бесценными для нас в подготовке к аналогичным попыткам.

Хеврон помолчал, пытливо оглядывая присутствующих.

— Почему этот индивид так ценен для нас? — спросил кто-то.

— По двум причинам: его можно контролировать с уникальной полнотой, и он уже был близок к трансценденции. Он идеален для опытов такого рода.

— А что, если наши манипуляции все же вынудят его преодолеть этот барьер? — спросил другой. — Тогда нам не позавидуешь.

Хеврон улыбнулся.

— Мы играем с огнем, — согласно ответил он. — С огнем разума, если быть точным. Но тем, кто боится, не место в Телеме.

Он кивнул ближайшему подручному, и тот зачитал список имен тех, кто недавно прибыл из Катундры: группы захвата.

— Наша задача проста, — сказал им Хеврон. — Вы проникнете на корабль Вооза и возьмете под контроль его оборудование, используя имеющуюся у вас аппаратуру. Вы обязаны проанализировать ее прежде, чем он вернется и атакует вас. Он смертоносный противник

в бою. Но как только вы преуспеете, он ничего не сможет сделать сам.

Коротышка, помогавший Хеврону на допросе Мэйси, заговорил.

— Нет ли здесь моральных преград?

— А почему они должны возникнуть? — с презрением глянул на него Хеврон. — Кто вправе судить бога?

В другой части города (весьма похожей на Гондору, о которой Вооз размышлял несколькими мгновениями раньше) проходила менее людная встреча. Полковник службы Очистки прибыл на Шаунс не в форменной одежде, но сейчас облачился в нее; он чувствовал себя сильнее и увереннее в фуражке и блестящей униформе, черной с зеленым, перехваченной широким поясом.

Комната была тесная, с низким потолком, полностью экранированная от всех известных видов шпионских лучей. В каждом полицейском участке эконосферы такая имелась.

— Подтверждение получено, — сказал он трем агентам в гражданском. — Беглец здесь.

— Он здесь, полковник.

Агенты были крупного телосложения, лица их ничего не выражали. Их за это и выбрали: анонимная безликость позволяла сливаться с толпой. Полковник, впрочем, подозревал, что такие меры порою оказываются контрпродуктивны: если несколько агентов оказывались рядом, из них вопиющая ординарность так и лезла.

— Дело чрезвычайной важности, — сказал он. — Могу сказать, что у меня прямой приказ шефа. Орм передал, что Вооза необходимо ликвидировать. Не пытайтесь его задержать.

— В каждом случае могут возникнуть проблемы, полковник.

— Да... его трудно остановить. В Катундре это было бы проще. — Он хмыкнул. Полиция Катундры втайне контролировала сеть силового транспорта. Любого гражданина, взятого под наблюдение, можно было выдержать прямо в камеру полицейского участка — или в камеру смертников, или даже заставить циркулировать по системе неопределенно долго, — как только тот ступал в транспортную будку.

— Но есть более простой способ, — продолжал он. — У этого Вооза опасная уязвимость. Он фактически на удаленном контроле: его корабль сохраняет в нем жизнь. Чтобы уничтожить Вооза, достаточно уничтожить его корабль, предпочтительно — когда двое отделены друг от друга...

Они говорили еще некоторое время, обсуждая планы и намечая время операции. На самом деле план захвата Вооза прорабатывали больше стандартного месяца, поскольку заранее было экстраполировано, что он направится к Шаунсу. Начальник сыскного ведомства Орм радостно поведал полковнику еще более захватывающую новость: на Шаунсе побывал с тайным визитом высокопоставленный гость, рангом не ниже правительственного министра, хотя Орм не имел права раскрывать его имя. Тем не менее он намеревался представить доклад Клике в полном составе, и тогда этой жутко важной шишке лучше будет объясниться начистоту... Раскрыв измену в высших эшелонах власти, начальник полиции Орм всегда получал особое наслаждение.

Вооз больше не сражался с призраками. Вероятно, в первый раз с того дня, когда он ступил на улицы города Теты в теле с новым, выпрямленным костяком, кремниевая начинка которого сулила великое будущее, — познал он меру счастья.

Они с Мэйси находились в комнате над рестораном, чуть поодаль главной торговой улицы бурлящего жизнью, напоенного цветочными ароматами города. Комната сама по себе была произведением искусства: стены изысканного желтого оттенка с фризом такого загадочного сюжета, что над ним добрую неделю можно размышлять; ковры и мебель такие мягкие и уютные, что навевают мысли о беззаботном детстве. Вечно переменчивые запахи придавали воздуху сладостную свежесть. Звуки, недоступные восприятию обычных людей без кремниевого костяка, стимулировали подсознание, как неустанная энергичная музыка.

Они отдохнули и готовились начать сызнава. Мэйси с улыбкой коснулась его голого плеча.

— Твое тело наделено качествами, — проговорила она, — которых нет больше ни у кого.

Он опустил взор на свое покрытое рубцами тело. Мэйси имела в виду не постоянную эрекцию: достичь подобного состояния хирургическим путем очень про-

сто, это совсем не уникальное качество. Куда важнее для него, впрочем, была постоянная живость ума.

Страхи прошлого, конечно, никуда не исчезли, но теперь он ощущал в себе силы подвергнуться процедуре, которая бы стерла память о них, очистила душу. Однако решил воздержаться от подобного шага. Мэйси указала ему иной путь, к иной цели.

Он стремился теперь к наслаждению, равному пережитой боли! И ничего не мог с собой поделать, продолжая размышлять об этом в философских категориях. В колоде столпников важнейшим считался принцип правосудия, или равновесия. Если оно и вправду существует во Вселенной, значит, его агония *должна* уравниваться *положительным* переживанием равной интенсивности, и отвратительные последствия будут компенсированы.

Он не стал озвучивать эти рассуждения перед Мэйси. Она бы лишь рассмеялась. Как неожиданно и чудесно то, что она сделала для него, и вместе с тем — это мог бы сделать кто угодно: необразованный трудяга, нимфа, кораблеводец. Они бы с охотой согласились, что если даже корпус определенных идей производит внушительное впечатление и подкреплен классическим дискурсом своей цивилизации, это еще не значит, что такие представления истинны.

Она разжала кулак. На ладони покоились четыре небольших фильтр-коннектора, два розовых и два бледно-синих.

— Синие — мужские, — сказала она. — Воткни.

Он принял их и, следуя примеру Мэйси, вставил себе в ноздри.

— Теперь обрызгаем друг друга, — сказала она. — Помни, что нужно дышать носом.

Она передала ему синий инжектор, потом взяла с подушки розовый, для себя. Селективные носовые фильтры защитят ее от высокоспецифичных феромонных молекул, которыми она сейчас окатит его; свой черед его фильтры предназначены для защиты от действия феромонов, стимулирующих женщину.

Они оросили друг друга феромонами. Их разделяла от силы пара футов. Откинув голову, Мэйси безмолвно активировала скелетные функции. Отшвырнула инжектор, вытащила носовые фильтры. Раскрыла объятия.

— Вооз! — тихо простонала она. — О, Вооз, твой скелет!

Он почувствовал возбуждение и начал выкручивать настройки на максимум.

Единственное солнце планеты клонилось к закату, длинными пытливыми пальцами света ощупывая корабль; трое мужчин крепкого сложения в униформе космодромных техников приближались к грузовозу, застывшему в непривычном вертикальном положении. У подножия хвостового эскалатора они остановились. Затем один из них осторожно направился к люку, держа руку в кармане на рукояти термошокера, которым намеревался пробить себе путь внутрь. Лента эскалатора пришла в движение. Его товарищи ступили на нее и расположились следом, готовые отразить атаку защитных робосистем. Замыкал отряд человек с полным комплектом ручных термобомб.

Достигнув верха ленты, первый замер в изумлении. Люк уже был выбит.

Жестом показав остальным, чтобы двигались еще осторожней, он отодвинул покореженную дверцу и неслышно, точно кот, проник внутрь. Он находился на межпалубной галерее. На полу, раскинув конечности, валялся бортовой робот. В корпусе машины зияла дыра.

Остальные также подтянулись внутрь.

— Нас кто-то опередил, — пробормотал первый. — Они, возможно, еще на борту.

— Может, обычные грабители?

— Если так, они, наверное, уже удрали с добычей. Но посмотрим.

В их обязанности входило подорвать как передатчик, так и все корабельные процессоры. Но этот корабль был сооружен по особому проекту, и доступа к его чертежам не имелось. Первый член отряда прошел по галерее до следующей двери и оказался на палубе, которая, по его предположению, находилась над грузовым отсеком.

Глаза его быстро привыкли к слабой освещенности. На палубе яблоку негде было упасть. Казалось, что она вся состоит из коридоров, тускло окрашенные стены которых — корпуса каких-то машин — издавали монотонные щелчки и жужжание. На каждом корпусе тускло светился зеленый индикаторный экран, и зловещее люминесцентное сияние их оставалось здесь единственным источником света.

В конце первого коридора двое мужчин в темных костюмах, придающих им сходство с котами, склонились

над какой-то плоской коробочкой. Рядом часть одного из корпусов была вырезана, и адплант-нити уходили от коробочки внутрь. Зеленый монитор яростно осциллировал.

— Полиция, — холодно возвестил сотрудник Очистки. — Встать. Руки держать на виду.

Двое подскочили от неожиданности, взгляды их заметались с бледных непримечательных лиц полицейских на оружие и обратно.

— Мы тут по делу, — проямлил один.

— По какому же?

Ответа не последовало. Сотрудник Очистки не поверил, но слегка расслабился.

— Убирайтесь отсюда, — приказал он. — Этот корабль будет уничтожен.

Глаза незнакомца распахнулись от ужаса.

— Нет! Он наш! Его нужно сохранить!

Тут из-за угла раздался шум. Появилась еще одна фигура в кошачьем костюме, вооруженная силовой винтовкой.

Бойцы Очистки не теряли времени зря. Двое немедленно открыли огонь. Безоружные люди в кошачьих костюмах панически завопили и пригнулись, вытянув перед собой руки бесполезным жестом самозащиты. На ладонях полыхнуло: **УДАЧА СОПУТСТВУЕТ СМЕЛЫМ**. Потом они упали замертво.

Третий боец Очистки не увидел стигматов. Он как раз присел на корточки под прикрытием товарищей и полез в сумку с термогранатами.

Мэйси умащала его тело маслом, когда Вооза пронзили первые болевые вспышки.

Он был на высоких настройках, таких высоких, словно перенесся в другой мир. Но мир этот с ним делила Мэйси, он принадлежал им двоим. В этом мире, как заверяла она его, лежало будущее человечества. Мы новый вид, говорила она, мы, скелетоиды. Другим не понять. Хеврону, Эбараку... у них такого скелета нет. А ты понимаешь. Они же — бесчувственные тупицы.

Да, именно так. Он испытывал необыкновенное просветление, прилив новых, невиданных сил. И жалость к тем, кто, не располагая таким скелетом, лишен подобной возможности.

Он отстранился от Мэйси на пару футов, пытаясь определить, каков источник неожиданного физического дискомфорта.

Затем его окутало незримое пламя, взметнулось от подошв до самой макушки. Корабль беззвучным воплем передал последнее, катастрофическое сообщение.

КОЛЛАПС.

Он тут же понял, что спасения нет. Он в лапах Очистки. В этот самый миг его корабль уничтожат. И вся работа скелетных дел мастеров, чьи знания и умения сделали его полноценным человеком, постепенно обесмысливается: функциональные системы корабля отключаются одна за другой. Он шагнул вперед — будто на утыканную кольями кристаллическую решетку боли наткнулся. Он слишком поздно сообразил, что бессознательно активировал все функции скелета, в том числе — как и в давно ушедший день на краю ямы ал-

химиков — спасательную. Слишком поздно понял, что отключить их уже не может.

Однако имелось и различие с тем днем: все настройки были на восьмом уровне. Агония нарастала и нарастала, усиливалась и усиливалась, сверхчувствительные кремниевые кости продолжали ее ретранслировать. Он снова оказался на краю ямы. Он столкнулся с тем, чего страшился больше всего на свете. Вооз заревел от боли, ярости и ужаса, стал корчиться в тщетных попытках заглушить мучения, сбежать от них, превозмочь, как-то пересилить мытарства, которым снова подвергали его темную искореженную душу в бесконечном проклятии ее одиночества. Ибо кости воспринимали боль, ретранслировали ее, наслаждались ею, усиливали до предела и поставляли ему. Миллион лет провел он в лабиринтах исключительной, экстатической агонии. Он обитал в болевых дворцах, странствовал по городам цивилизаций, основанных на пыточной технологии.

И когда эта боль адским пламенем окутала его — уже во второй раз, — Вооз вдруг вспомнил. *Он вспомнил.* Воспоминание было пронзительным и безошибочным в своей ясности. Он уже испытывал это. Тысячу раз, миллион раз до того. Он вспомнил, как умирал спустя несколько минут, бессильный контролировать спазмы, разнося в агонии комнату и убивая Мэйси.

И вдруг он замолчал, хотя продолжал чувствовать, как углубляется соматическая катастрофа, как отказывают одна за другой его системы. Снова попытался заговорить и услышал слова, произнесенные искажен-

ным, неузнаваемым голосом: как искры, вырвались они из печи его терзаний.

— Столпники... правы... Мир... повторяет... себя...

Она уставилась на него в ужасе, широко распахнутыми глазами, прижав руку ко рту.

— Но... смерть... не... тот... конец, которого... нужно... искать, Мэйси... Беги... спасайся... Живи!

Он отвернулся.

— Все... не... должно так... быть!

Он проломил хлипкую стену комнаты отдыха и вывалился наружу, на пыльную, опустевшую улицу. Лишь где-то вдали, за линией низких крыш, вздымалось в сумерках белое пламя.

Новая перспектива. Никогда прежде в бесконечности эпох не видели его глаза в этот момент ничего подобного.

Умирающий корабль сражался за его жизнь, пытался его спасти. Он понимал, что агенты Очистки не задумываясь уничтожат его. Они обыщут город и убьют Мэйси, если сейчас не задержать их, выиграв для нее время. Он побрел вниз по улице. Свернул в переулок, налетел на стену, потом оказался у космодрома.

Корабль возносился к небесам, как древо ослепительно-белого пламени. Первая вспышка, пронизавшая тело с пят до головы, была вызвана взрывом расчленивших металлический корпус термогранат. Рядом с кораблем, заслоняясь руками от жара, стояла группка людей; трое с оружием прикрывали двух других.

У него еще оставались силы. Он ринулся на них. Жуткий визгливый вопль его был как гром с ясного неба:

— Я... Иоаким Вооз... изменил... мир... Никогда... больше... вам... меня... не... уничтожить...

Его обуревало чувство абсолютной свободы. Он преступал законы физики. Он вырвался за пределы природы. Он обрушился на них, не отдавая себе отчета в их испуге. Трех точно убил, а может, и еще двоих, но тут связь сознания с внешним миром стала рваться. В мозгу его стремительно пронеслись образы: Жрица, Колесница, Правосудие, Мощь — все карты столпничьей колоды, одна за другой. Потом он услышал взрыв колоссальной силы, как бы трубный глас, который поглотил все вокруг.

И не осталось ничего.

Об авторе

Баррингтон Дж. Бейли (Barrington J. Bayley) родился 9 апреля 1937 года в Бирмингеме, Великобритания. Образование получил в Шропшире; был клерком, типографским рабочим, шахтером, репортером. В восемнадцать лет поступил на службу в Королевские ВВС.

В фантастике Баррингтон Бейли дебютировал в 1954 году рассказом «Combat's End». Некоторую известность ему принесли рассказы, которые печатались в журнале Майкла Муркока «New Worlds». Впоследствии, в 1960-х годах, совместно с Муркоком, Баррингтон писал произведения для юных читателей. В 1970 году была опубликована его первая книга «Звездный вирус» (Star Virus), а в 1972 году увидели свет «Фактор уничтожения» (Annihilation Factor) и «Империя двух миров» (Empire of Two Worlds). Вскоре известность получили романы Бейли «Курс на столкновение» (Collision course) и «Падение Хронополиса» (The Fall of Chronopolis). Среди других романов Бейли — «Душа робота» (1976), «Одеяния Кайна» (1976), «Большое колесо» (1977), «Звездные ветры» (1978), «Столпы вечности» (1982), «Дзен-пушка» (1983), «Лес Пелдайна» (1985).

Скончался В.Бейли 14 октября 2008 года.

Barrington J. Bayley
The Pillars of Eternity

Первое издание вышло в марте 1982
ISBN 0-87997-717-5
DAW Books, 159p.,
Cover Wayne D. Barlowe

На странице 2 – фото 1981 года и автограф

В этой книжке 307 218 знаков

Баррингтон Бейли

Столпы вечности

Роман

Перевод К. Сташевски

Иллюстрации Дианы Кузнецовой

Тираж 30 экз.

Зарубежная

фантастика

